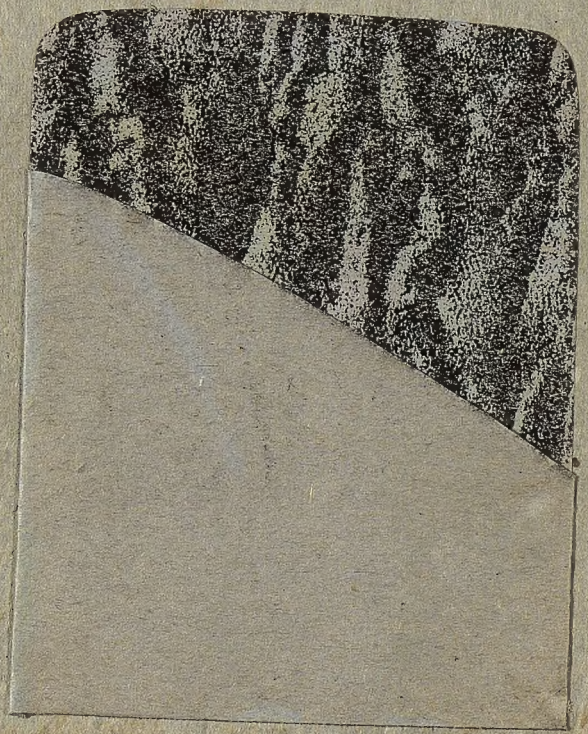
1925 г.

Ленин В.
Крах II интернационала.



Н. Ленин (В. Ульянов)

КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

3К23
К-78

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ и ПРИМЕЧАНИЯ
К. П. Новицкого

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ГПИБ
ФИЛИАЛ
Ф 13296

ТИПОГРАФИЯ
ГОСУД. ИЗДАТ.
имени ГУТЕНБЕРГА.
ЛЕНИНГРАД,
СТРЕМЯННАЯ, 12.

ГОСУД. РОССК. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 41506
1-VI-1925.
БИБЛИОТЕКА.

Гиз. № 9210. Ленинградский Гублит № 5505. 75.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящем сборнике собраны статьи, написанные В. И. Лениным в период империалистской войны. Впервые они были помещены в „Социал-Демократе“, — центральном органе большевиков, выходившем в Швейцарии с конца 1914 по начало 1917 г., и в № 1—2 журнала „Коммунист“ (1916 г.).

После Октябрьской революции, в 1918 г., статьи эти, вместе со статьями Г. Зиновьева, написанными в тот же период, вошли в сборник „Против течения“, выдержавший несколько изданий. В предисловии к этому сборнику В. И. Ленин писал, что без знакомства со статьями, помещенными в нем, „не обойдется ни один сознательный рабочий, желающий понять развитие идей международной социалистической революции и ее первой победы 25-го октября 1917 года“.

В настоящее издание вошли статьи В. И. Ленина, посвященные, главным образом, краху II Интернационала. В них читатель найдет классовый анализ социал-шовинизма и беспощадную уничтожающую критику социал-предателей.

Уже в первые месяцы войны В. И. Ленин рассматривал „превращение“ вождей международного социалистического движения в „лакеев буржуазии“, как смерть II Интернационала. В ноябре 1914 г. В. И. писал: „II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от „перебежчиков“ (как желает „Голос“), но и от оппортунизма III Интернационал!“.

Тогда же В. И. Ленин в нескольких словах указал на ту огромной исторической важности задачу, которую должен разрешить новый революционный союз международного пролетариата. „III Интернационалу, — писал он, — предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма“.

Спустя три года после того, как написаны были эти строки, завоевание власти рабочими в России стало фактом. А в 1919 г. стал фактом и III Интернационал, над созданием которого так настойчиво и так неустанно трудился В. И. Ленин с первых месяцев войны до IV конгрессса Коминтерна, — последнего конгресса, происходившего с его участием.

III Интернационал объединяет ныне под своим боевым знаменем революционные силы международного пролетариата для решения задач, указанных В. И. Лениным еще в 1914 г.

Собранные в настоящем томе статьи В. И. освещают не только причины, вызвавшие крах II Интернационала, но и тот длинный путь, по которому шло развитие революционной социалистической мысли в эпоху мировой войны и порожденного ею кризиса социализма, и который привел рабочий класс России к завоеванию власти и уничтожению капиталистического рабства.

Только при свете ленинской мысли можно „понять развитие идей международной социалистической революции“ и разобраться в той сложной борьбе, какую вели между собой во время войны, — а затем и в эпоху революции, — государства и социалистические партии.

К изучению этой борьбы должен подойти каждый сознательный рабочий, желающий понять ход величайших исторических событий нашей эпохи.

Статьи, вошедшие в настоящий сборник, проверены по XIII тому собрания сочинений Владимира Ильича, издаваемых под редакцией Л. Б. Каменева.

Сборник снабжен примечаниями, написанными по тому же типу, какой принят редакцией первого собрания сочинений В. И. Ленина.

К. Новицкий.

8/IX 1924 года.

Положение и задачи социалистического Интернационала [1]).

Тяжелее всего в теперешнем кризисе — победа буржуазного национализма, шовинизма над большинством официальных представителей европейского социализма. Недаром буржуазные газеты всех стран то издеваются над ними, то снисходительно похваливают их. И нет задачи важнее для того, кто хочет остаться социалистом, как выяснение причин социалистического кризиса и анализ задач Интернационала.

Есть люди, которые боятся признать ту истину, что кризис, вернее крах, II Интернационала [2]) есть крах оппортунизма.

Ссылаются на единодушие, например, французских социалистов, на полную, будто бы, перетасовку старых фракций в социализме по вопросу об отношении к войне. Но эти ссылки неправильны.

Защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забвение исторически преходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя „широкие массы населения“ (читай: мелкую буржуазию) — таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма. Именно на этой почве и выросло теперешнее шовинистское, патриотическое настроение большинства вождей II Интернационала. Фактическое преобладание оппортунистов среди них давно отмечалось с самых различных сторон различными наблюдателями. Война лишь вскрыла особенно быстро и остро действительные размеры этого преобладания. Что необычайная острота кризиса вызвала ряд перетасовок в старых фракциях, — это неудивительно. Но в общем и целом эти перетасовки коснu-

лись только личностей. Направления внутри социализма остались прежние.

Среди французских социалистов нет полного единодушия. Сам Вальян [3]), ведущий шовинистскую линию вместе с Гэдом [4]), Плехановым [5]), Эрвэ [6]) и др., вынужден признать, что он получает ряд писем от протестующих французских социалистов, указывающих, что война есть империалистская война, что французская буржуазия не менее других повинна в ней. Не надо забывать, что такие голоса заглушают не только восторжествовавший оппортунизм, но и военная цензура. У англичан группа Гайндмана [7]) (английские с.-д. — „Брит. соц. партия“) вполне скатилась к шовинизму, как и большинство полулиберальных вождей трэд-юнионов. Отпор шовинизму дают Макдональд [8]) и Кейр-Гарди [9]) из оппортунистической „Независимой Рабочей Партии“. Это — действительно исключение из правила. Но некоторые революционные с.-д., давно боровшиеся с Гайндманом, вышли теперь из рядов „Брит. соц. партии“. У немцев картина ясна: оппортунисты победили, они ликуют, они „в своей тарелке“. „Центр“ с Каутским [10]) во главе скатился к оппортунизму и защищает его особенно лицемерными, пошлыми и самодовольными софизмами. Из среды революционных с.-д. раздаются протесты Меринга [11]), Паннекука [12]), К. Либкнехта [13]), ряда безыменных голосов в Германии и в немецкой Швейцарии. В Италии тоже ясна группировка: крайние оппортунисты, Биссолати [14]) и К° за „отечество“, за Гэда — Вальяна — Плеханова — Эрвэ. Революционные с.-д. („соц. партия“), с „Avanti“ [15]) во главе, борются с шовинизмом и разоблачают буржуазно-корыстный характер призывов к войне, встречая поддержку огромного большинства передовых рабочих. В России крайние оппортунисты из лагеря ликвидаторов уже подняли свой голос в защиту шовинизма на рефератах и в печати. П. Маслов [16]) и Е. Смирнов [17]) защищают царизм под предлогом защиты отечества (Германия, видите ли, грозит „силой меча“ навязать „нам“ торговые договоры, тогда как царизм, должно-быть, не силой меча, кнута и виселицы душил и душит экономическую, политическую и национальную жизнь $^9/_{10}$ населения России!) и оправдывают вступление социалистов в буржуазно-реакционные министерства и голосование сегодня за военные кредиты, завтра за новые вооружения!! К национализму скатился Плеханов, прикрывая свой русский шовинизм французофильством, и Алексинский [18]). Мартов, если судить по парижскому „Голосу“ [19]), держится всех приличнее из этой компании, давая отпор шови-

низму и германскому и французскому, восставая и против „Vorwärts'a“ [20]), и против г. Гайндмана, и против Маслова, но боясь объявить решительную войну всему международному оппортунизму и его „влиятельнейшему“ защитнику, „центру“ немецкой с.-д. Попытки представить волонтерство, как осуществление социалистических задач (см. декларацию группы русских волонтеров в Париже, соц.-дем. и соц.-рев., а также польских с.-д., Ледера [21]) и др.), встретили защиту только Плеханова. Большинство парижской секции нашей партии осудило эти попытки. Позицию Ц. К. нашей партии читатели видят из передовой статьи настоящего номера. К истории того, как сложилась формулировка взглядов нашей партии, мы должны — во избежание недоразумений — установить следующие факты: группа членов нашей партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала сначала „тезисы“ и 6—8 сентября нов. стиля пустила их в обращение между товарищами. Затем она передала их через швейцарских с.-д. двум членам итало-швейцарской конференции в Лугано (27 сент.). Только в половине октября удалось восстановить связи и сформулировать точку зрения Ц. К. партии. Передовая статья этого номера есть окончательная редакция „тезисов“.

Таково, вкратце, положение дел в европейской и российской с.-демократии. Крах Интернационала налицо. Полемика в печати между французскими и немецкими социалистами окончательно доказала это. Не только левые с.-д. (Меринг и „Brem. Bürg. Ztg.“), но и умеренные швейцарские органы („Volksrecht“) признали это. Попытки Каутского затушевать этот крах — трусливая увертка. И этот крах есть именно крах оппортунизма, оказавшегося в плену у буржуазии.

Позиция буржуазии ясна. Не менее ясно и то, что оппортунисты просто повторяют слепо ее доводы. К сказанному в передовице остается разве добавить простое указание на издевательские речи „Neue Zeit“ [22]), будто интернационализм состоит как-раз в стрельбе рабочих одной страны против рабочих другой во имя защиты отечества!

Вопрос об отечестве, — ответим мы оппортунистам, — нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны. Эта война — империалистская, т.-е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи к о н ц а капитализма. Рабочий класс должен сначала „устроиться в пределах наций“, — говорит „К о м м. М а н и ф е с т“, указывая при этом г р а н и ц ы и у с л о в и я нашего признания национальности и отечества,

как необходимых форм буржуазного строя, а, следовательно, и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об этой эпохе, о задачах пролетариата в борьбе за разрушение не феодализма, а капитализма, ясно и определенно говорит „К. М.“ [23]): „рабочие не имеют отечества“. Понятно, почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитаться с ней. Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на „защиту отечества“ сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций.

Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистский грабеж старой идеологией „национальной войны“. Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен штутгартской [24]) и базельской [25]) резолюциями, которые как-раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну, и которые говорили не о „защите отечества“, а об „ускорении краха капитализма“, об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну.

Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено „по желанию“ отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в объективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. И в этом направлении, только в этом направлении, должны вести свою работу социалисты. Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму „своей“ страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом „своей“ буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис, и буржуазия сама отняла созданную ею легальность — вот та линия работы, которая ведет к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара.

Война — не случайность, не „грех“, как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по „народному“ течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистского вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сантиментальные и глупенькие воздыхания о „мире во что бы то ни стало!“. Поднимем знамя гражданской войны! Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны, — сказка о „последней войне“ есть пустая, вредная сказка, мещанская „мифология“ (по верному выражению „Голоса“ [26]). Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, не во время теперешней войны, так после нее, не в эту, так в ближайшую следующую войну соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и „своей“ страны, и „чужих“ стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от „перебежчиков“ (как желает „Голос“), но и от оппортунизма III Интернационал.

II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую „мирную“ эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для револю-

ционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!

1 ноября 1914.

Мертвый шовинизм и живой социализм [27]).

Как восстановить Интернационал?

Для с.-д. России, несколько больше даже, чем для с.-д. всего мира, образцом была в течение последних десятилетий немецкая соц.-дем. Понятно поэтому, что нельзя отнестись сознательно, т.-е. критически, к царящему теперь социал-патриотизму или „социалистическому“ шовинизму без самого точного выяснения своего отношения к ней. Чем она была? что она есть? чем она будет?

На первый вопрос ответ может дать изданная в 1909 г. и переведенная на многие европейские языки брошюра К. Каутского „Путь к власти“ [28]), самое цельное, самое благоприятное для немецких с.-д. (в смысле подаваемых ими надежд) изложение взглядов на задачи нашей эпохи, принадлежащее перу самого авторитетного во II Интернационале писателя. Напомним поподробнее эту брошюру; это будет тем полезнее, чем чаще теперь позорно отбрасывают „забытые слова“.

С.-д. есть „революционная партия“ (первая фраза брошюры) не только в том смысле, в каком революционна паровая машина, но „еще в другом смысле“. Она стремится к завоеванию политической власти пролетариатом, к диктатуре пролетариата. Осыпая насмешками „сомневающихся в революции“, Каутский писал: „Разумеется, при всяком значительном движении и восстании мы должны считаться с возможностью поражения. Перед борьбой только дурак может считать себя вполне уверенным в победе“. „Прямой изменой нашему делу“ был бы отказ считаться с возможностью победы. Революция в связи с войной возможна и во время войны, и после нее. Когда именно обострение классовых противоречий приведет к революции, определить невозможно, но „я могу совершенно определенно утверждать, что революция, которую несет с собой война, разразится или во время войны, или непосредственно после нее“: нет ничего пошлее теории „мирного врастания в социализм“. „Нет ничего ошибочнее мнения, будто познание экономической необ-

ходимости означает ослабление воли". „Воля, как желание борьбы, определяется: 1) ценой борьбы; 2) чувством силы и 3) действительной силой". Когда знаменитое предисловие Энгельса к „Классовой борьбе во Франции" пробовали (между прочим, в „Vorwärts") истолковать в смысле оппортунизма, то Энгельс возмущался и называл „позорным" допущение, что он — „мирный поклонник законности во что бы то ни стало". „Мы имеем все основания думать, что мы вступаем в период борьбы за государственную власть"; борьба эта может тянуться десятилетия, это нам неизвестно, но „по всей вероятности она приведет в недалеком будущем к значительному усилению пролетариата, если не к диктатуре его в Зап. Европе". Революционные элементы растут: в 1895 г. из 10 миллионов избирателей Германии было 6 миллионов пролетариев и $3^1/_2$ милл. заинтересованных в частной собственности. В 1907 г. число последних возросло на 0,03 милл., а первых на 1,6 милл.! И „темп движения вперед сразу становится очень быстрым, когда наступают времена революционного брожения". Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются, растет дороговизна, неистовствует империалистское соревнование, милитаризм. Близится „новая эра революции". Сумасшедший рост налогов „давно уже привел бы к войне, как единственной альтернативе революции... если бы именно эта альтернатива революции за войной не стояла еще ближе, чем за вооруженным миром". „Всемирная война становится угрожающе близкой; а война означает также и революцию". Еще в 1891 г. Энгельс мог бояться преждевременной революции в Германии, но с тех пор „положение сильно изменилось". Пролетариат „не может уже говорить о преждевременной (курсив Каутского) революции". Мелкая буржуазия очень ненадежна и все более враждебна пролетариату, но в эпоху кризиса она „способна массами перейти к нам". Все дело в том, чтобы с.-д. „оставалась непоколебимой, последовательной, непримиримой". Несомненно, что мы вступили в революционный период.

Вот как писал Каутский в давно-давно прошедшие времена, целых 5 лет тому назад. Вот чем была, или, вернее, обещала быть, немецкая с.-д. Вот какую с.-д. можно и должно было уважать.

Посмотрите, что пишет теперь сей Каутский. Вот важнейшие заявления из его статьи „С.-д. во время войны" („Neue Zeit", № 1, 2, X, 1914): „Наша партия гораздо реже обсуждала вопрос о том, как вести себя во время войны, чем о том, как

помешать войне"... „Никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны". „Военное время всего менее удобно для спокойного обсуждения". „Практический вопрос теперь: победа или поражение собственной страны". Соглашение между партиями в воюющих странах о действии против войны? „Практически что-либо подобное никогда еще не было испытано. Мы всегда оспаривали возможность этого"... Расхождение между французскими и немецкими социалистами „не принципиальное" (и те, и другие защищают отечество)... „С.-д. всех стран имеют равное право или равную обязанность участвовать в защите отечества: ни одна нация не должна упрекать за это другую"... „Интернационал обанкротился?". „Партия отказалась от прямой защиты своих партийных принципов во время войны? (слова Меринга из того же номера). Ошибочное мнение... Нет никаких оснований к такому пессимизму... Расхождение не принципиальное... Единство принципов остается... Неповиновение законам военного времени повело бы „просто к запрещению нашей прессы". Повиновение этим законам „так же мало означает отказ от защиты партийных принципов, как подобная же работа нашей партийной печати под дамокловым мечом исключительного закона против социалистов".

Мы нарочно привели подлинные цитаты, ибо нелегко поверить, что подобные вещи могли быть написаны. Нелегко найти в литературе (кроме разве „литературы" прямых ренегатов) такой самодовольной пошлости, такого постыдного... уклонения от истины, таких некрасивых увертюк для прикрытия самого явного отречения и от социализма вообще, и от точных международных решений, принятых единогласно (например, в Штутгарте, и особенно в Базеле) как-раз в виду европейской войны именно теперешнего характера! Было бы неуважением к читателю, если бы мы стали брать „всерьез" доводы Каутского и пробовать „анализировать" их: ибо если европейская война во многом не похожа на простой и „маленький" еврейский погром, то „социалистические" доводы в защиту участия в этой войне вполне похожи на „демократические" доводы в защиту участия в еврейском погроме. Доводов в защиту погрома не разбирают: на них лишь указывают, чтобы выставить их авторов к позорному столбу перед всеми сознательными рабочими.

Но как могло случиться, спросит читатель, чтобы крупнейший авторитет II Интернационала, чтобы писатель, защищавший приведенные в начале статьи взгляды, опустился до такого

положения, „хуже ренегатского“? Это непонятно, ответим мы, лишь для того, кто,— может-быть, бессознательно,— стоит на той точке зрения, что, в сущности, ничего особенного не случилось, что нетрудно „помириться и забыть“ и т. д., т.-е. именно на ренегатской точке зрения. Но, кто серьезно и искренно исповедывал социалистические убеждения и разделял взгляды, изложенные в начале статьи, тот не удивится тому, что „умер „Vorwärts“ [29]) (выражение Л. Мартова [30]) в парижском „Голосе“) и „умер“ Каутский. Крах отдельных лиц — не диковинка в эпохи великих всемирных переломов. Каутский, несмотря на свои громадные заслуги, никогда не принадлежал к тем, кто во время больших кризисов сразу занимал боевую марксистскую позицию (вспомним его колебания по вопросу о мильеранизме).

А мы переживаем именно такую эпоху. „Стреляйте первыми, гг. буржуа!“,— писал в 1891 г. Энгельс, защищая (и вполне справедливо) использование нами, революционерами, буржуазной легальности в эпоху так называемого мирного конституционного развития. Мысль Энгельса была яснее ясного: мы, сознательные рабочие, будем стрелять вторыми, нам выгоднее теперь использовать для перехода от избирательного бюллетеня к „стрельбе“ (т.-е. к гражданской войне) момент нарушения самой буржуазией того легального базиса, который ею создан. И Каутский выражал в 1909 г. бесспорные мнения всех революционеров с.-д., когда говорил, что преждевременною революция теперь в Европе быть не может, и что война означает революцию.

Но десятилетия „мирной“ эпохи не прошли бесследно: они создали неизбежно оппортунизм во всех странах, обеспечив ему преобладание среди „вождей“ парламентских, профессиональных, журналистских и т. д. Нет ни одной страны в Европе, где бы не шла долгая и упорная борьба в той или иной форме против оппортунизма, который вся буржуазия поддерживала миллионами путей для развращения и обессиления революционного пролетариата. Тот же самый Каутский писал 15 лет назад, в начале бернштейниады, что, если бы оппортунизм из настроения стал направлением, раскол стал бы на очередь дня. А у нас, в России, создавшая с.-д. партию рабочего класса старая „Искра“ [31]) писала в № 2, в начале 1901 г., в статье „На пороге XX века“, что революционный класс XX в. имеет (подобно революционному классу XVIII века, буржуазии) свою Жиронду и свою Гору [32]).

Европейская война означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты. (В этом, в скобках сказать, состоит благодетельное и прогрессивное действие всяких кризисов, непонятное только тупым поклонникам „мирной эволюции“). II Интернационал, успевший за 25 — 45 лет (смотря по тому, считать ли с 1870, или 1889 года) сделать чрезвычайно важную и полезную работу распространения социализма вширь и подготовительной, первоначальной, простейшей организации его сил, сыграл свою историческую роль и умер, побежденный не столько фон-Клюками, сколько оппортунизмом. Пусть теперь мертвые хоронят мертвых. Пусть пустые хлопотуны (если не интриганские лакеи шовинистов и оппортунистов) „трудятся“ теперь над тем, чтобы свести Вандервельдов [33]) и Самба [34]) с Каутским и Гаазе [35]), как будто бы перед нами был Иван Иваныч, сказавший „гусака“ Ивану Никифорычу и нуждающийся в приятельском „подталкивании“ к противнику. Интернационал состоит не в том, чтобы сидели за одним столом и писали лицемерную и крючкотворскую резолюцию люди, которые считают истинным интернационализмом, когда немецкие социалисты оправдывают призыв немецкой буржуазии стрелять во французских рабочих, а французские — призыв французской стрелять в немецких „во имя защиты отечества“!!! Интернационал состоит в том, чтобы сближались между собой (сначала идейно, а потом, в свое время, и организационно) люди, способные в наши трудные дни отстаивать социалистический интернационализм на деле, т.-е. собирать свои силы и „стрелять вторыми“ против правительств и командующих классов каждый с в о е г о „отечества“. Это — нелегкое дело, которое потребует немалой подготовки, больших жертв, не обойдется без поражений. Но именно потому, что это нелегкое дело, надо делать его только с теми, кто х о ч е т его делать, не боясь полного разрыва с шовинистами и защитниками социал-шовинизма.

Больше всего делают для искреннего, а не для лицемерного, восстановления социалистического, а не шовинистского, Интернационала такие люди, как Паннекук [12]), написавший в статье „Крах Интернационала“: „Если вожди съедутся и попытаются склеить разногласия, это не будет иметь никакого значения“.

Скажем открыто то, что есть: война все равно заставит не завтра, так послезавтра сделать это. Есть три течения в международном социализме: 1) шовинисты, последовательно проводящие политику оппортунизма, 2) последовательные враги оппортунизма, которые во всех странах уже начинают заявлять о себе (оппортунисты разбили их большей частью на-голову, но „разбитые армии хорошо учатся“) и которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны; 3) люди растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами и приносят пролетариату больше всего вреда лицемерными попытками почти научно и марксистски (не шутите!) оправдать оппортунизм. Часть гибнущих в этом третьем течении может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением, со всеми, кто способен оправдывать вотирование кредитов, „защиту отечества“, „подчинение законам военного времени“, удовлетворение легальностью, отречение от гражданской войны. Только тот, кто ведет эту политику, на деле строит Интернационал социалистический. Мы, с своей стороны, установив сношения с русской коллегией Ц. К. и с руководящими элементами питерского рабочего движения, обменявшись мыслями с ними и убедившись, что есть солидарность в основном, можем, как редакция ЦО, заявить от нашей партии, что только в таком направлении ведомая работа есть партийная и соц.-дем. работа.

Раскол немецкой с.-д. кажется мыслью, которая слишком пугает многих своей „необычайностью“. Но объективное положение ручается за то, что либо произойдет это необычайное (заявили же Адлер и Каутский на последнем заседании Межд. Соц. Бюро в июле 1914 г., что они не верят в чудеса и потому не верят в езропейскую войну!), либо мы будем свидетелями мучительного гниения того, что было некогда немецкой с.-д. Тем, кто чересчур привык „верить“ в (бывшую) немецкую с.-д., мы напомним еще только в заключение, как люди, много лет бывшие нашими противниками по целому ряду вопросов, подходят к мысли о таком расколе; как Л. Мартов писал в „Голосе“: умер „Vorwärts“; „с.-д., объявляющая об отказе от классовой борьбы, лучше бы сделала, если бы открыто признала то, что есть, временно распустила свою организацию, закрыла свои органы“; как Плеханов, по отчету „Голоса“, говорил на реферате: „Я большой противник раскола, но если из-за целости организации жертвуют принципами, тогда лучше раскол,

чем фальшивое единство". Плеханов сказал это про немецких радикалов: он видит сучок в глазу немцев и не видит бревна в своем собственном глазу. Это его индивидуальная особенность, к которой мы все слишком привыкли за последние 10 лет плехановского радикализма в теории и оппортунизма на практике. Но если даже люди с такими индивидуальными... странностями, заговаривают о расколе у немцев, то это — знамение времени.

12 декабря 1914.

Русские Зюдекумы [36]).

Слово „Зюдекум" приобрело нарицательное значение: тип самодовольного бессовестного оппортуниста и социал-шовиниста. Это хороший признак, что все с презрением говорят о Зюдекумах. Но есть только одно средство не впадать при этом самому в шовинизм. Это средство — помогать по мере сил разоблачению русских Зюдекумов.

Во главе их окончательно поставил себя Плеханов своей брошюркой „О войне". Рассуждения его — сплошная замена диалектики софистикой. Софистически обвиняется немецкий оппортунизм для прикрытия оппортунизма французского и русского. В итоге получается не борьба с международным оппортунизмом, а поддержка его. Софистически оплакивается судьба Бельгии при умолчании о Галиции. Софистически смешивается эпоха империализма (т.-е. эпоха, когда по общему признанию марксистов созрели уже объективные условия крушения капитализма, и когда имеются налицо массы социалистического пролетариата) с эпохой буржуазно-демократических национальных движений; эпоха назревшего уже разрушения буржуазных отечеств интернациональной революцией пролетариата с эпохой их зарождения и сплочения. Софистически обвиняется в нарушении мира буржуазия Германии и замалчивается длительная и упорная подготовка войны против нее буржуазией „тройственного согласия". Софистически обходится резолюция базельская. Софистически подменяется социал-демократизм национал-либерализмом: желание победы царизму мотивируется интересами экономического развития России, при чем даже не затрагиваются вопросы ни о национальностях России, ни о задержке ее экономического развития царизмом, ни о сравнительно неизмеримо более быстром и успешном росте производительных сил в Германии и т. д., и т. п. Разбор всех софизмов Пле-

ханова потребовал бы ряда статей, и еще неизвестно, стоит ли разбирать многие из его смешных нелепостей. Остановимся только на одном, якобы, доводе. Энгельс писал Марксу в 1870 г., что В. Либкнехт ошибочно делает себе единственный руководящий принцип из антибисмаркизма. Плеханов обрадовался, найдя эту цитату: у нас-де то же самое с антицаризмом! Но попробуйте заменить софистику (т.-е. выхватывание внешнего сходства случаев вне связи событий) диалектикой (т.-е. изучением всей конкретной обстановки события и его развития). Объединение Германии было необходимо, и Маркс как перед 1848 г., так и после него всегда признавал это. Энгельс еще в 1859 г. прямо звал немецкий народ на войну ради объединения. Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контр-революционно, по-юнкерски. Антибисмаркизм, как единственный принцип, стал нелепостью, ибо завершение необходимого объединения стало фактом. А в России? Имел ли наш храбрый Плеханов мужество провозглашать заранее, что для развития России необходимо завоевать Галицию, Царьград, Армению, Персию и т. п.? Имеет ли он мужество теперь сказать это? Подумал ли он о том, что Германии надо было перейти от раздробления немцев (угнетаемых и Францией, и Россией две первые трети XIX века) к объединению их, а в России великороссы не столько объединили, сколько придавили ряд других наций? Плеханов, не подумав об этом, просто прикрывает свой шовинизм, извращая смысл цитаты из Энгельса 1870 г., как Зюдекум извращает цитату из Энгельса 1891 г., когда Энгельс писал о необходимости для немцев бороться не на жизнь, а на смерть против союзных войск Франции и России.

Другим языком, в другой обстановке защищает шовинизм „Наша Заря“ [37]), №№ 7—8—9. Г. Череванин [38]) предсказывает и призывает „поражение Германии“, уверяя, что „Европа (!!) восстала“ против нее. Г. А. Потресов разносит германских с.-д. за „промах“ „хуже любого преступления“ и т. д., уверяя, что у германского милитаризма есть „специальные, сверхсметные грехи“, что „не панславистские мечты известных русских кругов являлись угрозой европейскому миру“ и пр.

Разве это не значит подпевать Пуришкевичу [39]) и социал-шовинистам, когда в легальной печати разрисовывается „сверхсметная“ вина Германии и необходимость поражения ее? О том, что милитаризм России имеет во сто раз больше „сверхсметных“ грехов, приходится молчать под гнетом царской цензуры.

Гос. Центр. Историческая Библиотека

Неужели люди, не желающие быть шовинистами, не должны бы при таком положении, по крайней мере, не говорить о поражении Германии и сверхсметных грехах ее?

„Наша Заря“ не только взяла линию „непротиводействия войне“; нет, она прямо льет воду на мельницу великорусского царско-пуришкевичевского шовинизма, проповедуя „социал-демократическими“ доводами поражение Германии и выгораживая панславистов. А, ведь, именно, писатели „Н. Зари“, не кто другой, как они, вели массовую пропаганду ликвидаторства среди рабочих в 1912 — 1914 годах.

Возьмем, наконец, Аксельрода [40]), которого, как и писателей „Н. Зари“, так сердито и так неудачно прикрывает, защищает и выгораживает Мартов [30]).

Взгляды Аксельрода, с его согласия, изложены в №№ 86 и 87 „Голоса“. Это — взгляды социал-шовинистские. Вступление французских и бельгийских социалистов в буржуазное министерство Аксельрод защищает следующими доводами: 1) „Историческая необходимость, на которую так любят теперь некстати ссылаться, для Маркса отнюдь не означала пассивного отношения к конкретному злу в ожидании социалистического переворота“. Что это за путаница? При чем это? Все, что случается в истории, случается необходимо. Это — азбука. Противники социал-шовинизма ссылались не на историческую необходимость, а на империалистский характер войны. Аксельрод прикидывается, что не понял этого, не понял вытекающей отсюда оценки „конкретного зла“: буржуазного господства во всех странах и своевременности начать революционные действия, ведущие к „социальному перевороту“. Пассивными являются социал-шовинисты, отрицая это. 2) „Нельзя игнорировать вопрос, кто явился настоящим зачинщиком войны, „тем самым поставив все страны, подвергшиеся военному нападению, в необходимость защищать свою самостоятельность“. И на той же странице признание, что „французские империалисты стремились, конечно, через 2 — 3 года вызвать войну“! За это время, изволите видеть, усилились бы пролетариат и шансы на мир!

Но мы знаем, что за это время усилились бы любезный сердцу Аксельрода [41]) оппортунизм и шансы на его еще более подлую измену социализму. Мы знаем, что десятилетиями трое разбойников (буржуазия и правительства Англии, России, Франции) вооружались для ограбления Германии. Удивительно ли, что два разбойника напали раньше, чем трое успели по-

лучить заказанные ими новые ножи? Разве это не софизм, когда фразами о „зачинщиках“ замазывается всеми социалистами бесспорно, единогласно признанная в Базеле одинаковая „виновность“ буржуазии всех стран? 3) „Упрекать бельгийских социалистов за оборону своей страны“ есть „не марксизм, а цинизм“. Именно так Маркс назвал прудоновское отношение к восстанию Польши (1863 г.). Об исторической прогрессивности восстания Польши против царизма Маркс говорил с 1848 года постоянно. Никто не смел отрицать этого. Конкретные условия состояли в нерешенности национального вопроса на востоке Европы, т.-е. в буржуазно-демократическом, а не империалистском характере войны против царизма. Это — азбука.

Бельгийской „стране“ в данной конкретной войне, если относиться отрицательно или издевательски, или халатно (как относятся Аксельроды [41]) к социалистическому перевороту, нельзя помочь иначе, как помогая царизму душить Украину. Это – факт. Обходить его со стороны русского социалиста есть цинизм. Кричать о Бельгии и молчать о Галиции есть цинизм.

Что же было делать бельгийским социалистам? Если они не могли совершить социального переворота вместе с французами и т. д., им надо было подчиниться большинству нации в данный момент и итти на войну. Но, подчиняясь воле класса рабовладельцев, надо было на них свалить ответственность, не голосовать кредитов, послать Вандервельде не в министерские поездки к эксплоататорам, а в организаторы (вместе с революционными социал-демократами всех стран) нелегальной революционной пропаганды „социалистического переворота“ и гражданской войны; надо было и в армии вести эту работу (опыт показал, что возможно даже „братанье“ [42]) рабочих-солдат в траншеях воюющих армий!). Болтать о диалектике и марксизме и не уметь соединить необходимое (если оно на время необходимо) подчинение большинству с революционной работой при всяких условиях есть издевательство над рабочими, насмешка над социализмом. „Граждане Бельгии! Нашу страну постигло великое насчастье, его вызвала буржуазия всех стран, и Бельгии в том числе. Вы не хотите свергнуть этой буржуазии, не верите в апелляцию к социалистам Германии? Мы в меньшинстве, я подчиняюсь вам и иду на войну, но я и на войне буду проповедывать, буду готовить гражданскую войну пролетариев всех стран, ибо вне этого нет спасения крестьянам и рабочим Бельгии и других стран!“. За такую речь депутат Бельгии или Франции и т. п.

сидел бы в тюрьме, а не в кресле министра, но он был бы социалистом, а не изменником, о нем говорили бы теперь в траншеях французские и немецкие солдаты-рабочие как о *своем* вожде, а не как о предателе рабочего дела. 4) „Пока существуют отечества, пока жизнь и движение пролетариата будут в такой мере, как до сих пор, втиснуты в рамки этих отечеств, и он не будет вне их чувствовать особой, другой, интернациональной почвы, до тех пор для рабочего класса вопрос о патриотизме и самообороне будет существовать". Буржуазные отечества будут существовать, пока их не разрушит интернациональная революция пролетариата. Почва для нее уже есть, как это признавал даже Каутский в 1909 г. [43]), как это единогласно признали в Базеле и как доказывает теперь факт глубокого сочувствия рабочих всех стран людям, не вотирующим кредитов, не боящимся тюрьмы и прочих жертв, в силу „исторической необходимости" связанных со всякой революцией. Фраза Аксельрода есть лишь отговорка от революционной деятельности, есть лишь повторение доводов шовинистской буржуазии. 5) Совершенно такой же смысл имеют его слова, что поведение немцев не было изменой, что причиной их поведения является „живое чувство, сознание органической связи с тем куском земли, отечеством, на котором живет и работает немецкий пролетариат". На деле поведение немцев, как и Гэда [4]) и пр.,— несомненная измена; прикрывать и защищать ее недостойно. На деле именно буржуазные отечества разрушают, уродуют, ломают, калечат „живую связь" немецкого рабочего с немецкой землей, создавая „связь" раба с рабовладельцем. На деле только разрушение буржуазных отечеств может дать рабочим всех стран „связь с землей", свободу родного языка, кусок хлеба и блага культуры. Аксельрод — просто апологет буржуазии. 6) Проповедывать рабочим „осторожность с обвинениями в оппортунизме" таких „испытанных марксистов, как Гэд", и т. д. значит проповедывать рабочим холопство перед вождями. Учитесь на примере всей жизни Гэда, скажем мы рабочим, кроме его явной измены социализму в 1914 г. Может-быть найдутся личные или другие обстоятельства, смягчающие его вину, но речь идет вовсе не о виновности лиц, а о социалистическом значении событий. 7) Ссылка на „*формальную*" допустимость вступления в министерство, ибо есть-де пунктик резолюции об „исключительно важных случаях", равняется самому бесчестному-адвокатскому крючкотворству, ибо смысл этого пунктика, очевидно, есть *содействие* интернациональной революции про

летариата, а не противодействие ей. 8) Заявление Аксельрода [41]): „Поражение России, не могущее затронуть органического развития страны, помогло бы ликвидировать старый режим“ верно само по себе, взятое отдельно, но взятое в связи с оправданием немецких шовинистов, оно представляет из себя не что иное, как попытку подслужиться к Зюдекумам. Признавать пользу поражения России, не обвиняя открыто в измене немецких и австрийских с.-д., значит на деле помогать им оправдаться, вывернуться, обмануть рабочих. Статья Аксельрода есть двойной поклон: один в сторону немецких социал-шовинистов, другой в сторону французских. Взятые вместе, эти поклоны и составляют образцовый „российско-бундовский“ социал шовинизм.

Пусть судит теперь читатель о последовательности редакции „Голоса“, которая, печатая эти возмутительнейшие рассуждения Аксельрода, оговаривает лишь несогласие с „некоторыми положениями“ его и затем в передовице № 96 проповедует „резкий разрыв с элементами активного социал-патриотизма“. Неужели редакция „Голоса“ так наивна или так невнимательна, что она не видит правды? не видит того, что рассуждения Аксельрода сплошь являются „элементами активного (ибо активность писателя есть его писание) социал-патриотизма?“ А писатели „Нашей Зари“, г.г. Череванин, А. Потресов [44]) и К°, это не элементы активного социал-патриотизма?

1 февраля 1915 г.

Как полиция и реакционеры охраняют единство германской социал-демократии [45]).

Немецкая с.-д. газета в Готе, „Готский Народный Листок“, в № от 9 января поместила статью под заглавием: „Политика с.-д. парламентской фракции под защитой полиции“.

„Два первые дня практики предварительной цензуры,— пишет газета, поставленная под эту приятную опеку военного начальства, — показывают с полной ясностью, что центральные власти в особенности заботятся о том, чтобы заткнуть рот неудобным критикам политики с.-д. фракции внутри наших рядов. Целью стремлений цензуры является сохранение „партийного мира“ в с.-д. партии или, другими словами, сохранение „единой“ „сплоченной“ и могучей немецкой соц.-дем. Соц.-дем., опекаемая

правительством, — вот самое важное событие во внутренней политике нашего „великого“ времени, эпохи возрождения немецкой народности.

„Вот уже несколько недель, как политики, заседающие в нашей с.-д. фракции, развернули энергичную агитацию за свои взгляды. В нескольких очень крупных партийных центрах они встретили сильную оппозицию. Их пропаганда вызвала у рабочих настроение не за голосующих военные кредиты, а как раз против них. И поэтому военные власти постарались помочь им, пуская в ход то цензурные запрещения, то отмену свободы собраний. У нас в Готе помогает с.-д. фракции военная цензура, в Гамбурге — известное запрещение собраний“.

Приводя эти слова, швейцарская с.-д. газета в Берне отмечает факт подчинения предварительной цензуре целого ряда с.-д. газет в Германии и добавляет с своей стороны: „Итак, единодушию немецкой прессы скоро уже ничто не будет мешать. Если где-нибудь попробуют нарушить его, — военная диктатура быстро и твердо положит этому конец по прямому или косвенному доносу „социал-демократов“ — сторонников партийного мира“.

Оппортунистические с.-д. газеты действительно прямо и косвенно доносят на радикальные!

Факты доказывают, следовательно, что мы были вполне правы, когда писали в № 36 „Социал-Демократа“ [46]): „оппортунисты — это буржуазные враги пролетарской революции... в эпохи кризиса они сразу оказываются открытыми союзниками всей объединенной буржуазии“. Единство, как лозунг с.-д. партии в наши дни, означает единство с оппортунистами и подчинение им (или их блоку с буржуазией). Это — лозунг, на деле помогающий полиции и реакционерам, губительный для рабочего движения.

Кстати. Отметим выход прекрасной брошюры Борхардта [47]) (на немецк. яз.). „До и после 4 августа 1914 г.“ с подзаголовком: „Отреклась ли от себя немецкая соц.-дем.?“. Да, отреклась, отвечает автор, показывая воплющее противоречие партийных заявлений до 4 авг. с политикой „четвертого августа“. Мы не остановимся ни перед какими жертвами в войне с войной, — говорили с.-д. Германии (и других стран) до 4 авг. 1914 г. А 28 сент. 1914 г. член Ц. К Отто Браун [48]) ссылался на 20 милл. капитала в легальных газетах и на 11.000 служащих. Десятки тысяч развращенных легализмом вожаков, чиновников и привилегированных рабочих дезорганизовали миллионную армию с.-д. пролетериата.

Урок отсюда яснее ясного: решительный разрыв с шовинизмом и оппортунизмом. А пустенькие с.-д. болтуны (Ю. Гарденин [49]) и К⁰ в пустенькой парижской „Мысли“ [50]) отрекаются от марксизма в пользу мелкобуржуазных идей! Забыта азбука политической экономии и мировое развитие капитализма, порождающее только один революционный класс — пролетариат. Забыты чартизм [51]), июнь 1848 г. [52]), Парижская Коммуна [39]), октябрь и декабрь 1905 г. [53]). Рабочие идут к своей всемирной революции не иначе, как через ряд поражений и ошибок, неудач и слабостей, но они идут к ней. Надо быть слепым, чтобы не видеть буржуазного и мелкобуржуазного влияния на пролетариат, как основной и главной, коренной причины позора и краха Интернационала в 1914 году. А краснобаи Гарденины и К⁰ хотят лечить социализм полным отречением от его единственной общественно-исторической основы, классовой борьбы пролетариата, и окончательным разбавлением марксизма филистерской, интеллигентски-народнической водицей. Не упорная работа в направлении полного разрыва пролетарского революционного движения с оппортунизмом, а соединение этого движения с оппортунистами типа Ропшиных [54]) и Черновых [55]), которые позавчера были либералами с бомбой, вчера ренегатствовали, как либералы, сегодня продолжают упиваться сладенькими буржуазными фразами о „трудовом“ начале!! Гарденины не лучше Зюдекумов, с.-р. не лучше ликвидаторов: недаром те и другие так любовно обнялись в журнале „Современник“ [56]), проводящем специально программу слияния с.-д. и с.-р.

3 марта 1915 г.

О Лондонской конференции [57]).

Приводим в сокращении письмо представителя Р.С.-Д.Р.П.:

Лондон, 14 февр. 1915 г. Вчера ночью получил от секретаря Британской секции Интернационала адрес конференции в ответ на мое письмо, где я сообщал свой адрес, не напрашиваясь на приглашение. Я решил пойти, чтобы попытаться прочитать декларацию. Застал от с.-р. Рубановича [58]) (от социал-шовинистов), Чернова и Боброва от „Мысли“; от О. К М—го, делегированного вместе с Мартовым, — последний не явился, не получив пропуска. Делегатов было: 11 от Англии (Кейр-Гарди [59]) — председатель, Макдональд и др.), 16 от Франции (Самба, Валлян и др.), 3 от Бельгии (Вандервельд и др.).

Председатель открыл конференцию сообщением, что цель ее — обмен мнений, а не принятие резолюций. Один из французов предлагает поправку: отчего не закрепить мнения б о л ь ш и н с т в а резолюцией? Молчаливо принято.

В порядке дня: 1) права наций — Бельгия, Польша; 2) колонии; 3) гарантии мира. Выбирается мандатная комиссия (Рубанович и др.). Решено, чтобы по одному представителю от каждой страны сделали краткие сообщения об отношении к войне. Я беру слово и заявляю протест против неприглашения официального представителя нашей партии в М. С. Бюро [60]) (тов. Максимович [61]) уже давно, больше года, член М. С. Б. от нашей партии, живущий постоянно в Лондоне). Председатель перебивает, ссылаясь на приглашение всех, „чьи имена известны“. Я протестую вторично против неизвещения действительных представителей. Затем ссылаюсь на наш манифест (см. „Социал-Демократ“, № 33, „Война и рос. с.-д.“), дающий общее отношение к войне и п о с л а н н ы й в М. С. Бюро. Прежде чем говорить об условиях мира, надо выяснить, какими средствами будем добиваться его, а для этого необходимо установить, есть ли общая революционная с.-д. база, совещаемся ли мы, как шовинисты, пацифисты, или с.-д. Читаю нашу декларацию, но председатель не дает мне кончить, заявляя, что мое положение, как делегата, еще не выяснено (!), и что они собрались „не для критики разных партий“ (!). Я заявляю, что продолжу свою речь после доклада манд. комиссии. (Текст декларации, который не дали прочесть нам, печатается в след. №).

Краткие заявления об общей позиции делают Вальян, Вандервельд, Макдональд, Рубанович. Затем по докладу манд. комиссии М—ну предлагается самому решить, может ли он единолично представлять О. К, а мне „разрешается“ участвовать. Я благодарю конференцию за „любезность“ и хочу продолжать декларацию для выяснения того, могу ли я остаться. Председатель перебивает, не разрешая ставить „условия“ конференции. Тогда я прошу разрешения сообщить, по каким мотивам я *не* буду участвовать в конференции. Отклонено. Тогда позвольте заявить, что Р. С.-Д. Р. П. в конференции не участвует, а о причинах оставляю письменную декларацию у председателя. Собираю бумаги и ухожу...

Председателю было передано заявление председателя Ц. К. латышской с.-д-тии (Б — ина), что он всецело присоединяется к нашей декларации.

Делегатам конференции запрещено сообщать что-либо печати, но к уходу т. Максимовича это, разумеется, не относится, и орган, в котором участвует Кейр-Гарди, „Labour Leader“ [62]), отметил уход Максимовича и его точку зрения в общих чертах.

К Лондонской конференции и ее резолюциям мы, по недостатку места, вынуждены вернуться в след. №. Отметим пока полную непригодность ее резолюций, лишь прикрывающих социал-шовинизм.

Картина русского представительства: Ц К. и лат. „Социал-Демократ“ решительно и ясно против социал-шовинизма. О.К. ликвидаторов обретается в нетях или путается в ногах. У с.-р. „партия“ (Рубанович) за социал-шовинизм, „Мысль“ (Бобров и Чернов) в оппозиции, которую мы оценим, когда узнаем, каково их заявление.

3 марта 1915 г.

По поводу Лондонской конференции.

Печатаемая нами декларация тов. Максимовича [63]), представителя Ц.К. Р.С.-Д.Р.П., дает полное выражение взглядов партии на эту конференцию. Буржуазная французская печать превосходно вскрыла ее значение, как орудия или маневра со стороны англо-французской буржуазии Роли были распределены так: „Le Temps“ [6]) и „L'Echo de Paris“ [65]) напали на французских социалистов за слишком большие, будто бы, уступки их интернационализму. Эти нападки были только маневром с целью подготовить почву для известного выступления в парламенте премьера Вивиани в патриотически-завоевательном духе. С другой же стороны, „Journal des Débats“ [66])—прямо раскрыл карты, заявив: суть дела была в том, чтобы английские социалисты, с Кейр-Гарди во главе, бывшие до сих пор против войны и против вербовки, подали голос за войну вплоть до победы над Германией. Это достигнуто. Это важно. Это—политический результат привлечения и английских, и французских социалистов на сторону англо-французской буржуазии. А фразы об интернационализме, социализме, референдуме и пр.—все это т о л ь к о фразы, пустые слова, никакого значения не имеющие!

Несомненно, умные реакционеры французской буржуазии выболтали сущую правду. Войну с целью разорения и ограбления Германии, Австрии, Турции ведет англо-французская

плюс русская буржуазия. Ей нужны вербовщики, ей нужно согласие социалистов воевать до победы над Германией, а остальное — пустое и недостойное фразерство, проституирование великих слов: социализм, интернационализм и пр. На деле итти за буржуазией и помогать ей грабить чужие страны, а на словах угощать массы лицемерным признанием „социализма и Интернационала", — в этом как раз и состоит основной грех оппортунизма, основная причина краха II Интернационала.

Поэтому задача противников социал-шовинистов на Лонд. конференции была ясна: уйти с этой конференции во имя ясных антишовинистских принципов, не впадая в германофильство. Ибо германофилы как-раз по шовинистским, а не по другим, мотивам являются решительными врагами Лондонской конференции! Тов. Максимович выполнил задачу, сказав определенно об измене немецких социалистов.

Бундисты и сторонники О.К. никак не могут понять этой простой и ясной вещи. Первые — германофилы вроде Коссовского [67]), который прямо оправдывает голосование немецких с.-д. за военные кредиты (см. „Инф. Листок" Бунда, № 7, янв. 1915 г., стр. 7; § V, в начале). Редакция этого листка ни звуком не оговорила несогласия с Коссовским (оговорив специально несогласие с защитником русского патриотизма Борисовым). В манифесте Ц.К. Бунда (там же, стр. 3) ни единого ясного словечка против социал-шовинизма не имеется!

Сторонники О.К. стоят за примирение германофильского шовинизма с франкофильским. Это видно из заявлений Аксельрода (№№ 86 и 87 „Голоса") и из № 1 „Известий" загр. секр. О.К. (22 февр. 1915 г.). Когда редакция „Нашего Слова"[68]) предложила нам совместное выступление против „официального социал-шовинизма", мы прямо ответили ей, прилагая наш проект декларации и ссылаясь на решающий голос т. Максимовича, что О.К. и Бунд сами на стороне официального социал-патриотизма.

Зачем „Наше Слово" обманывает себя и других, умалчивая об этом в передовице № 32? Зачем умалчивает оно, что в нашем проекте декларации тоже стояли слова об измене немецких с.-д.? Декларация „Нашего Слова" этот важнейший „основной" пункт выпустила; ни мы, ни тов. Максимович этой декларации не принимали и не могли принять. Единства действий поэтому у нас с О.К. не получалось. Зачем же „Наше

Слово“ обманывает себя и других, уверяя, что есть база для единства действий?

„Официальный социал-патриотизм“ — самое главное зло современного социализма. Для борьбы с этим злом (а не для примирения с ним, не для взаимной интернациональной „амнистии“ по этому пункту) должны быть подготовляемы и собираемы все силы. Каутский и др. дали вполне определенную программу „амнистии“ и мира с социал-шовинизмом. Мы постарались дать определенную программу борьбы с ним, — см. особенно № 33 „Социал-Демократа“ и печатаемые резолюции. Остается выразить пожелание, чтобы от колебаний между „платоническим сочувствием интернационализму“ и миром с социал-шовинизмом „Наше Слово“ перешло к чему-либо более определенному.

29 марта 1915 г.

К иллюстрации лозунга гражданской войны [69]).

Из Берлина от 8 января н. ст. сообщали в швейцарские газеты: „В последнее время газеты неоднократно печатали известия о мирных попытках сближения между траншеями немцев и французов. Как сообщает „Tägl. Rundschau“, приказ по армии от 29 декабря запрещает братанье и вообще всякое сближение с неприятелем в траншеях; нарушение этого приказа будет караемо как государственная измена“.

Итак, братанье и попытки сближения есть факт. Военное начальство Германии обеспокоено им: следовательно, оно придает ему серьезное значение. В английской рабочей газете „Labour Leader“ от 7 января 1915 г. сообщается целый ряд цитат из буржуазных английских газет, свидетельствующих о случаях братанья английских и немецких солдат, устраивавших „перемирие на 48 часов“ (на Рождество), дружелюбно встречавшихся на полпути между траншеями и т. д. Английское военное начальство запретило братанье особым приказом. А социалистические оппортунисты и их защитники (или слуги? подобно Каутскому) уверяли печатно рабочих с видом необычайно самодовольным и с спокойным сознанием, что военная цензура охранит их от опровержений, — уверяли, будто соглашения между социалистами воюющих стран о действиях против войны невозможны (буквальное выражение Каутского в „Neue Zeit“)!

Представьте себе, что Гайндман, Гэд, Вандервельд, Плеханов, Каутский и т. д. вместо того пособничества буржуазии, которым они сейчас заняты, составили бы международный комитет для агитации за „братанье и попытки сближения“ между социалистами воюющих стран как „в траншеях“, так и в войске вообще. Каковы были бы результаты через несколько месяцев, если теперь через 6 месяцев после начала войны п р о т и в всех предавших социализм главарей, вождей и звезд первой величины растет повсюду оппозиция против голосовавших за кредиты и против министериалистов, и военное начальство грозит смертью за „братанье“!

„Практический вопрос один: победа или поражение собственной страны“, — писал слуга оппортунистов Каутский в унисон с Гэдом, Плехановым и К°. Да, если забыть о социализме и классовой борьбе, это будет верно. Но если не забывать о социализме, это неверно: есть другой п р а к т и ч е с к и й вопрос. Погибать ли в войне между рабовладельцами, оставаясь слепым и беспомощным рабом, или погибать за „попытки братанья“ между рабами в целях свержения рабства?

Вот каков н а д е л е „практический“ вопрос.

29 марта 1915 г.

Вопрос об объединении интернационалистов [70]).

Война вызвала глубокий кризис всего международного социализма. Как и всякий кризис, настоящий кризис социализма глубже и яснее вскрыл его внутренние противоречия, сорвал много фальшивых и условных покровов, показал в самой резкой и яркой форме, что сгнило и отжило в социализме и в чем залог дальнейшего развития и движения к победе.

Едва ли не все социал-демократы России чувствуют, что старые деления и группировки — мы бы не сказали: устарели, а — видоизменяются. На первый план выдвигается группировка по основному вопросу, поставленному войной, именно деление на „интернационалистов“ и „социал-патриотов“. Эти термины мы берем из передовицы № 42 „Нашего Слова“, не останавливаясь сейчас на вопросе, не следовало ли бы дополнить их противопоставлением революционных соц.-демократов национал-либеральным рабочим политикам.

Дело, конечно, не в названии. Сущность основной современной группировки „Наше Слово“ наметило правильно. Интернационалисты, — пишет оно, — „солидарны в отрицательном отношении к социал-патриотизму, представленному Плехановым“... И редакция призывает „ныне раздробленные группы“ „столковаться и объединиться хотя бы только для одного акта — для выражения своего отношения российской социал-демократией к нынешней войне и к русскому социал-патриотизму“.

Не ограничиваясь литературным выступлением, редакция „Нашего Слова“ обратилась с письмом к нам и к О.К., предлагая совещание по этому вопросу при своем участии. Мы ответили указанием на необходимость „выяснить некоторые предварительные вопросы, дабы знать, существует ли между нами солидарность в основном“. Главным образом, мы остановились на двух предварительных вопросах: 1) для разоблачения „фальсифицирующих волю передового пролетариата России“ (выражение редакции „Н. Сл.“) а социал-патриотов“ (редакция назвала Плеханова, Алексинского и известную группу петербургских ликвидаторов-литераторов, сторонников журнала XYZ) не поможет никакая декларация. Необходима длительная борьба. 2) Где основания причислять к „интернационалистам“ О.К.?

С другой стороны, заграничный секретариат О.К. переслал нам копию своего ответа „Нашему Слову“. Ответ этот сводился к тому, что „предварительный“ отбор одних групп и „исключение других“ недопустимы, и что „на совещание должны быть приглашены заграничные представительства всех тех партийных центров и групп, которые были... на конференции при М. С. Б. в Брюсселе перед войной“ (письмо от 25/III 1912 г.).

Итак, О.К. принципиально отказывается от совещания интернационалистов, желая совещаться и с социал-патриотами (известно, что течения Плеханова и Алексинского были представлены в Брюсселе). Совершенно в таком же духе высказалась резолюция социал-демократов в Нерви (№ 53 „Н. Сл.“), принятая после доклада Ионова [71]) (и явно выражающая взгляды этого представителя наиболее левых или интернационалистских элементов Бунда).

В этой резолюции, которая вообще в высшей степени характерна и ценна для обрисовки подыскиваемой многими за границей „средней линии“, выражается сочувствие „принципам“ „Н. Сл.“, но вместе с тем заявляется о несогласии с позицией

„Н. Сл.“, „заключающейся в организационном межевании, в исключительном объединении социалистов-интернационалистов и в защите необходимости расколов в исторически-сложившихся социалистических пролетарских партиях“. „Односторонее“, дескать, „трактование“ (этих вопросов) газетой „Н. Сл.“ собрание считает „крайне вредящим выяснению задач, связанных с восстановлением Интернационала“.

Мы уже указали, что взгляды Аксельрода, официального представителя О.К., — социал-шовинистские. „Наше Слово“ ни в печати, ни в переписке не ответило на это. Мы указывали, что позиция Бунда такова же, с оттенком преобладания шовинизма германофильского. Резолюция из Нерви дала хотя и косвенное, но крайне важное фактическое подтверждение: объединение только интернационалистов объявлено вредным и раскольническим; вопрос поставлен с ясностью, заслуживающей всяческого признания.

Еще яснее ответ О.К., выражающий не косвенное, а самое прямое и формальное отношение к делу: совещаться надо не без социал-патриотов, а с ними.

Мы должны поблагодарить ОК за то, что он перед „Нашим Словом“ подтвердил правильность наших взглядов на О.К.

Значит ли это, что вся идея „Наш. Слова“ об объединении интернационалистов, потерпела крушение? Нет. Никакие неудачи никаких совещаний не остановят объединения интернационалистов, поскольку есть идейная солидарность и искреннее желание бороться с социал-патриотизмом. Редакция „Н. Слова“ располагает большим орудием ежедневной газеты. Она может сделать нечто неизмеримо более деловое и серьезное, чем совещания и декларации: именно пригласить все группы и приняться немедленно самой: 1) за выработку полных, точных, недвусмысленных, вполне ясных ответов на вопросы о содержании интернационализма (а то, ведь, и Вандервельд, и Каутский, и Плеханов, и Ленч, и Гениш называют себя интернационалистами!), об оппортунизме, о крахе II Интернационала, о задачах и средствах борьбы с социал-патриотизмом и т. д.; 2) за собирание сил для серьезной борьбы за такие-то принципы не только за границей, а и, главным образом, в России.

В самом деле, решится ли кто-нибудь отрицать, что иного пути для победы интернационализма над социал патриотизмом нет и быть не может? Не показала ли полувековая история эмигрантщины в России (и 30-летняя история социал-демократической эмиграции), что бессильны, несерьезны, фик-

тивны все декларации, совещания и т. п. за границей, если они не поддержаны длительным движением того или иного общественного слоя в России? Не учит ли нас и теперешняя война тому, что все незрелое или подгнившее, условное или дипломатическое рассыплется прахом от первого толчка?

За 8 месяцев войны все социал-демократические центры, группы, течения, оттенки мнений уже посовещались, с кем могли и хотели, уже „декларировали“, т.-е. заявили во всеуслышание свое мнение. Теперь задача уже иная, ближе к делу. Побольше недоверия к парадным декларациям и совещаниям. Побольше энергии на выработку таких точных ответов и советов литераторам, пропагандистам, агитаторам, всем мыслящим рабочим, чтобы этих советов нельзя было не понять. Побольше ясности и определенности при собирании сил для длительной работы проведения этих советов в жизнь.

Повторяем, редакции „Н. Слова“ много дано, — ежедневная газета! — и с нее много спросится, если она не выполнит даже этой „программы-минимум“.

Добавим одно замечание: ровно 5 лет тому назад, в мае 1910 г., мы указали в заграничной печати на крупнейший политический факт, более „сильный“, чем совещания и декларации многих из очень „сильных“ социал-демократических центров, именно на сплочение в России группы легалистов-литераторов того самого журнала XYZ. Что показали факты за 5 лет, довольно богатых событиями в истории рабочего движения России и всего мира? Не показали ли факты, что мы имеем перед собой известное социальное ядро для сплочения элементов национал-либеральной („европейского“ типа!) рабочей партии в России? К каким выводам обязывает всех социал-демократов то обстоятельство, что в России мы видим теперь, за исключением „Вопросов Страхования“ [72]), открытое выступление только этого направления „Нашего Дела“ [73]), „Страхования Рабочих“ [74]), „Северного Голоса“ [75]), Маслова [76]) и Плеханова.

Еще раз: побольше недоверия к парадным выступлениям, побольше мужества глядеть прямо в лицо серьезным политическим реальностям!

1 мая 1915 г.

Крах платонического интернационализма [77]).

Мы уже говорили (см. № 41 „С.-Д.“), что „Н. Слово“ должно, по крайней мере, выступить с точным изложением своей платформы, если оно хочет, чтобы можно было взять всерьез его интернационализм. В № 85 „Н. Сл.“ (9 V.), как бы в ответ нам, напечатана резолюция, принятая собранием редакции и коллегии парижских сотрудников „Н. Сл.“, при чем „два члена редакции, соглашаясь с общим содержанием резолюции, заявили о подаче ими особого мнения об организационных методах внутрипартийной политики в России“. Резолюция эта представляет замечательнейший документ политической растерянности и беспомощности.

Много, много раз повторяется слово интернационализм, провозглашается „полное идейное размежевание со всеми разновидностями социалистического национализма“, цитируются штутгартская и базельская резолюции. Намерения благие, слов нет, Только... только пахнет фразой, ибо действительно „полного“ размежевания действительно со „всеми“ разновидностями социал-национализма дать нельзя и не нужно, как нельзя и не нужно полностью перечесть все разновидности капиталистической эксплоатации, чтобы стать врагом капитализма. Но можно и должно недвусмысленно размежеваться с главными разновидностями, например, плехановской, потресовской („Н. Дело“), бундовской, аксельродовской, каутскианской. Резолюция слишком много сулит, но ничего не дает; она грозит полностью размежеваться со всеми разновидностями, но боится даже назвать хотя бы главнейшие из них.

...В английском парламенте назвать по имени считается невежливым, принято говорить только о „благородных лордах“ и о „высокопочтенных депутатах от такого-то округа“. Какие превосходные англоманы, какие изысканно-тонкие дипломаты эти „нашесловцы“! Они так изящно обходят суть дела, так вежливо кормят читателей формулами, служащими для сокрытия их мыслей. Они провозглашают „дружественные отношения“ (Гизо [78]), да и только! — как говорит один герой у Тургенева), со всеми организациями, „поскольку они проводят... принципы революционного интернационализма“... и они сохраняют „дружественные отношения“ именно с теми, кто этих принципов не проводит.

„Идейное размежевание“, которое нашесловцы тем торжественнее провозглашают, чем меньше они хотят и могут его

дать, состоит в выяснении того, откуда взялся социал-национализм, что дало ему силу, как с ним бороться. Социал-националисты сами себя не называют и не признают социал-националистами. Они направляют, и они вынуждены направлять все свои усилия на то, чтобы спрятаться за псевдоним, чтобы засорить глаза рабочим массам, чтобы замести следы своих связей с оппортунизмом, чтобы прикрыть свою измену, т.-е. свой фактический переход на сторону буржуазии, свой союз с правительствами и с генеральными штабами. Опираясь на этот союз и имея все позиции в руках, социал-националисты больше всех кричат теперь о „единстве" с.-д. партий и обвиняют в раскольничестве врагов оппортунизма, — смотри последний официальный циркуляр правления („форштанда") немецкой с.-д. партии против действительно интернационалистских журналов: „Lichtstrahlen" („Лучи Света") и „Die Internationale" („Интернационал"). Этим журналам не надо было провозглашать ни „дружественных отношений" с революционерами, ни „полного идейного размежевания со всеми разновидностями социал-национализма"; они прямо начали размежевание, и начали так, что поистине „все разновидности" оппортунистов подняли бешеный вой, показав этим, как хорошо стрелы попали в цель.

А „Наше Слово"?

Оно поднимает против социал-национализма восстание на коленях, ибо опаснейших защитников этого буржуазного течения (вроде Каутского) „Н. Сл." не разоблачает, войны оппортунизму не объявляет, а напротив, молчит о нем, никаких реальных шагов к освобождению социализма от позорного патриотического пленения не предпринимает и не указывает. Говоря: не обязательно единство, но не обязателен и раскол с теми, кто перешел на сторону буржуазии, „Н. Слово" фактически сдается на милость оппортунистов, делая при этом, однако, такой красивый жест, который можно понять в том смысле, что оно грозит оппортунистам своим грозным гневом, но можно понять и так, что оно делает им ручкой. Вероятнее всего, действительно ловкие оппортунисты, которые умеют ценить соединение левых фраз с умеренной практикой, ответили бы на резолюцию „Н. Слова" (если бы их заставили отвечать на нее) примерно, так же, как ответили два члена редакции: с „общим содержанием" мы согласны (ибо мы вовсе не социал-националисты, ничего подобного!), а насчет „организационных методов внутри-партийной политики" подадим в свое время „особое мнение". И волки сыты, и овцы целы.

Тонкая дипломатия „Н. Слова“ разлетелась прахом, когда пришлось говорить о России.

„Партийное объединение в условиях предыдущей эпохи оказалось в России невозможным“, — заявляет резолюция. Читай: объединение рабочей партии с группой легалистов-ликвидаторов оказалось невозможным. Это — косвенное признание краха брюссельского блока для спасения ликвидаторов. Почему „Н. Сл.“ боится признать этот крах прямо? Почему оно боится выяснить открыто перед рабочими причины этого краха? Не потому ли, что крах этого блока доказал фактически фальшь политики всех участников этого блока? Не потому ли, что „Н. Сл.“ хочет сохранить „дружественные отношения“ с двумя (не менее как с двумя) „разновидностями“ социал-национализма, именно с бундовцами и с О.К. (Аксельродом), которые в печати выступили с заявлениями, свидетельствующими об их видах и надеждах на воскрешение брюссельского блока?

„Новые условия... подрывают почву под ногами старых фракций...“.

Не наоборот ли? Новые условия нисколько не устранили ликвидаторства, не поколебали даже, несмотря на все личные колебания и переметывания, его основного ядра („Н. Зари“ [79]), углубили и обострили расхождение с ним, ибо оно, кроме ликвидаторского, стало социал-националистическим! „Н. Слово“ отмахивается от неприятного для него вопроса о ликвидаторстве, ибо старое-де подорвано новым, и умалчивает о новой, социал-националистической, почве под ногами старого... ликвидаторства! Забавная увертливость. О „Н. Заре“ мы умолчим, потому что ее уже нет, а о „Н. Деле“, вероятно, потому, что Потресов, Череванин, Маслов и К° могут быть рассматриваемы, как политические новорожденные...

Но не только Потресова и К°, а и самих себя редакторы „Н. Слова“ хотели бы рассматривать, как новорожденных. Слушайте:

„Стоя перед лицом того факта, что созданные в прошлую эпоху фракционные и междуфракционные группировки служат еще и в настоящий переходный момент единственными“ (это заметьте!) „пунктами хотя бы и крайне несовершенного организованного сплочения передовых рабочих, „Н. Слово“ считает, что интересы его основной деятельности по объединению интернационалистов равно исключают, как организационное подчинение газеты, прямое или косвенное, одной из старых партийных группировок, так и искусственное сплочение своих едино-

мышленников в особую фракцию, политически противостоящую старым группировкам".

Что это? Как это? Так как новые условия подрывают старые группировки, поэтому мы признаем последние единственно реальными! Так как новые условия требуют новой группировки, не по ликвидаторству, а по интернационализму, поэтому мы отказываемся от сплочения интернационалистов, как „искусственного"! Настоящий апофеоз политической импотентности.

После 200 дней проповеди интернационализма „Н. Слово" расписалось в своем полнейшем политическом крахе: старым группировкам не „подчиняться" (почему такое испуганное слово? почему не „примыкать", не „поддерживать", не „солидаризироваться"?), новых не создавать. Жить будем по-старому, в группировках по ликвидаторству, будем „подчиняться" им, а „Н. Слово" пусть остается чем-то вроде крикливой вывески или праздничной прогулки по садам интернационалистской словесности. Писатели „Н. Слова" будут пописывать, читатели „Н. Слова" будут почитывать.

200 дней мы говорили о сплочении интернационалистов и пришли к выводу, что ровно никого, даже самих себя, редакторов и сотрудников „Н. Слова", мы сплотить не можем и объявляем такое сплочение „искусственным". Какое торжество для Потресова, для бундовцев, для Аксельрода! И какой ловкий обман рабочих: лицевая сторона — эффектные интернационалистские фразы истинно-нефракционного, освободившегося от переживших себя старых группировок „Н. Слова"; изнанка — „единственные" пункты сплочения, старые группировки...

Идейно-политический крах, в котором расписалось теперь „Н. Слово", не случайность, а неизбежный результат потуг словесно отмахнуться от реальных отношений силы. Эти отношения в рабочем движении России сводятся к борьбе течения ликвидаторов и социал-патриотов („Н. Дело") с той марксистской с.-д. рабочей партией, которая восстановлена январской конференцией 1912 г., упрочена выборами в 4-ю Г. Думу по рабочей курии, закреплена правдистскими газетами 1912—14 г.г., представлена Рос. С.-Д. Раб. фракцией. Эта партия продолжала свою борьбу с буржуазным течением ликвидаторства борьбой с не менее буржуазным течением социал-патриотизма. Правильность линии этой партии, нашей партии, подтверждена великим, всемирно-историческим опытом европейской войны и крошечным, миниатюрным опытом новой, тысяча первой, объеди-

нительнонефракционной попытки „Н. Слова“: эта попытка потерпела фиаско, подтвердив резолюцию бернского совещания (№ 40 „С.-Д.“) о „платонических“ интернационалистах.

Действительные интернационалисты не захотят ни сидеть (скрывая это от рабочих) в старых ликвидаторских группировках, ни оставаться вне всяких группировок. Они придут к нашей партии.

21 мая 1915 года.

О борьбе с социал-шовинизмом [80]).

Наиболее интересный и наиболее новый материал по этому злободневному вопросу доставлен закончившейся недавно международной женской социалистической конференцией в Берне. Читатели найдут ниже описание ее и тексты резолюций — принятой и отвергнутой. В настоящей статье мы намерены остановиться лишь на одной стороне дела.

Представительницы женских организаций при О.К., голландки из партии Трульстра [81]), швейцарки из организаций, резко воюющих с „Berner Tagwacht“ [82]) за чрезмерную, будто бы, левизну этой газеты, французская представительница, не желающая ни в чем сколько-нибудь важном разойтись с официальной партией, стоящей, как известно, на социал-шовинистской точке зрения, англичанки, враждебные мысли об ясном отделении пацифизма от революционной пролетарской тактики, — все они сошлись с „левыми“ немецкими социал-демократами на одной резолюции. Представительницы женских организаций при Ц.К. нашей партии разошлись с ними, предпочитая остаться на-время в одиночестве, чем участвовать в *таком* блоке.

В чем была суть разногласия? Каково принципиальное и общеполитическое значение этого расхождения?

На первый взгляд, „средняя“ резолюция, объединившая оппортунистов и часть левых, кажется очень благовидной и принципиально правильной. Война признана империалистической, идея „защиты отечества“ осуждена, рабочие призваны к массовым демонстрациям и т. д., и т. д. Казалось бы отличие нашей резолюции *только* в нескольких более резких *выражениях*, вроде „измена“, „оппортунизм“, „выход из буржуазных министерств“ и т. п.

Несомненно, именно с этой точки зрения и будут критиковать отделение делегаток женских организаций при Ц.К. нашей партии.

Достаточно отнестись к делу повнимательнее и не ограничиваться „формальным“ признанием той или другой истины, чтобы увидеть полную несостоятельность такой критики.

На конференции столкнулись два миросозерцания, две оценки войны и задач Интернационала, две тактики пролетарских партий. Один взгляд: не произошло краха Интернационала, нет глубоких и серьезных препятствий к возврату от шовинизма к социализму, нет сильного „внутреннего врага“ в виде оппортунизма, нет прямой, несомненной, очевидной измены его социализму. Отсюда вывод: не будем никого осуждать, дадим „амнистию“ нарушителям штутгартской и базельской резолюций, ограничимся советом взять курс полевее, призвать массы к демонстрациям.

Другой взгляд по всем перечисленным здесь пунктам — совершенно противоположный. Нет ничего вреднее и губительнее для пролетарского дела, чем продолжение внутрипартийной дипломатии с оппортунистами и социал-шовинистами. Резолюция большинства потому и оказалась приемлемой для оппортунисток и сторонниц теперешних официальных партий, что она насквозь пропитана духом дипломатии. Рабочим массам, которыми теперь руководят именно официальные социал-патриоты, засоряют глаза подобной дипломатией. Рабочим массам внушают безусловно ошибочную и вредную мысль, будто теперешние с.-д. партии с их теперешними правлениями способны переменить курс и вместо неправильного взять правильный.

Это не так. Это — глубочайшее и гибельнейшее заблуждение. Теперешние с.-д. партии и их правления неспособны серьезно изменить курс. На деле все останется по-старому, и высказанные в резолюции большинства „левые“ пожелания останутся невинными пожеланиями, — это учли верным политическим инстинктом сторонницы партии Трульстра или теперешнего правления французской партии, голосуя за такую резолюцию. Призыв масс к демонстрациям только при самой активной поддержке теперешних правлений с.-д. партий может получить практически, на деле, серьезное значение.

Можно ли ждать такой поддержки? Ясно, что нет. Известно, что ожесточенное (и большей частью прикрытое) противодействие, а вовсе не поддержку встретит такой призыв со стороны правлений.

Если бы это было сказано прямо рабочим, тогда рабочие знали бы правду. Они знали бы, что для проведения в жизнь

„левых“ пожеланий нужна коренная перемена курса с.-д. партий, нужна упорнейшая борьба с оппортунистами и их „центровыми“ друзьями. А теперь рабочих у б а ю к а л и левыми пожеланиями, о т к а з а в ш и с ь назвать громко и ясно то зло, без борьбы с которым эти пожелания неосуществимы.

Дипломаты-главари, проводники шовинистской политики в теперешних с.-д. партиях, превосходно используют слабость, нерешительность, недостаточную определенность резолюции большинства. Они, как ловкие парламентарии, поделят между собой роли; одни скажут: не оценены, не разобраны „серьезные“ доводы Каутского и К°, давайте обсуждать в более широком составе; другие скажут: смотрите, не правы ли мы были, говоря, что нет глубоких разногласий, если сторонницы партии Трульстра и партии Гэда Самба сошлись с левыми немками?

Конференция женщин должна была не помогать Шейдеману, Гаазе, Каутскому, Вандервельду, Гайндману, Гэду и Самба, Плеханову и т. д. усыплять рабочие массы, а, наоборот, должна была будить их провозгласить решительную войну с оппортунизмом. Только тогда практический результат был бы не надежда на „исправление“ названных „вождей“, а собирание сил для трудной и серьезной борьбы.

Возьмите вопрос о нарушении оппортунистами и „центровиками“ резолюций штутгартской и базельской: ведь, в этом г в о з д ь! Представьте себе прямо и ясно, без дипломатии, как было дело.

Предвидя войну, Интернационал собирается и единогласно решает в случае наступления войны работать над „у с к о р е н и е м к р а х а к а п и т а л и з м а“, работать в духе К о м м у н ы, о к т я б р я и д е к а б р я 1905 г о д а (точные слова базельской резолюции!!!), работать в духе признания за „п р е с т у п л е н и е“ стрельбы „рабочих одной страны в рабочих другой“.

Линия работы в духе интернациональном, пролетарском, революционном указана здесь вполне ясно, так ясно, что яснее сказать, соблюдая легальность, нельзя было.

Наступает война, именно такая, именно по той линии, как предвидели в Базеле. Официальные партии действуют прямо в противоположном духе: не как интернационалисты, а как националисты; по-буржуазному, а не по-пролетарски; не революционно, а архи-оппортунистически. Если мы говорим рабочим: совершена прямая и з м е н а делу социализма, то этими словами мы сразу отметаем все отговорки и увертки, все софизмы à la Каутский и Аксельрод, мы ясно указываем глубину и силу зла, ясно зовем к борьбе, а не примирению с ним.

А резолюция большинства? Ни звука осуждения изменникам, ни словечка об оппортунизме, простое повторение идей базельской резолюции!!! Точно ничего серьезного не случилось,— была случайная ошибочка, достаточно повторить старое решение,— возникло непринципиальное, неглубокое расхождение, достаточно заклеить его!!!

Да, ведь, это же прямая издевка над решениями Интернационала, издевка над рабочими. Социал-шовинисты ничего иного, по сути дела, и не добиваются, как простого повторения старых решений, лишь бы ничего не изменять на деле. Это и есть, в сущности, молчаливая и лицемерно-прикрытая амнистия социал-шовинистским сторонникам большинства теперешних партий. Мы знаем, что есть „тьма охотников" пойти именно этим путем, ограничиться несколькими левыми фразами. Нам с такими людьми не по дороге. Мы шли и пойдем другим путем, мы хотим помогать рабочему движению и строительству рабочей партии на деле в духе непримиримом по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму.

Часть немецких делегаток, повидимому, боялась вполне определенной резолюции по соображениям, исключительно относящимся к темпу развития борьбы с шовинизмом внутри одной только, именно их собственной, партии. Но такие соображения были явно неуместны и ошибочны, ибо международная резолюция вообще не касалась и не могла касаться ни темпа, ни конкретных условий борьбы с социал-шовинизмом в отдельных странах; в этой области автономия отдельных партий непререкаема. Надо было с интернациональной трибуны провозгласить бесповоротный разрыв с социал-шовинизмом во всем направлении, во всем характере с.-д. работы; а вместо этого резолюция большинства еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом. Повторяем: по этому пути мы не пойдем.

1 июня 1915 г.

О поражении своего правительства в империалистской войне [83]).

Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству.

Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов.

К числу первых принадлежит, напр., Семковский [84]) из О.К. (№ 2 его „Известий“). К числу вторых — Троцкий [85]) и Буквоед [86]), а в Германии Каутский. Желание поражения России,— пишет Троцкий, — есть „ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла“ (№ 105 „Н. Сл.“).

Вот образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм. „Революционная борьба против войны“ есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое такие мастера герои II Интернационала, если под ней не разуметь революционные действия против своего правительства и во время войны. Достаточно чуточку подумать, чтобы понять это. А революционные действия во время войны против своего правительства, несомненно, неоспоримо означают не только желание поражения ему, но на деле и содействие такому поражению. (Для „проницательного читателя“ это вовсе не значит, что надо „взрывать мосты“, устраивать неудачные военные стачки и вообще помогать революционерам нанести поражение правительству.)

Отделываясь фразами, Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России значит желать победы Германии (Буквоед и Семковский прямее выражают эту общую им с Троцким „мысль“, вернее: недомыслие). И в этом Троцкий повторяет „методологию социал-патриотизма“! Чтобы помочь людям, не умеющим думать, бернская резолюция (№ 40 „С.-Д.“) пояснила: во всех империалистских странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству. Буквоед и Троцкий предпочли обойти эту истину, а Семковский (оппортунист, всех больше приносящий пользы рабочему классу откровенно-наивным повторением буржуазной премудрости), Семковский „мило ляпнул“: это — бессмыслица, ибо победить может либо Германия, либо Россия (№ 2 „Известий“).

Возьмите пример Коммуны. Победила Германия Францию, и Бисмарк с Тьером победили рабочих!! Если бы Буквоед и Троцкий подумали, то увидали бы, что они стоят на точке зрения войны правительств и буржуазии, т.-е. они раболепствуют перед „политической методологией социал-патриотизма“, говоря вычурным языком Троцкого.

Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами („поражением“) пра-

вительства, а с другой стороны, невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению.

От „лозунга“ поражения потому и открещиваются шовинисты (с О.К., с фракцией Чхеидзе [87]), что этот лозунг *один только* означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких действий миллионы революционнейших фраз о войне, против „войны и условий и т. д.“ не стоят ломаного гроша.

Кто серьезно хотел бы опровергнуть „лозунг“ поражения своего правительства в империалистской войне, тот должен был бы доказать одну из трех вещей: или 1) что война 1914—15 г.г. не реакционна; или 2) что революция в связи с ней невозможна; или 3) что невозможно соответствие и содействие друг другу революционных движений во *всех* воюющих странах. Последнее соображение особенно важно для России, ибо это — самая отсталая страна, в которой социалистическая революция непосредственно невозможна. Именно поэтому русские с.-д. должны были первыми выступить с теорией и практикой „лозунга“ поражения. И царское правительство было вполне право, что агитация Р. С.-Д. Р. Фракции — *единственный* образец в Интернационале не одной парламентской оппозиции, а действительно революционной агитации в массах против своего правительства, — что эта агитация ослабляла „военную мощь“ России, содействовала ее поражению. Это — факт. Неумно прятаться от него.

Противники лозунга поражения просто боятся самих себя, не желая прямо взглянуть на очевиднейший факт неразрывной связи между революционной агитацией против правительства с содействием его поражению.

Возможно ли соответствие и содействие революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе? В этом не сомневался за последнее 10-летие ни один высказавшийся публично социалист, и движение в австрийском пролетариате после 17 октября 1905 г. *фактически* доказало эту возможность.

Спросите любого именующего себя интернационалистом с.-д. сочувствует ли он соглашению с.-д. разных воюющих стран, о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств? Многие ответят, что оно невозможно, как ответил Каутский („Neue Zeit“, 2 октября 1914), этим *вполне доказав* свой социал-шовинизм. Ибо, с одной стороны, это — заведомая, вопиющая неправда, бьющая в лицо

общеизвестным фактам и Базельскому манифесту. А, с другой стороны, если бы это была правда, тогда оппортунисты были бы во многом правы!

Многие ответят, что сочувствуют. И тогда мы скажем: если это сочувствие нелицемерно, то смешно думать, что на войне и для войны требуется соглашение „по форме“: выбор представителей, свидание, подписание договора, назначение дня и часа! Думать так в состоянии лишь Семковские. Соглашение о революционных действиях даже в одной стране, не говоря о ряде стран, осуществимо только силой примера серьезных революционных действий приступа к ним, развития их. А такой приступ опять-таки невозможен без желания поражения и без содействия поражению. Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть „сделано“, как нельзя „сделать“ революции, — оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистской войны. И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы.

Отказываться от лозунга поражения значит превращать свою революционность в пустую фразу или одно лицемерие.

И чем же предлагают нам заменить „лозунг“ поражения? Лозунгом „ни побед, ни поражений“ (Семковский в № 2 „Изв.“. То же весь О.К. в № 1). Но, ведь, это не что иное, как перефразировка лозунга „защита отечества!“. Это — именно перенесение вопроса в плоскость войны правительств (которые, по содержанию лозунга, должны остаться в старом положении, „сохранить свои позиции“), а не борьбы угнетенных классов против своего правительства! Это есть оправдание шовинизма всех империалистских наций, буржуазии которых всегда готовы сказать и говорят народу, что они „только“ борются „против поражения“. „Смысл нашего голосования 4 августа: не за войну, а против поражения“, пишет вождь оппортунистов Э. Давид[88]) в своей книге. „Окисты“ вместе с Буквоедом и Троцким вполне становятся на почву Давида, защищая лозунг: „ни победы, ни поражения!“.

Этот лозунг, если вдуматься в него, означает „гражданский мир“, отказ от классовой борьбы угнетенного класса во всех воюющих странах, ибо классовая борьба невозможна без нанесения ударов „своей“ буржуазии и „своему“ правительству, а нанесение во время войны удара своему правительству

есть государственная измена (к сведению Буквоеда!), есть содействие поражению своей страны. Кто признает лозунг „ни побед, ни поражений", тот лишь лицемерно может стоять за классовую борьбу, за „разрыв гражданского мира", тот на деле отрекается от самостоятельной пролетарской политики, подчиняя пролетариат всех воюющих стран задаче вполне буржуазной: охранять от поражений данные империалистские правительства. Единственной политикой действительного, не словесного, разрыва „гражданского мира", признания классовой борьбы, является политика использования пролетариатом затруднений своего правительства и своей буржуазии для их низвержения. А этого нельзя достигнуть, к этому нельзя стремиться, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению.

Когда итальянские с.-д. перед войной поставили вопрос о массовой стачке, буржуазия ответила им, — безусловно правильно с ее точки зрения: это будет государственной изменой, и с вами поступят как с изменниками. Это — правда, как правда и то, что братанье в траншеях есть государственная измена. Кто пишет против „государственной измены", как Буквоед, против „распада России", как Семковский, тот стоит на буржуазной, а не на пролетарской точке зрения. Пролетарий не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию, „чужой" воюющей с „нами" страны, не совершая „государственной измены", не содействуя поражению, не помогая распаду „своей" империалистской „великой" державы.

Кто стоит за лозунг „ни побед, ни поражений", тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но, во всяком случае, враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов.

Взглянем на вопрос еще с одной стороны. Война не может не вызвать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами невозможна революционная тактика.

Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. „Где страдания, там религия", говорит архиреакционер Баррес. И он прав. 2) Не-

ненависть к „врагу“ — чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное только ей экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии — чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть „продолжение политики“ империализма, и отвечают на нее „продолжением“ своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что „война войне“ есть пошлая фраза без революции против своего правительства. Нельзя возбудить ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения, и нельзя быть нелицемерным противником „гражданского (классового) мира“, не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии!!!

Сторонники лозунга „ни побед, ни поражений“ фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов, „не веря“ в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, не желая помогать развитию таких действий — задаче, бесспорно, нелегкой, но единственно достойной пролетария, единственно социалистической задаче. Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских с.-д., в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без „содействия поражению“ своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к прочному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне.

26 июля 1915 г.

О положении дел в российской социал-демократии [89]).

Вторые номера „Известий“ О.К. и „Нашего Дела“ разъясняют это положение с сугубой назидательностью и наглядностью. Оба издания, каждое по своему, соответственно различию мест их выхода в свет и их политическому назначению, твердой поступью идут по пути упрочения социал-шовинизма.

„Наше Дело“ не только не сообщает ни о каких разногласиях или оттенках внутри редакции, не только не берет ни малейшей ноткн против „потресовщины“, а, напротив, в специальном заявлении „от редакции“ (стр. 19) солидаризируется

с потресовщиной, объявляет, что „интернационализм“ требует именно „ориентировки в международном положении“ в смысле решения того, успех какой буржуазии в теперешней войне желательнее для пролетариата. Это значит, что в основном и существенном вся редакция социал-шовинистична. А в добавление к этому редакция, расходясь с Каутским только в оттенках социал-шовинизма, расхваливает как „блестящую“, „исчерпывающую“, „теоретически ценную“ брошюру Каутского, целиком посвященную его интернациональному оправданию. Кто не хочет закрывать глаза, тот не может не видеть, что редакция „Нашего Дела“, таким образом, во-первых, освящает российский шовинизм, а во-вторых, выражает готовность к „амнистии“ и примирению с интернациональным социал-шовинизмом.

В отделе „По Росии и за границей“ излагаются взгляды Плеханова и Аксельрода, между которыми редакция (вполне правильно) не делает никакого различия. В специальном примечании опять-таки от имени редакции (стр. 103) заявляется, что взгляды Плеханова „во многих отношениях совпадают со взглядами“ „Нашего Дела“.

Картина яснее ясного. То „течение“ легалистов, которое воплощено в „Н. Деле“ и которое, благодаря тысяче связей с либеральной буржуазией, одно из всего „брюссельского блока“ было реальностью в России в 1910—15 г.г., вполне упрочило и завершило свое оппортунистическое развитие, благополучно дополнив ликвидаторство социал-шовинизмом. Действительная программа той группы, которая в январе 1912 г. исключена из нашей партии, обогатилась еще одним крайне важным пунктом: проведение в рабочий класс идей, сводящихся к необходимости охранять и укреплять хотя бы ценой войн великодержавные преимущества и привилегии великорусских помещиков и буржуазии.

Прикрывать эту политическую реальность „левыми“ фразами и, якобы, соц.-дем. идеологией, — таков настоящий политический смысл легальной деятельности фракции Чхеидзе и нелегальной—О.К. В идейном отношении лозунг — „ни побед, ни поражений“, в практическом отношении — борьба с „раскольничеством“, проникающая собой решительно все статьи № 2 „Известий“, особенно Мартова, Ионова и Машинадзе, — вот деловая и вполне правильная (с точки зрения оппортунистов) программа „мира“ с „Нашим Делом“ и Плехановым. Прочтите письмо „бывшего революционера“ г. Алексинского в № 143

„Речи“ [90]) (от 27 мая 1915 года) об „обороне страны“ как „задаче демократии“, и вы увидите, что этот ретивый паж теперешного шовиниста Плеханова вполне помирится с лозунгом „ни побед, ни поражений“. Это — именно о б щ и й лозунг Плеханова, „Наш. Дела“, Аксельрода и Коссовского, Мартова и Семковского, между которым и, конечно (о, конечно!), останутся „законные оттенки“ и „частные разногласия“. Вся эта братия удовлетворяется идейно в главном и основном, признавая общую почву „ни побед, ни поражений (заметим в скобках: ч ь и х? ясно: т е п е р е ш н и х п р а в и т е л ь с т в, теперешних господствующих классов!). Практически-политически они удовлетворяются лозунгом „единства“. Это означает е д и н с т в о с „Н а ш и м Д е л о м“, т.-е. на деле полное примирение с тем, что в России „Наше Дело“ при помощи фракции Чхеидзе будет попрежнему вести серьезную политику и серьезную (буржуазно-„серьезную“) работу в массах, а за границей и в подполье О.К. и К⁰ будут позволять себе делать „левые“ оговорочки, говорить почти что революционные фразы и т. д., и т. п. Не будем делать себе иллюзий: брюссельский блок, который сразу распался, и доказал тем, что в нем не было ничего, кроме лицемерия, именно в силу этого очень пригоден для прикрытия политически гнилого положения. В июле 1914 года он служил для прикрытия „Нашей Зари“ и „Сев. Раб. Газеты“ [91]) посредством ни к чему не обязывающих почти левых резолюций. В июле 1915 года нет еще „свидания друзей“ и „протокола“, но есть уже принципиальное согласие главных „актеров“ на то, чтобы сообща прикрывать социал-шовинизм „Нашего Дела“, Плеханова и Аксельрода посредством тех или иных тоже почти левых фраз. Прошел год — великий и тяжелый год в европейской истории. Обнаружилось, что нарыв национал-либеральной рабочей политики з а д у ш и л большинство с.-д. партий Европы, что он вполне созрел и в ликвидаторстве, — а „друзья“, как музыканты в Крыловском „Квартете“, пересели с места на место и опять затянули хором, фальшивыми голосами: единство, единство (с „Нашим Делом“).

Пример парижского „Нашего Слова“ особенно поучителен для искренних сторонников „единства“. № 2 „Известий“ О.К. нанес смертельный удар „Нашему Слову“, и теперь его смерть (политическая или „физическая“, это неважно, — вопрос только времени. „Известия“ О.К. № 2 „убили“ „Наше Слово“ простым заявлением, что Мартов (оказавшийся членом секретариата О.К., — видимо, его кооптировали „единогласно“ Семковский

и Аксельрод, должно быть, за согласие не повторять больше необдуманных фраз о „смерти“ „Vorwärts'a“), — Мартов и „добрая половина сотрудников „Н. Сл.“, организационно примыкающих к О.К.“, констатируют свою ошибку, что они только по „наивности“ (Мартов в роли ingénu, — это недурно) считали „Наше Слово“ „общим органом русских интернационалистов“, а на деле „Наше Слово“ оказалось и „раскольническим“, и „фракционным“ (Семковский от себя добавляет: „анархо-синдикалистским“), и „оправдывающимся перед ленинским „Социал-Демократом“.

Перед публикой выступили 3 части „Нашего Слова“, безуспешно объединявшиеся 7 или 8 месяцев: 1) двое левых членов редакции (№ 107 „Н. Сл.“), искренно сочувствующих интернационализму и тяготеющих к „С.-Д.“ (см. резолюцию приветствия им от парижской секции нашей партии в № 122 „Н. Слова“); 2) Мартов и „окисты“ („добрая половина“); 3) Троцкий, который, как и всегда, ни в чем принципиально несогласен с социал-шовинистами, но во всем практически согласен с ними (благодаря, между прочим, „счастливому посредничеству“, — кажется, это так называется на дипломатическом языке? — фракции Чхеидзе).

Перед искренними сторонниками единства встает вопрос: почему потерпело крах и раскололось „Наше Слово“? Обыкновенно расколы объясняются человеконенавистническим „раскольничеством злых „ленинцев“ (ст. Семковского в № 2 „Изв.“, Аксельрода в „Нашем Сл.“ и т. д., и т. п.). Но эти злые люди совсем не участвовали в Н. Сл.“ и по этой простой причине не могли расколоться или уйти оттуда.

В чем же дело? В случайности? Или в том, что невозможно и вредно единство соц.-дем. рабочих с проводниками буржуазного влияния (фактически агентами либеральной и шовинистской буржуазии) из „Нашего Дела“?

Пусть подумают об этом сторонники „единства“.

В европейской соц.-демократии за „единство“ высказались теперь несколько в иной обстановке и форме Каутский и Гаазе, вкупе с самим Бернштейном. Почуяв, что массы левеют, эти „авторитеты“ предлагают мир левым с.-д. на молчаливом условии мира с Зюдекумами. Словесно отречься от „политики 4 августа“, заклеить раскол национал-либеральной и соц.-дем. рабочей политики какими-нибудь ни к чему не обязывающими (и в некоторых отношениях даже для Гинденбурга и Жоффра [92]) небезвыгодными) фразами о „мире“ (лозунг мира как раз для этого

подходит), платоническим осуждением аннексий и т. п. Такова приблизительно программа Каутского с Бернштейном, к которой не прочь склониться и французские социал-шовинисты, как видно из некоторых нот в „l'Humanité“ [93]. Англичане из „Нез. Раб. Партии“ [94]), конечно, горой будут стоять за такую амнистию социал-шовинизму, прикрытую рядом поклонов влево.

Разумеется, „окистам“ [95]) и Троцкому сам бог велел уцепиться теперь за фалды Каутского и Бернштейна.

Мы считаем этот поворот влево вождя оппортунистов и вождя лицемерных шовинистов „радикального“ лагеря комедией, значение которой состоит в том, чтобы спасти гнилое в соц.-демократии посредством поклона влево, чтобы укрепить фактически национал-либеральную рабочую политику ценой ничтожных словесных уступок „левым“.

Объективное положение в Европе таково, что в массах растет разочарование, недовольство, протест, возмущение, революционное настроение, способное на известной ступени его развития невероятно быстро превратиться в действие. Вопрос стоит теперь на деле так, и только так: помогать росту и развитию революционных действий против своей буржуазии и своего правительства или тормозить, тушить, успокаивать революционное настроение. Ради достижения второй цели либеральные буржуа и оппортунисты пойдут (и, с точки зрения их интересов, должны пойти) на какие угодно левые слова, на бездну обещаний разоружения, мира, отказа от аннексий, всяческих реформ, всего, чего угодно, лишь бы помешать разрыву масс с их оппортунистическими вождями и переходу к все более и более серьезным революционным действиям.

Не верьте никаким велеречивым программам,— скажем мы массам,— полагайтесь на свои массовые революционные действия против своего правительства и своей буржуазии, старайтесь развить такие действия; вне гражданской войны за социализм нет спасения от одичания, нет возможности прогресса в Европе.

P. S. Настоящая статья была уже набрана, когда мы получили сборник г. Плеханова, „бывшего революционера“, Г. Алексинского и К° „Война“. Вот коллекция софизмов и лжи социал-шовинистов, выдающих грабительскую и реакционную войну царизма за „справедливую“, „оборонительную“ и т. п.! Рекомендуем этот позорный букет лакейства перед царизмом вниманию всех, кто хочет серьезно разобраться в причинах краха II Интернационала. Между прочим, интересно, что эти откро-

венные социал-шовинисты вполне довольны и Чхеидзе, и всей его фракцией. Этой фракцией довольны и О.К., и Троцкий, и Плеханов с Алексинским и К°, — естественная вещь, ибо фракция Чхеидзе доказала годами свое уменье прикрывать оппортунистов и служить им.

Про Р. С.-Д. Р. Фракцию, ушедшую в Сибирь, г.г. Плеханов и Алексинский лгут бесстыдно. Теперь уже недалеко, вероятно, время, когда можно будет документально опровергнуть лгунов.

26 июля 1915 г.

О лозунге Соединенных Штатов Европы [96]).

В № 40 „С.-Д.“ мы сообщили, что конференция заграничных секций нашей партии постановила отложить вопрос о лозунге „С. Штаты Европы“ до обсуждения в печати экономической стороны дела.

Дискуссия по этому вопросу приняла на нашей конференции односторонне-политический характер. Отчасти это вызвано было, может-быть, тем, что в манифесте Ц.К. этот лозунг прямо формулирован как политический („ближайшим политическим лозунгом“... — говорится там), при чем не только выдвинуты республиканские С. Штаты Европы, но и подчеркнуто специально, что „без революционного низвержения монархии германской, австрийской и русской“ этот лозунг бессмыслен и лжив.

Возражать против такой постановки вопроса в пределах политической оценки данного лозунга, — например, с той точки зрения, что он заслоняет или ослабляет и т. п. лозунг социалистической революции, — совершенно неправильно. Политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции, ни в коем случае, никогда, ни при каких условиях не могут ни заслонить, ни ослабить лозунга социалистической революции. Напротив, они всегда приближают ее, расширяют для нее базу, втягивают в социалистическую борьбу новые слои мелкой буржуазии и полупролетарских масс. А с другой стороны, политические революции неизбежны в ходе социалистической революции, которую нельзя рассматривать как один акт, а следует рассматривать как эпоху бурных политических и экономических

потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контр-революций.

Но если лозунг республиканских С. Штатов Европы, поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русскою во главе, совершенно неуязвим, как политический лозунг, то остается еще важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. С точки зрения экономических условий империализма, т.-е. вывоза капитала и раздела мира „передовыми“ и „цивилизованными“ колониальными державами, С. Штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны.

Капитал стал интернациональным и монополистическим. Мир поделен между горсткой великих, т.-е. преуспевающих в великом грабеже и угнетении наций, держав. Четыре великие державы Европы: Англия, Франция, Россия и Германия, с населением в 250—300 миллионов, с площадью около 7 милл. кв. километров, имеют колонии с населением почти в полмиллиарда (494,5 м.), с площадью в 64,6 милл. кв. км., т.-е. почти в половину земного шара (133 милл. кв. км. без полярной области). Прибавьте к этому три азиатские государства: Китай, Турцию, Персию, которых теперь рвут на части разбойники, ведущие „освободительную“ войну, именно Япония, Россия, Англия и Франция. В этих 3-х азиатских государствах, которые можно назвать полуколониями (на деле они теперь на $^{9}/_{10}$ колонии), 360 милл. населения и 14,5 м. кв. км. площади (т.-е. почти в $1^{1}/_{2}$ раза более площади всей Европы).

Далее, Англия, Франция и Германия поместили за границей не менее 70 миллиардов руб. капитала. Чтобы получать „законный“ доходец с этой приятной суммы,— доходец свыше 3-х миллиардов руб. ежегодно,— служат национальные комитеты миллионеров, называемые правительствами, снабженные войском и военным флотом, „помещающие“ в колониях и полуколониях сынков и братцев „господина миллиарда“ в качестве вице-королей, консулов, послов, чиновников, всяческого рода попов и прочих пиявок.

Так организовано в эпоху наивысшего развития капитализма ограбление горсткой великих держав около миллиарда населения земли. И при капитализме иная организация невозможна. Отказаться от колоний, от „сфер влияния“, от вывоза капитала? Думать об этом — значит свести себя на уровень попика, который каждое воскресенье проповедует богатым величие христианства и советует дарить бедным... ну, если не несколько миллиардов, то несколько сот рублей ежегодно.

С. Штаты Европы при капитализме равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. Миллиардер не может делить „национальный доход“ капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции „по капиталу“ (и притом еще с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует). Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповыдывать „справедливый“ раздел дохода на такой базе, есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера. Нельзя делить иначе, как „по силе“. А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 г. Германия усилилась раза в 3 — 4 быстрее, чем Англия и Франция. Япония раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления время-от-времени нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике.

Конечно, возможны временные соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и С. Штаты Европы, как соглашение европейских капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии против Японии и Америки, которые крайне обижены при теперешнем разделе колоний и которые усилились за последние полвека неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа. По сравнению с С. Штатами Америки, Европа в целом означает экономический застой. На современной экономической основе, т.-е. при капитализме, С. Штаты Европы означали бы организацию реакции для задержки более быстрого развития Америки. Те времена, когда дело демократии и дело социализма было связано только с Европой, прошли безвозвратно.

С. Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. Как самостоятельный лозунг,

лозунг С. Штаты мира был бы, однако, едва ли правилен, во-1-х, потому, что он сливается с социализмом; во-2-х, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране, и об отношении такой страны к остальным.

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами.

Вот в силу каких соображений в результате многократных обсуждений вопроса на конференции заграничных секций Р. С.-Д. Р. П. и после конференции редакция Ц.О. пришла к выводу о неправильности лозунга Соединенных Штатов Европы.

23 августа 1915 г.

Крах II Интернационала [97]).

Под крахом Интернационала иногда разумеют просто формальную сторону дела, перерыв интернациональной связи между социалистическими партиями воюющих стран, невозможность собрать ни международной конференции, ни Межд. Соц. Бюро и т. п. На этой точке зрения стоят некоторые социалисты нейтральных маленьких стран, вероятно, даже большинство официальных партий в них, затем оппортунисты и их защитники. В русской печати с заслуживающею глубокой признательности

откровенностью выступил на защиту этой позиции г. Вл. Коссовский в № 8 „Информационного Листка“ Бунда, при чем редакция „Листка“ ни единым словом не оговорила своего несогласия с автором. Можно надеяться, что защита национализма г. Коссовским, который договорился до оправдания немецких с.-д., голосовавших за военные кредиты, поможет многим рабочим окончательно убедиться в буржуазно-националистическом характере Бунда.

Для сознательных рабочих социализм — серьезное убеждение, а не удобное прикрытие мещански-примирительных и националистически-оппозиционных стремлений. Под крахом Интернационала они разумеют вопиющую измену большинства официальных с.-д. партий своим убеждениям, торжественнейшим заявлениям в речах на Штутгартском и Базельском международных конгрессах, в резолюциях этих конгрессов и т. д. Не видеть этой измены могут только те, кто не хочет видеть ее, кому это невыгодно. Формулируя дело научным образом, т.-е с точки зрения отношения между классами современного общества, мы должны сказать, что большинство с.-д. партии, и во главе их в первую очередь самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала — германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата. Это — событие всемирно-исторической важности, и на возможно более всестороннем анализе его нельзя не остановиться. Давно признано, что войны при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое, отжившее, омертвевшее в человеческих учреждениях. Несомненную пользу начала тоже приносить человечеству и европейская война 1914—15 г.г., показав передовому классу цивилизованных стран, что в его партиях назрел какой-то отвратительный гнойный нарыв, и несется откуда-то нестерпимый трупный запах.

I.

Есть ли налицо измена главных социалистических партий Европы всем своим убеждениям и задачам? Об этом не любят говорить, разумеется, ни сами изменники, ни те, кто твердо знает, — или смутно догадывается, — что ему придется дружить и мириться с ними. Но, как бы то ни было, это неприятно разным „авторитетам“ II Интернационала или их фракционным

друзьям среди российских с.-д., мы должны прямо взглянуть на вещи, назвать их своими именами, сказать рабочим правду.

Есть ли фактические данные по вопросу о том, как перед настоящей войной и в предвидении ее смотрели социалистические партии на свои задачи и на свою тактику? Бесспорно есть. Это — резолюция Базельского международного социалистического конгресса в 1912 году, которую мы перепечатываем вместе с резолюцией хемницкого германского с.-д. съезда того же года, как напоминание о „забытых словах“ социализма. Подводя итог громадной пропагандистской и агитационной литературе всех стран против войны, эта резолюция представляет собой самое точное и полное, самое торжественное и формальное изложение социалистических взглядов на войну и тактики по отношению к войне. Нельзя назвать иначе, как изменой, уже тот факт, что ни один из авторитетов вчерашнего Интернационала и сегодняшнего социал-шовинизма, ни Гайндман, ни Гэд, ни Каутский, ни Плеханов не решаются напомнить своим читателям эту резолюцию, а либо совершенно молчат о ней, либо цитируют (подобно Каутскому) второстепенные места ее, обходя все существенное. Самые „левые“ архи-революционные резолюции и самое бесстыдное забвение их или отречение от них, — вот одно из самых наглядных проявлений краха Интернационала, а вместе с тем и одно из самых наглядных доказательств того, что верить в „исправление“ социализма, в „выпрямление его линии“ путем одних резолюций могут теперь лишь люди, у которых беспримерная наивность граничит с хитрым желанием увековечить прежнее лицемерие.

Гайндмана еще вчера, можно сказать, когда он повернул перед войной к защите империализма, все „порядочные“ социалисты считали свихнувшимся чудаком, и никто не говорил о нем иначе, как в тоне пренебрежения. А теперь к позиции Гайндмана целиком скатились, — отличаясь между собой только в оттенках и в темпераменте, — виднейшие с.-д. вожди всех стран. И мы никак не в состоянии оценить и охарактеризовать сколько-нибудь парламентским выражением гражданского мужества таких людей, как, например, писатели „Нашего Слова“, когда они пишут о „господине“ Гайндмане в тоне презрения, а о „товарище“ Каутском говорят — или молчат — с видом почтения (или подобострастия?). Разве можно примирить такое отношение с уважением к социализму и к своим убеждениям вообще? Если вы убеждены в лживости и гибельности шовинизма Гайндмана, то не следует ли направить критику и нападки на б о л е е

влиятельного и более опасного защитника подобных взглядов, Каутского?

Взгляды Гэда в последнее время выразил едва ли не всего подробнее гэдист Шарль Дюма [98]) в своей брошюрке: „Какого мира мы желаем". Этот „начальник кабинета Жюля Гэда", подписавшийся так на заглавном листе брошюры, разумеется, „цитирует" прежние заявления социалистов в патриотическом духе (как цитирует подобные же заявления и немецкий социал-шовинист Давид в своей последней брошюре о защите отечества), но Базельского манифеста он не цитирует! Об этом манифесте молчит и Плеханов, преподнося с необыкновенно самодовольным видом шовинистские пошлости. Каутский подобен Плеханову: цитируя Базельский манифест, он опускает все революционные места в нем (т.-е. все его существенное содержание!), вероятно, под предлогом цензурного запрещения... Полиция и военные власти своими цензурными запретами говорить о классовой борьбе и революции пришли „кстати" на помощь изменникам социализма!

Но, может-быть, Базельский манифест представляет из себя какое-нибудь бессодержательное воззвание, в котором нет никакого точного содержания, ни исторического, ни тактического, относящегося безусловно к данной конкретной войне?

Как-раз наоборот. В базельской резолюции меньше, чем в других, пустого декламаторства, больше конкретного содержания. Базельская резолюция говорит именно о той самой войне, которая и наступила, именно о тех самых империалистических конфликтах, которые разразились в 1914—15 г.г. Конфликт Австрии и Сербии из-за Балкан, Австрии и Италии из-за Албании и т. д., Англии и Германии из-за рынков и колоний вообще, России с Турцией и пр. из-за Армении и Константинополя, — вот о чем говорит базельская резолюция, предвидя именно теперешнюю войну. Как раз про теперешнюю войну между „великими державами Европы" говорит базельская резолюция, что эта война **„не может быть оправдана ни самомалейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса!"**.

И если теперь Плеханов и Каутский, — берем двух самых типичных и самых близких для нас, пишущего по-русски или переводимого ликвидаторами на русский, авторитетных социалистов, — подыскивают (при помощи Аксельрода) разные „народные (или, вернее, простонародные, взятые из уличной буржуазной прессы) оправдания" войне, если они с ученым видом и с запа-

сом фальшивых цитат из Маркса ссылаются на „примеры“, на войны 1813 и 1870 г.г. (Плеханов) или 1854—1871, 1876—7, 1897 г.г. (Каутский), то поистине только люди без тени социалистических убеждений, без капельки социалистической совести могут брать „всерьез“ подобные доводы, могут не назвать их неслыханным иезуитизмом, лицемерием и проституированием социализма! Пусть немецкое правление партии („форштанд“) предает проклятию новый журнал Меринга и Розы Люксембург [99]) („Интернационал“ [100]), за правдивую оценку Каутского, пусть Вандервельд, Плеханов, Гайндман и К° при помощи полиции „тройственного согласия“ также третируют своих противников,— мы будем отвечать простой перепечаткой Базельского манифеста, изобличающего такой поворот вождей, для которого нет другого слова, кроме измены.

Базельская резолюция говорит не о национальной, не о народной войне, примеры которых в Европе бывали, которые даже типичны для эпохи 1789—1871 г.г., не о революционной войне, от которых с.-д. никогда не зарекались, а о теперешней войне на почве „капиталистического империализма“ и „династических интересов“, на почве „завоевательной политики“ обеих групп воюющих держав, и австро-германской, и англо-франко-русской. Плеханов, Каутский и К° прямо-таки обманывают рабочих, повторяя корыстную ложь буржуазии всех стран, стремящейся из всех сил эту империалистскую, колониальную, грабительскую войну изобразить народной, оборонительной (для кого бы то ни было) войной и подыскивая оправдания для нее из области исторических примеров не империалистских войн.

Вопрос об империалистском, грабительском, противопролетарском характере данной войны давно вышел из стадии чисто-теоретического вопроса. Не только теоретически оценен уже во всех своих главных чертах империализм как борьба гибнущей, одряхлевшей, сгнившей буржуазии за дележ мира и за порабощение „мелких“ наций; не только повторялись тысячи раз эти выводы во всей необъятной газетной литературе социалистов всех стран; не только, например, представитель „союзной“ по отношению к нам нации француз Дэлэзи в брошюре о „Грядущей войне“ (1911 года!) популярно разъяснял грабительский характер настоящей войны и со стороны французской буржуазии. Этого мало. Представители пролетарских партий всех стран единогласно и формально выразили в Базеле свое непреклонное убеждение в том, что грядет война именно империалистского характера, сделав из этого тактические

выводы. Поэтому, между прочим, должны быть отвергнуты сразу, как софизмы, все ссылки на то, что отличие национальной и интернациональной тактики недостаточно обсуждено (сравни последнее интервью Аксельрода в №№ 87 и 90 „Нашего Слова“) и т. д., и т. п. Это — софизм, ибо одно дело всесторонее научное исследование империализма: такое исследование только начинается, и оно, по сути своей, бесконечно, как бесконечна наука вообще. Другое дело — основы социалистической тактики против капиталистического империализма, изложенные в миллионах экземпляров с.-д. газет и в решении Интернационала. Социалистические партии — не дискуссионные клубы, а организации борющегося пролетариата, и, когда ряд батальонов перешел на сторону неприятеля, их надо назвать и ославить изменниками, не давая себя „поймать“ лицемерными речами о том, что „не все одинаково“ понимают империализм, что вот шовинист Каутский и шовинист Кунов [101]) способны написать об этом томы, что вопрос „недостаточно обсужден“ и проч., и т. п. Капитализм во всех проявлениях своего грабительства и во всех мельчайших разветвлениях его исторического развития и его национальных особенностей никогда не будет изучен до конца; о частностях ученые (и педанты особенно) никогда не перестанут спорить. „На этом основании“ отказываться от социалистической борьбы с капитализмом, от противопоставления себя тем, кто изменил этой борьбе, было бы смешно, — а что же другое предлагают нам Каутский, Кунов, Аксельрод и т. п.?

Никто даже и не попытался, ведь, разобрать теперь, после войны, базельскую резолюцию и показать ее неправильность!

II.

Но, может-быть, искренние социалисты стояли за базельскую резолюцию в предвидении того, что война создаст революционную ситуацию, а события опровергли их, и резолюция оказалась невозможной?

Именно таким софизмом пытается оправдать свой переход в лагерь буржуазии Кунов (в брошюре „Крах партии?“ и в ряде статей), а в виде намеков мы встречаем подобные „доводы“ почти у всех социал-шовинистов с Каутским во главе. Надежды на революцию оказались иллюзией, а отстаивать иллюзии не дело марксиста, рассуждает Кунов, при чем сей струвист ни единым словом не говорит об „иллюзии“ всех подписавших Базельский манифест, а как отменно-благородный человек ста-

рается свалить дело на крайних левых вроде Паннекука и Радека[102])!

Рассмотрим по существу тот довод, что авторы Базельского манифеста искренно предполагали наступление революции: но события опровергли их. Базельский манифест говорит 1) что война создаст экономический и политический кризис; 2) что рабочие будут считать свое участие в войне преступлением, преступной „стрельбой друг в друга ради прибылей капиталистов, ради честолюбия династий, ради выполнения тайных дипломатических договоров", что война вызывает среди рабочих „негодование и возмущение"; 3) что указанный кризис и указанное душевное состояние рабочих социалисты обязаны использовать для „возбуждения народа и для ускорения краха капитализма"; 4) что „правительства" — все без исключения — не могут начать войны „без опасности для себя"; 5) что правительства „боятся пролетарской революции"; 6) что правительствам „следует вспомнить" о Парижской Коммуне (т.-е. о гражданской войне), о революции 1905 г. в России и т. д. Все это совершенно ясные мысли; в них нет ручательства, что революция будет; в них положено ударение на точную характеристику фактов и тенденций. Кто по поводу таких мыслей и рассуждений говорит, что ожидавшееся наступление революции оказалось иллюзией, тот обнаруживает не марксистское, а струвистское и полицейски-ренегатское отношение к революции.

Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, при чем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы, наверное, не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов", кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели", а требуется еще, чтобы „верхи не могли" жить по-старому. 2) Обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в „мирную" эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами" к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859 — 1861, в 1879 — 1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не „упадет", если его не „уронят".

Таковы марксистские взгляды на революцию, которые много-много раз развивались и признавались за бесспорные всеми марксистами и которые для нас, русских, особенно наглядно подтверждены опытом 1905 года. Спрашивается, что предполагалось в этом отношении Базельским манифестом в 1912 году, и что наступило в 1914—15 году?

Предполагалась революционная ситуация, кратко описанная выражением „экономический и политический кризис". Наступила ли она? Несомненно, да. Социал-шовинист Ленч [103]) (который прямее, откровеннее, честнее выступает с защитой шовинизма, чем лицемеры Кунов, Каутский, Плеханов и К°) выразился даже так, что „мы переживаем своеобразную революцию" (стр. 6 его брошюры „Германская социал-демократия и война", Берл. 1915). Политический кризис налицо: ни одно из правительств не уверено в завтрашнем дне, ни одно не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны (как изгнали правительство из Бельгии). Все правительства живут на вулкане, все апеллируют сами к самодеятельности и героизму масс. Политический режим Европы весь потрясен, и никто, наверное, не станет отрицать, что мы вошли (и входим все глубже,—я пишу это в день объявления войны Италией) в эпоху величайших политических потрясений. Если Каутский через два месяца после объявления войны писал (2 окт. 1914 г. в „Neue Zeit"), что „никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны", то это один из образчиков

подделки исторической науки Каутским в угоду Зюдекумам и прочим оппортунистам. Никогда правительство не нуждается так в согласии всех партий господствующих классов и в „мирном“ подчинении этому господству классов угнетенных, как во время войны. Это, во-1-х; а во-2-х, если „при начале войны“, особенно в стране, ожидающей быстрой победы, правительство кажется всесильным, то никто никогда и нигде в мире не связывал ожиданий революционной ситуации исключительно с моментом „начала“ войны, а тем более не отождествлял „кажущегося“ с действительным.

Что европейская война будет тяжелой не в пример другим,— это все знали, видели и признавали. Опыт войны все более подтверждает это. Война ширится. Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны и усилия правительств, буржуазии и оппортунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушение. Прибыли известных групп капиталистов от войны неслыханно, скандально велики. Обострение противоречий громадное. Глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького („демократического“) мира, начинающийся ропот в „низах“ — все это налицо. А чем дальше затягивается и обостряется война, тем сильнее сами правительства развивают и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию. Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, но зато просвещает и закаляет других, при чем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше, чем первых.

Заключение мира не только не может „сразу“ прекратить всех этих бедствий и всего этого обострения противоречий, а, напротив, во многих отношениях сделает эти бедствия еще более ощутимыми и особенно наглядными для самых отсталых масс населения.

Одним словом, революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо. В этом отношении предвидение Базельского манифеста оправдалось вполне. Отрицать эту истину прямо или косвенно или замалчивать ее, как делают Кунов, Плеханов, Каутский и К°, значит говорить величайшую неправду, обманывать рабочий класс и услуживать буржуазии. В „Социал-Демократе“ (№№ 34, 40 и

41) мы приводили данные, показывающие, что люди, боящиеся революции, христианские попы-мещане, генеральные штабы, газеты миллионеров вынуждены констатировать признаки революционной ситуации в Европе.

Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата. Тут не может быть и речи ни вообще о каких-либо „иллюзиях", ни об их опровержениях, ибо ни один социалист нигде и никогда не брал на себя ручательства за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация. Тут идет речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении.

Никогда ни один влиятельный и ответственный социалист не смел усомниться в том, что такова именно обязанность социалистических партий, и Базельский манифест, не распространяя и не питая ни малейших „иллюзий", именно об этой обязанности социалистов говорит: возбуждать, „встряхивать" народ (а не усыплять его шовинизмом, как делают Плеханов, Аксельрод, Каутский), „использовать" кризис для „ускорения" краха капитализма, руководствоваться примерами Коммуны и октября — декабря 1905 г. Неисполнение современными партиями этой своей обязанности и есть их измена, их политическая смерть, их отречение от своей роли, их переход на сторону буржуазии.

III.

Но как могло быть, что виднейшие представители и вожди II Интернационала изменили социализму? На этом вопросе мы остановимся подробно ниже, рассмотрев сначала попытки „теоретически" оправдать эту измену. Попробуем охарактеризовать главные теории социал-шовинизма, представителями которых можно считать Плеханова (он повторяет преимущественно

доводы англо-французских шовинистов, Гайндмана и его новых сторонников) и Каутского (он выдвигает доводы гораздо более „тонкие“, имеющие вид несравненно большей теоретической солидарности).

Едва ли не всех примитивнее теория „зачинщика“. На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира. Это — перепев заявлений всех правительств и декламаций всей буржуазной и желтой печати всего мира. Плеханов даже и столь избитую пошлость прикрашивает обязательной у этого писателя иезуитской ссылкой на „диалектику“: во имя учета конкретной ситуации надо-де прежде всего найти зачинщика и расправиться с ним, откладывая до другой ситуации все остальные вопросы (см. брошюру Плеханова „О войне“, Париж, 1914, и повторение ее рассуждений у Аксельрода в „Голосе“, №№ 86 и 87). В благородном деле подмена диалектики софистикой Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из „доводов“, и еще Гегель говорил справедливо, что „доводы“ можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе. Плеханов выхватывает цитату из немецкой с.-д. печати: сами немцы до войны признавали-де зачинщиком Австрию и Германию — и баста. О том, что русские социалисты много раз разоблачали завоевательные планы царизма насчет Галиции, Армении и т. д., Плеханов молчит... У него нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, а эта история неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более успешного конкурента были главной осью политики о б е и х воюющих ныне групп держав *).

*) Крайне поучительна книга английского пацифиста Брэйлсфорда, который не прочь даже корчить из себя социалиста: „Война стали и золота“ (Лондон 1914; книга помечена мартом 1914 г.!). Автор совершенно ясно сознает, что вопросы национальные в общем стоят позади, уже решены (35), что дело теперь не в этом, что „типичный вопрос современной дипломатии“ (36) — Багдадская дорога, поставка рельс для нее, рудники в Марокко и т. п. Одним из „поучительнейших инцидентов в новейшей истории европейской дипломатии“ автор справедливо считает борьбу французских патриотов и английских империалистов против попыток Кайо (в 1911 и 1913 г.г.) помириться с Германией на основе соглашения в разделе колониальных сфер влияния и о допущении германских бумаг на парижскую биржу. А н г л и й с к а я и ф р а н ц у з с к а я буржуазия с о р в а л а такое соглашение (38 — 40). Цель

В применении к войнам основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что „война есть просто продолжение политики другими“ (именно насильственными) „средствами“. Такова формулировка Клаузевитца *), одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем [104]). И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время.

Грубый шовинизм Плеханова стоит совершенно на той же самой теоретической позиции, как более тонкий примирительно-слащавый шовинизм Каутского, когда сей последний освещает переход социалистов всех стран на сторону „своих“ капиталистов следующим рассуждением:

„Все вправе и обязаны защищать свое отечество; истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией“ (см. „Neue Zeit“, 2 октября 1914 г., и др. сочинения того же автора).

империализма — вывоз капитала в более слабые страны (74). Прибыль от такого капитала в Англии была 90 — 100 милл. ф. ст. в 1899 г. (Джиффен), 140 милл. в 1909 г. (Пэйш), а Ллойд-Джордж в недавней речи считал ее, добавим от себя, в 200 милл. ф. ст., почти 2 миллиарда руб. Грязные проделки и подкупы турецкой знати, местечки для сынков в Индии и Египте — вот в чем суть (85 — 87). Ничтожное меньшинство выигрывает от вооружений и войн, но за него общество и финансисты, а за сторонниками мира — раздробленное население (93). Пацифист, ныне толкующий о мире и разоружении, завтра оказывается членом партии, вполне зависимой от военных подрядчиков (161). Окажется сильнее тройственное согласие, оно возьмет Марокко и разделит Персию, — Тройств. Союз возьмет Триполи, укрепится в Боснии, подчинит себе Турцию (167). Лондон и Париж дали миллиарды России в марте 1906 г., помогая царизму задавить освободительное движение (225 — 8); Англия помогает теперь России душить Персию (229). Россия разожгла балканскую войну (230). — Все это не ново, не правда ли? Все это общеизвестно и 1000 раз повторялось в с.-д. газетах всего мира? Накануне войны англичанин-буржуа яснее ясного видит это. Но каким неприличным вздором, каким непереносным лицемерием, какой слащавой ложью оказываются перед лицом этих простых и общеизвестных фактов теории Плеханова и Потресова о виновности Германии или Каутского о „перспективах“ разоружения и длительного мира при капитализме!

*) Carl von Clausewitz: „Vom Kriege“, Werke, I Bd., S. 28. Ср. т. III, стр. 139 — 140: „Все знают, что войны вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами, но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются, и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам. Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств“.

Это бесподобное рассуждение есть такое безгранично пошлое издевательство над социализмом, что лучшим ответом на него было бы заказать медаль с фигурами Вильгельма II и Николая II на одной стороне, Плеханова и Каутского — на другой. Истинный интернационализм, видите ли, состоит в оправдании того, чтобы французские рабочие стреляли в немецких, а немецкие во французских во имя „защиты отечества!“.

Но если присмотреться к теоретическим предпосылкам рассуждений Каутского, мы получим именно тот взгляд, который высмеян Клаузевицем около 80 лет тому назад: с началом войны прекращаются исторически подготовленные политические отношения между народами и классами, наступает совершенно иное положение! „Просто“ нападающие и защищающиеся, „просто“ отражение „врагов отечества!“. Угнетение целого ряда наций, составляющих больше половины населения земного шара, великодержавными империалистскими народами, конкуренция между буржуазией этих стран ради дележа добычи, стремление капитала расколоть и подавить рабочее движение, — это все сразу исчезло из поля зрения Плеханова и Каутского, хотя именно такую „политику“ обрисовывали они сами в течение десятилетий перед войной.

Облыжные ссылки на Маркса и Энгельса составляют при этом „козырный“ довод обоих главарей социал-шовинизма: Плеханов вспоминает национальную войну Пруссии в 1813 г., Германии в 1870 г., Каутский с ученейшим видом доказывает, что Маркс решал вопрос о том, успех какой стороны (т.-е. какой буржуазии) желательнее в войнах 1854 — 5, 1859, 1870 — 71, а марксисты также в войнах 1876 — 7 и 1897 годов [105]). Прием всех софистов во все времена: брать примеры, заведомо относящиеся к принципиально непохожим случаям. Прежние войны, на которые нам указывают, были „продолжением политики“ многолетних национальных движений буржуазии, движение против чужого, ино-национального, гнета и против абсолютизма (турецкого и русского). Никакого иного вопроса, кроме вопроса о предпочтительности успеха той или другой буржуазии, тогда и быть не могло; к войнам подобного типа марксисты могли заранее звать народы, разжигая национальную ненависть, как звал Маркс 1848 г. и позже к войне с Россией, как разжигал Энгельс в 1859 г. национальную ненависть немцев к их угнетателям, Наполеону III и к русскому царизму *).

*) Кстати Г. Гарденин в „Жизни“ [112]) называет „революционным шовинизмом“, но все же шовинизмом со стороны Маркса, что он стоял в 1848 году за революционную войну против показавших себя на деле контр-револю-

Сравнивать „продолжение политики“ борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с „продолжением политики“ одряхлевшей, то-есть империалистской, то-есть ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии — значит сравнивать аршины с пудами. Это похоже на сравнение „представителей буржуазии“ Робеспьера [106]), Гарибальди [107]), Желябова [108]) с „представителями буржуазии“ Мильераном [109]), Саландрой [110]), Гучковым [111]). Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных „отечеств“, поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом. И нельзя быть марксистом, не питая презрения к софистике Плеханова и Каутского, говорящих о „защите отечества“ по поводу удушения немецкими империалистами Бельгии или по поводу сделки империалистов Англии, Франции, России и Италии о грабеже Австрии и Турции.

Еще одна „марксистская“ теория социал-шовинизма: социализм базируется на быстром развитии капитализма; победа моей страны ускорит в ней ризвитие капитализма, а значит, и наступление социализма; поражение моей страны задержит ее экономическое развитие, а значит, и наступление социализма. Такую струвистскую теорию развивает у нас Плеханов, у немцев Ленч и др. Каутский спорит против этой грубой теории, против прямо защищающего ее Ленча, против прикрыто отстаивающего ее Кунова, но спорит только для того, чтобы добиться примирения социал-шовинистов всех стран на основе более тонкой, более иезуитской шовинистской теории.

Нам не приходится долго останавливаться на разборе этой грубой теории. „Критические заметки“ Струве [113]) вышли в 1894 году, и за 20 лет русские с.-д. познакомились досконально с этой „манерой“ образованных русских буржуа проводить свои взгляды и пожелания под прикрытием „марксизма“.

ционными народов Европы, именно славян, и русских особенно. Такой упрек Марксу доказывает только лишний раз оппортунизм (или — а вернее *и*—полную несерьезность) сего „левого“ с.-д.а. Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за революционную войну против контр-революционных народов. Например, если социализм победит в Америке или в Европе в 1920 году, а Япония с Китаем, допустим, двинут тогда против нас сначала хотя бы дипломатически — своих Бисмарков, мы будем за наступательную революционную войну с ними. Вам это странно, г. Гарденин? Революционер-то вы вроде Ропшина!

очищенного от революционности. Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм „посредством мягкости“, удушить посредством объятий, путем, якобы, признания „всех“ „истинно-научных“ сторон и элементов марксизма, кроме „агитаторской“, „демагогической“, „бланкистски-утопической“ стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до „общего“ признания „социалистических идеалов“ и смены капитализма „новым строем“, и отбросить „только“ живую душу марксизма, „только“ его революционность.

Марксизм есть теория освободительного движения пролетариата. Понятно поэтому, что сознательные рабочие должны уделять громадное внимание процессу подмены марксизма струвизмом. Двигательные силы этого процесса многочисленны и разнообразны. Мы отметим только главные три: 1) Развитие науки дает все больше материала, доказывающего правоту Маркса. Приходится бороться с ним лицемерно, не идя открыто против основ марксизма, а, якобы, признавая его, выхолащивая софизмами его содержание, превращая марксизм в безвредную для буржуазии святую „икону“. 2) Развитие оппортунизма среди с.-д. партий поддерживает такую „переделку“ марксизма, подгоняя его под оправдание всяческих уступок оппортунизму. 3) Период империализма есть раздел мира между „великими“, привилегированными нациями, угнетающими все остальные. Крохи добычи от этих привилегий и этого угнетения перепадают, несомненно, известным слоям мелкой буржуазии и аристократии, а также бюрократии рабочего класса. Такие слои, будучи ничтожным меньшинством пролетариата и трудящихся масс, тяготеют к „струвизму“, ибо он дает им оправдание их союза со „своей“ национальной буржуазией против угнетенных масс всех наций. Об этом нам придется еще говорить ниже в связи с вопросом о причинах краха Интернационала.

IV.

Самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность теорией социал-шовинизма является выдвинутая Каутским теория „ультраимпериализма“. Вот самое ясное, самое точное и самое новое изложение ее самим автором:

„Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала,— все это побудило меня взвесить, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новою, ультраимпериалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплоатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма, во всяком случае, мыслима. Осуществима ли она, — для решения этого нет еще достаточных предпосылок". („N. Zeit" № 5, 30. IV. 1915, стр. 144).

... „Решающим в этом отношении может оказаться ход и исход теперешней войны. Она может совершенно раздавить слабые зачатки ультраимпериализма, разжигая до высшей степени национальную ненависть также и между финансовыми капиталистами, усиливая вооружения и стремление обогнать в этом друг друга, делая неизбежной вторую всемирную войну. Тогда-то предвидение, которое я формулировал в своей брошюре „Путь к власти", осуществится в ужасных размерах, увеличится обострение классовых противоречий, а вместе с тем и моральное отмирание (буквально: отхозяйничание, Abwirtschaftung, крах) капитализма"... (Надо заметить, что под этим вычурным словечком Каутский разумеет просто-напросто „вражду" к капитализму со стороны „промежуточных слоев между пролетариатом и финансовым капиталом", именно: „интеллигенции, мелких буржуа, даже мелких капиталистов")... „Но война может окончиться иначе. Она может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма". „Ее уроки „(это заметьте!)" могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть". Новая фаза, разумеется, принесет с собой „новые бедствия" для пролетариата, „может-быть, еще более худшие", но „на-время" „ультраимпериализм мог бы создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма" (стр. 145).

Каким образом выводится из этой „теории" оправдание социал-шовинизма?

Довольно странным для „теоретика", именно следующим образом:

Левые с.-д. в Германии говорят, что империализм и порождаемые им войны не случайность, а необходимый продукт капитализма, приведшего к господству финансового капитала. Поэтому необходим переход к революционной борьбе масс, ибо эпоха сравнительно мирного развития изжита. „Правые“ с.-д. грубо заявляют: раз империализм „необходим“, надо быть империалистами и нам. Каутский, в роли „центра“, примиряет:

„Крайние левые, — пишет он в своей брошюре „Национальное государство, империалистическое государство и союз государств“ (Нюрнберг, 1915), — хотят „противопоставить“ неизбежному империализму социализм, т.-е. „не только пропаганду его, которую мы в течение полувека противопоставляем всем формам капиталистического господства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь оттолкнуть всякого, кто не верит в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма“ (стр. 17, курсив наш).

Говоря о немедленном осуществлении социализма, Каутский „осуществляет“ передержку, пользуясь тем, что в Германии, при военной цензуре особенно, нельзя говорить о революционных действиях. Каутский прекрасно знает, что левые требуют от партии немедленной пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не „немедленного практического осуществления социализма“.

Из необходимости империализма левые выводят необходимость революционных действий. „Теория ультраимпериализма“ служит Каутскому для оправдания оппортунистов, для изображения дела в таком свете, что они вовсе не перешли на сторону буржуазии, а просто „не верят“ в немедленный социализм, ожидая, что перед нами „может быть“ новая „эра“ разоружения и длительного мира. „Теория“ сводится к тому, и только к тому, что надеждой на новую мирную эру капитализма Каутский оправдывает присоединение оппортунистов и официальных с.-д. партий к буржуазии и их отказ от революционной (то-есть пролетарской) тактики во время настоящей бурной эры, вопреки торжественным заявлениям базельской резолюции!

Заметьте, что Каутский при этом не только не заявляет: новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и условий, — а, напротив, заявляет прямо: даже вопроса об „осуществимости“ новой фазы я еще не могу решить. Да и в самом деле, взгляните на те „тенденции“ к новой эре,

которые Каутский указал. Поразительно, что к числу экономических фактов автор относит „стремления к разоружению“! Это значит: от несомненных фактов, которые совсем не мирятся с теорией притупления противоречий, прятаться под сень невинных мещанских разговоров и мечтаний. „Ультраимпериализм“ Каутского, — это слово, кстати сказать, совсем не выражает того, что автор хочет сказать, — означает громадное притупление противоречий капитализма. „Ослабление протекционизма в Англии и Америке“, — говорят нам. Где же тут хотя бы малейшая тенденция к новой эре? Доведенный до крайности протекционизм Америки ослаблен, но протекционизм остался, как остались и привилегии, предпочтительные тарифы английских колоний в пользу Англии. Вспомним, на чем основана смена предыдущей, „мирной“ эпохи капитализма современною империалистической: на том, что свободная конкуренция уступила место монополистическим союзам капиталистов, и на том, что весь земной шар поделен. Ясно, что оба эти факта (и фактора) имеют действительно мировое значение: свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, при чем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т.-е. столь громадных, что они господствуют во всей данной отрасли промышленности, еще не было. Возникновение и рост таких монополистических предприятий (вероятно, этот процесс ни в Англии, ни в Америке не приостановился? Едва ли даже Каутский решится отрицать, что война ускорила и обострила его) делает невозможной прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее, а раздел земного шара заставляет от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за передел колоний и сфер влияния. Смешно и думать, что ослабление протекционизма в двух странах может изменить тут что-либо.

Далее, уменьшение вывоза капитала в двух странах за несколько лет. Эти две страны, Франция и Германия, по статистике, например Хармса, в 1912 году имели капиталов за границей приблизительно на 35 миллиардов марок (около 17 миллиардов рублей) каждая, а Англия одна вдвое больше *). Рост

*) См. Bernhard Harms: „Probleme der Weltwirtschaft“. Jena. 1912 — George Paish: „Great Britains Capital Investments in Colonies etc.“ I „Journal of the Royal Statist. Soc.“, vol. LXXV, 1910 11, p. 167. Ллойд-Джордж в речи в начале 1915 г считал английские капиталы за границей в 4 мд. ф. ст., т.-е. около 80 мд. марок.

вывоза капитала никогда не был и не мог быть при капитализме равномерным. О том, чтобы накопление капитала ослабело, или чтобы емкость внутреннего рынка серьезно изменилась, например, крупным улучшением в положении масс, Каутский не может и заикнуться. При таких условиях из уменьшения вывоза капитала за несколько лет в двух странах выводить наступление новой эры никак не приходится.

„Усиливающееся международное переплетение клик финансового капитала". Это — единственная действительно всеобщая и несомненная тенденция не нескольких лет, не двух стран, а всего мира, всего капитализма. Но почему из нее должно вытекать стремление к разоружению, а не к вооружениям, как до сих пор? Возьмем любую из всемирных „пушечных" (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, например, Армстронга. Недавно английский „Экономист" (от 1 V. 1915) сообщал, что прибыли этой фирмы с 606 тыс. фунтов ст. (ок. 6 миллионов руб.) в 1905 — 6 г. поднялись до 856 в 1913 г. и до 940 (9 миллионов руб.) в 1914 году. Переплетенность финансового капитала здесь очень велика и все возрастает: немецкие капиталисты „участвуют" в делах английской фирмы; английские фирмы строят подводные лодки для Австрии и т. д. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению — значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их.

V.

Каутский говорит об „уроках" войны в совершенно филистерском духе, представляя эти уроки в смысле какого-то морального ужаса перед бедствиями войны. Вот, например, его рассуждение в брошюре „Нац. госуд." и пр.:

„Не подлежит сомнению и не требует доказательств, что есть слои, заинтересованные самым настоятельным образом во всемирном мире и разоружении. Мелкие буржуа и мелкие крестьяне, даже многие капиталисты и интеллигенты не привязаны к империализму такими интересами, которые бы были сильнее вреда, испытываемого этими слоями от войны и вооружений" (стр. 21).

Это написано в феврале 1915 года! Факты говорят о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов, вплоть до мелких буржуа и „интеллигенции“, а Каутский, точно человек в футляре, с необыкновенно самодовольным видом отмахивается от фактов посредством слащавых слов. Он судит об интересах мелкой буржуазии не по ее поведению, а по словам некоторых мелких буржуа, хотя эти слова на каждом шагу опровергаются их делами. Это совершенно то же самое, как если бы об „интересах“ буржуазии вообще мы судили не по ее делам, а по любвеобильным речам буржуазных попов, которые клянутся и божатся, что современный строй пропитан идеалами христианства. Каутский применяет марксизм таким образом, что всякое содержание из него выветривается, и остается лишь словечко „интерес“ в каком-то сверхъестественном, спиритуалистическом значении, ибо имеется в виду не реальная экономика, а невинные пожелания об общем благе.

Марксизм судит об „интересах“ на основании классовых противоречий и классовой борьбы, проявляющихся в миллионах фактов повседневной жизни. Мелкая буржуазия мечтает и болтает о притуплении противоречий, выставляя „доводы“, что обострение их влечет „вредные последствия“. Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5 — 6 „великими“ державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их заинтересованы в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к „великой“ державе и к угнетающей нации *). Нельзя жить по-старому в сравнительно спокойной, культурной, мирной обстановке плавно эволюционирующего и расширяющегося постепенно на новые

*) Э. Шульце сообщает, что к 1915 году считали сумму ценных бумаг во всем мире в 732 миллиарда франков, считая и государственные, и коммунальные займы, и закладные, и акции торгово-промышленных обществ и т. д. Из этой суммы на Англию падало 130 мд. фр., на С. Шт. Америки — 115, на Францию — 100 и на Германию — 75, следовательно, на все эти четыре великие державы 420 мд. фр., т.-е. больше половины всей суммы. Можно судить по этому, как велики выгоды и привилегии передовых великодержавных наций, обогнавших другие народы, угнетающих и грабящих их. (Dr. Emil Schultze: „Das französische Kapital in Russland“ в „Finanz. Archiv“, Brl. 1915, Jahrg. 32, S. 127). „Защита отечества“ великодержавных наций есть защита права на добычу от грабежа чужих наций. В России как известно, слабее капиталистический, но зато сильнее военно-феодальный империализм.

страны капитализма, ибо наступила другая эпоха. Финансовый капитал вытесняет и вытеснит данную страну из ряда великих держав, отнимет ее колонии и ее сферы влияния (как грозит сделать Германия, пошедшая войной на Англию), отнимет от мелкой буржуазии ее „великодержавные" привилегии и побочные доходы. Это — факт, доказываемый войной. К этому привело на деле то обострение противоречий, которое всеми давно признано, и в том числе тем же Каутским в брошюре „Путь к власти".

И вот, когда вооруженная борьба за великодержавные привилегии стала фактом, Каутский начинает уговаривать капиталистов и мелкую буржуазию, что война вещь ужасная, а разоружение вещь хорошая, совершенно так же и с совершенно такими же результатами, как христианский поп с кафедры уговаривает капиталистов, что человеколюбие есть завет бога и влечение души и моральный закон цивилизации. То, что Каутский называет экономическими тенденциями к „ультраимпериализму", на самом деле есть именно мелкобуржуазное уговаривание финансистов не делать зла.

Вывоз капитала? Но капитала вывозится больше в самостоятельные страны, например, в С. Штаты Америки, чем в колонии. Захват колоний? Но они уже все захвачены, и почти все стремятся к освобождению: „Индия может перестать быть английским владением, но она никогда не достанется, как цельная империя, другому чужому господству" (стр. 49 цит. брош.). „Всякое стремление какого-либо промышленного капиталистического государства приобрести себе колониальную империю, достаточную для того, чтобы быть независимым от заграницы в получении сырья, должно было бы объединить против него все другие капиталистические государства, запутать его в бесконечные истощающие войны, не приводя его ближе к своей цели. Эта политика была бы вернейшим путем к банкротству всей хозяйственной жизни государства" (стр. 72—73).

Разве это не филистерское уговаривание финансистов отказаться от империализма? Пугать капиталистов банкротством это все равно, что советовать биржевикам не играть на бирже, ибо „многие теряют так все свое состояние". От банкротства конкурирующего капиталиста и конкурирующей нации капитал выигрывает, концентрируясь еще сильнее; поэтому, чем обостреннее и „теснее" экономическая конкуренция, т.-е. экономическое подталкивание к банкротству, тем сильнее стремление капиталистов добавить к этому военное подталкивание соперн-

ника к банкротству. Чем меньше осталось стран, в которые можно вывозить капитал так выгодно, как в колонии и в зависимые государства, вроде Турции,—ибо в этих случаях финансист берет тройную прибыль по сравнению с вывозом капитала в свободную, самостоятельную и цивилизованную страну, как в С. Штаты Америки,—тем ожесточеннее борьба за подчинение и за раздел Турции, Китая и пр. Так говорит экономическая теория об эпохе финансового капитала и империализма. Так говорят факты. А Каутский превращает все в пошлую мещанскую „мораль“: не стоит-де особенно горячиться, а тем более воевать за раздел Турции или за захват Индии, ибо „все равно не надолго“, да и лучше бы развивать капитализм по-мирному... Разумеется, еще лучше было бы развивать капитализм и расширять рынок путем увеличения заработной платы: это вполне „мыслимо“, и усовещевать финансистов в этом духе—самая подходящая тема для проповеди попа... Добрый Каутский почти совсем убедил и уговорил немецких финансистов что не стоит воевать с Англией из-за колоний, ибо эти колонии все равно очень скоро освободятся!..

Вывоз и ввоз Англии из Египта рос с 1872 по 1912 г. слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. Мораль „марксиста“ Каутского: „мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов“ (стр. 72) „Стремления капитала к расширению“ „лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией“ (стр. 70).

Какой замечательно серьезный, научный, „марксистский“ анализ! Каутский великолепно „поправил“ эту неразумную историю, „доказал“, что англичанам вовсе не надо было отнимать у французов Египта, а немецким финансистам решительно не стоило начинать войны и организовывать турецкий поход вместе с другими мероприятиями для того, чтобы выгнать англичан из Египта! Все это недоразумение, не более того, — не смекнули еще англичане, что „лучше всего“ отказаться от насилия над Египтом и перейти (в интересах расширения вывоза капитала по Каутскому!) к „мирной демократии“...

„Разумеется, это была иллюзия буржуазных фритрэдеров, если они думали, что свобода торговли совсем устраняет порождаемые капитализмом экономические противоречия. Ни свободная торговля, ни демократия устранить их не могут. Но мы во всех отношениях заинтересованы в том, чтобы эти

противоречия изживались борьбой в таких формах, которые налагают на трудящиеся массы меньше всего страданий и жертв" (стр. 73)...

Подай, господи! Господи, помилуй! Что такое филистер? — спрашивал Лассаль [114] — и отвечал известным изречением поэта: „филистер есть пустая кишка, полная страха и надежды, что бог сжалится".

Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа. Поп уговаривает капиталистов перейти к мирной демократии — и называет это диалектикой: если вначале была свободная торговля, а потом монополии и империализм, то отчего бы не быть „ультраимпериализму" и опять свободной торговле? Поп утешает угнетенные массы, разрисовывая блага этого „ультраимпериализма", хотя этот поп не берется даже сказать, „осуществим" ли такой! Справедливо указывал Фейербах защищавшим религию тем доводом, что она утешает человека, на реакционное значение утешений: кто утешает раба вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам.

Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функци попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за „осуществимость" таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность. Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контр-революционную теорию, в самую грязную поповщину.

В 1909 году в брошюре „Путь к власти" он признает — никем не опровергнутое и неопровержимое — обострение противоречий капитализма, приближение эпохи войн и революций, нового „революционного периода". Не может быть, — заявляет он — „преждевременной" революции, и объявляет „прямой изменой нашему делу" отказ считаться с возможностью победы при восстании, хотя перед борьбой нельзя отрицать и возможного поражения.

Пришла война. Еще более обострились противоречия. Бедствия масс достигли гигантских размеров. Война затягивается, и после ее все расширяется. Каутский пишет брошюру

за брошюрой, покорно следует велениям цензора, не приводит данных о грабеже земель и ужасах войны, о скандальных прибылях военных поставщиков, о дороговизне, о военном „рабстве“ мобилизованных рабочих, но зато утешает и утешает пролетариат — утешает примерами тех войн, когда буржуазия была революционна или прогрессивна, когда „сам Маркс“ желал победы той или другой буржуазии, утешает рядами и столбцами цифр, доказывающих „возможность“ капитализма без колоний и без грабежа, без войн и вооружений, доказывающих предпочтительность „мирной демократии“. Не смея отрицать обострения бедствий масс и наступления на деле, перед нашими глазами революционной ситуации (говорить об этом нельзя! цензура не разрешает...), Каутский лакействует перед буржуазией и перед оппортунистами, рисуя „перспективу“ (за „осуществимость“ ее он не ручается) таких форм борьбы в новой фазе, когда будет „меньше жертв и страданий“... Вполне правы Фр. Мерінг и Роза Люксембург, называющие Каутского за это проституткой (Mädchen für alle).

* * *

В августе 1905 г. в России была на-лицо революционная ситуация. Царь обещал Булыгинскую Думу [115]), чтобы „утешить“ волнующиеся массы. Булыгинский законосовещательный режим можно бы назвать „ультрасамодержавием“, если можно назвать „ультраимпериализмом“ отказ финансистов от вооружений и соглашение между ними о „длительном мире“. Допустим на минуту, что завтра сотня крупнейших финансистов мира, „переплетенных“ в сотнях колоссальных предприятий, обещают народам стоять за разоружение после войны (мы делаем на минуту такое допущение, чтобы проследить политические выводы из глупенькой теории Каутского). Даже тогда было бы прямой изменой пролетариту отсоветовать ему революционные действия, без которых все посулы, все добрые перспективы — один мираж.

Война принесла классу капиталистов не только гигантские прибыли и великолепные перспективы новых грабежей (Турция, Китай и пр.), новых миллиардных заказов, новых займов на условии повышения процентов. Мало того. Она принесла классу капиталистов еще большие политические выгоды, расколов и развратив пролетариат. Каутский помогает этому развращению, освящает этот интернациональный раскол борющихся проле-

тариев во имя единства с оппортунистами „своей“ нации, Зюдекумами! И находятся люди, которые не понимают, что лозунг единства старых партий означает „единство“ национального пролетариата со своей национальной буржуазией и раскол пролетариата разных наций...

VI.

Предыдущие строки были уже написаны, когда вышел в свет № „Neue Zeit“ от 28 мая (№ 9) с заключительным рассуждением Каутского о „крахе социал-демократии“ (§ 7 его возражения Кунову). Все старые и один новый софизм в защиту социал-шовинизма Каутский свел и подытожил сам следующим образом:

„Это просто неправда, будто война чисто-империалистская, будто альтернатива при наступлении войны стояла так: империализм или социализм, будто социалистические партии и пролетарские массы Германии, Франции, во многих отношениях также Англии без размышления, по одному только призыву горстки парламентариев бросились в объятия империализма, предали социализм и вызвали таким образом беспримернейший во всей истории крах“.

Новый софизм и новый обман рабочих: война, изволите видеть, не „чисто“-империалистская!

По вопросу о характере и значении современной войны Каутский колеблется поразительно, при чем все время точные и формальные заявления Базельского и Хемницкого съездов обходятся сим партийным вождем так же осторожно, как вор обходит место своей последней кражи. В брошюре о „Нац. государстве и т. д.“, писанной в феврале 1915 г., Каутский утверждал, что война „все же в последнем счете империалистская“ (стр. 64). Теперь вносится новая оговорка: не чисто-империалистская,—а какая же еще?

Оказывается, — еще национальная! Каутский договорился до этой вопиющей вещи посредством вот какой „плехановской“ тоже диалектики:

„Теперешняя война — детище не только империализма, но и русской революции“. Он, Каутский, еще в 1904 году предвидел, что русская революция возродит панславизм в новой форме, что „демократическая Россия неизбежно должна сильно разжечь стремление австрийских и турецких славян к достижению национальной независимости... Тогда и польский во-

прос станет острым... Австрия тогда развалится, ибо с крахом царизма распадется тот же железный обруч, который связывает ныне стремящиеся прочь друг от друга элементы" (последняя цитата приводится теперь самим Каутским из его статьи 1904 года)... „Русская революция... дала новый могучий толчок национальным стремлениям Востока, прибавила к европейским проблемам азиатские. Все эти проблемы во время теперешней войны бурно заявляют о себе и приобретают сугубо решающее значение для настроения народных масс, в том числе и пролетарских, тогда как в господствующих классах преобладают империалистские тенденции" (стр. 273; курсив наш).

Вот вам еще образчик проституирования марксизма! Так как „демократическая Россия" разожгла бы стремление наций на востоке Европы к свободе (это неоспоримо), поэтому теперешняя война, которая ни одной нации не освобождает, а при всяком исходе многие нации порабощает, не есть „чисто"-империалистская война. Так как „крах царизма" означал бы распад Австрии в силу недомократичности ее национального строения, поэтому временно окрепший контр-революционный царизм, грабя Австрию и неся еще большее угнетение нациям Австрии, придал „теперешней войне" не чисто-империалистский, а в известной мере национальный характер. Так как „господствующие классы" надувают тупых мещан и забитых крестьян сказками о национальных целях империалистской войны, поэтому человек науки, авторитет „марксизма", представитель II Интернационала вправе примирять массы с этим надувательством посредством „формулы": у господствующих классов империалистские тенденции, а у „народа" и у пролетарских масс „национальные" стремления.

Диалектика превращается в самую подлую, самую низменную софистику!

Национальный элемент в теперешней войне представлен только войной Сербии против Австрии (что отмечено, между прочим, резолюцией Бернского совещания нашей партии [116]). Только в Сербии и среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы „национальных масс" охватывающее национально-освободительное движение, „продолжением" которого является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т.-е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и пр., тогда все социалисты обязаны были бы желать успеха сербской буржуазии,—это единственно

правильный и абсолютно необходимый вывод из национального момента в теперешней войне. Но софист Каутский, находящийся ныне в услужении у австрийских буржуа, клерикалов и генералов, этого вывода как раз и не делает!

Далее. Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, то-есть однобокое и уродливо-искаженное, рассмотрение предмета. Национальный момент сербско-австрийской войны никакого серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь. Если победит Германия, она задушит Бельгию, еще часть Польши, может быть, часть Франции и пр. Если победит Россия она задушит Галицию, еще часть Польши, Армению и т. д. Если будет „ничья", останется старое национальное угнетение. Для Сербии, то-есть какой-нибудь сотой доли участников теперешней войны, война является „продолжением политики" буржуазно-освободительного движения. Для $^{99}/_{100}$ война есть продолжение политики империалистской, т.-е. одряхлевшей буржуазии, способной на растление, но не на освобождение наций. Тройственное согласие „освобождая" Сербию, продает интересы сербской свободы итальянскому империализму за помощь в грабеже Австрии.

Все это общеизвестно и все это бессовестно извращено Каутским ради оправдания оппортунистов. „Чистых" явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может,—об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может „чистого" капитализма, а всегда есть примеси, то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь. Поэтому вспоминать о том, что война не „чисто"-империалистическая, когда речь идет о вопиющем обмане „народных масс" империалистами, заведомо прикрывающими цели голого грабежа „национальной" фразеологией, — значит быть бесконечно тупым педантом или крючкотвором и обманщиком. Вся суть дела именно в том, что Каутский поддерживает обман народа империалистами, когда говорит, что „для народных масс, и пролетарских в том числе, решающее значение имели национальные проблемы", *а* для господствующих классов „империалистические тенденции" (стр. 273), и когда „подкрепляет" это, якобы, диалектической ссылкой на „бесконечно разнообразную действительность" (стр. 274). Несомненно, действительность бесконечно разнообразна, это — святая истина!

Но так же несомненно, что в этом бесконечном разнообразии две главные и коренные струи: объективное содержание войны есть „продолжение политики“ империализма, то-есть, грабежа одряхлевшею буржуазиею „великих держав“ (и их правительствами) чужих наций, „субъективная“ же преобладающая идеология есть „национальные“ фразы, распространяемые для одурачения масс.

Старый софизм Каутского, повторяемый им снова, будто „левые“ изображали дело так, что альтернатива стояла „при наступлении войны“: империализм или социализм, мы уже разбирали. Это — бесстыдная передержка, ибо Каутский прекрасно знает, что левые ставили иную альтернативу: присоединение партии к империалистскому грабежу и обману или проповедь и подготовка революционных действий. Каутский знает также, что только цензура защищает его от разоблачения „левыми“ в Германии вздорной сказки, распространяемой им из лакейства перед Зюдекумами.

Что же касается до отношения между „пролетарскими массами“ и „горсткой парламентариев“, то здесь Каутский выдвигает одно из самых избитых возражений:

„Оставим в стороне немцев, чтобы не защищать самих себя, но кто захотел бы серьезно утверждать, что такие люди, как Вальян и Гэд, Гайндман и Плеханов, в один день сделались империалистами и предали социализм? Оставим в стороне парламентариев и „инстанции“... (Каутский намекает явно на журнал Розы Люксембург и Фр. Меринга „Интернационал“, где осыпают заслуженным презрением политику инстанций, т.-е. официальных верхов германской с.-д. партии, ее Ц К. — „форштанда“, ее парламентской фракции и т. д.) — ... „но кто решится утверждать, что для 4-х миллионов сознательных немецких пролетариев достаточно одного приказа горстки парламентариев, чтобы в 24 часа повернуть направо кругом, прямо против своих прежних целей? Если бы это было верно, тогда это свидетельствовало бы, конечно, об ужасном крахе, но не только нашей партии, а и массы. (Курсив К.). Если бы масса была таким бесхарактерным стадом овец, тогда мы могли бы дать себя похоронить“ (стр. 274).

Политически и научно авторитетнейший Карл Каутский уже похоронил себя своим поведением и подбором жалких увертoк. Кто не понимает, или, по крайней мере, не чувствует этого, тот безнадежен в отношении социализма, и именно поэтому единственно правильный тон взяли в „Интернационале“ Меринг,

Роза Люксембург и их сторонники, третируя Каутского и К° как самых презренных субъектов.

Подумайте только: об отношении к войне могли высказаться сколько-нибудь свободно (т.-е. не будучи прямо схвачены и отведены в казарму, не стоя пред непосредственнейшей угрозой расстрела) исключительно „горстка парламентариев“ (они голосовали свободно, по праву, они вполне могли голосовать против — за это даже в России не били, не громили, даже не арестовывали), горстка чиновников, журналистов и т. д. Теперь Каутский благородно сваливает на массы измену и бесхарактерность этого общественного слоя, о связи которого с тактикой и идеологией оппортунизма тот же самый Каутский писал десятки раз в течение ряда лет! Самое первое и основное правило научного исследования вообще, марксовой диалектики в особенности требует от писателя рассмотрения связи теперешней борьбы направлений в социализме, — того направления, которое говорит и кричит об измене, бьет в набат по поводу нее, и того, которое измены не видит, — с той борьбой, которая шла перед этим целые десятилетия. Каутский и не заикается об этом, не хочет даже поставить вопроса о направлениях и течениях. До сих пор были течения, теперь их более нет! Теперь есть только громкие имена „авторитетов“, которыми всегда и козыряют лакейские души. Особенно удобно при этом ссылаться друг на друга и приятельски покрывать свои „грешки“ по правилу: рука руку моет. „Ну какой же это оппортунизм, — восклицал Л. Мартов на реферате в Берне (см. № 36 „С.-Д.“), когда... Гэд, Плеханов, Каутский“! „Надо быть поосторожнее с обвинением в оппортунизме таких людей, как Гэд“, — писал Аксельрод („Голос“ № 86 и 87). Не буду защищать себя, вторит в Берлине Каутский, но... Вальян и Гэд, Гайндман и Плеханов! Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

В пылу лакейского усердия Каутский дописался до того, что даже у Гайндмана поцеловал ручку, изобразив его только день тому назад ставшим на сторону империализма. А в том же „Neue Zeit“ и в десятках с.-д. газет всего мира об империализме Гайндмана писали уже много лет! Если бы Каутский интересовался добросовестно политической биографией названных им лиц, он должен бы припомнить, не было ли в этой биографии таких черточек и событий, которые не „в один день“, а в десяток лет подготовляли переход к империализму, не бывал ли Вальян в плену у жоресистов, а Плеханов у мень-

шевиков и ликвидаторов? Не умирало ли у всех на глазах направление Гэда в образцово-безжизненном, бездарном, неспособном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гэдистском журнале „Социализм“? Не проявлял ли Каутской (добавим для тех, кто и его ставит — вполне справедливо — рядом с Гайндманом и Плехановым) бесхарактерности в вопросе о мильеранизме в начале борьбы с бернштейниадой и т. д.?

Но ни малейшей даже тени интереса к научному исследованию биографии данных вождей мы не видим. Нет и попытки рассмотреть, своими ли доводами защищают теперь себя эти вожди, или повторением доводов оппортунистов и буржуа? Приобрели ли серьезное политическое значение поступки этих вождей вследствие их особой влиятельности или вследствие того, что они присоединились к чужому действительно „влиятельному“ и поддержанному военной организацией течению, именно буржуазному? У Каутского нет даже приступа к исследованию вопроса; он заботится только о том, чтобы пустить пыль в глаза массам, оглушить их звоном авторитетных имен, помешать им ясно поставить спорный вопрос и всесторонне разобрать его *).

„... Четырех-миллионная масса по приказу горстки парламентариев повернула направо кругом“...

Тут что ни слово, то неправда. В партийной организации у немцев было не 4, а 1 миллион, при чем единую волю этой организации масс (как и всякой организации) выражал только ее единый политический центр, „горстка“, которая предала социализм. Эту горстку спрашивали, призывали голосовать, она могла голосовать, могла писать статьи и т. д. Массы же не были опрошены. Им не только не позволяли голосовать, их разъединяли и гнали „по приказу“ вовсе не горстки парламентариев, а по приказу военных властей. Военная организация была на-лицо, в ней измены вождей не было, она призывала

*) Ссылка Каутского на Вальяна и Гада, Гайндмана и Плеханова характерна еще в одном отношении. Откровенные империалисты, вроде Ленча и Гениша (не говоря уже об оппортунистах), ссылаются именно на Гайндмана и Плеханова в оправдание своей политики. И они вправе ссылаться на них, они говорят правду в том отношении, что это действительно одна и та же политика. Каутский же с пренебрежением говорит о Ленче и Генише, этих радикалах, повернувших к империализму. Каутский благодарит бога, что он не похож на этих мытарей, что он несогласен с ними, что он остался революционером, — не шутите! А на деле позиция Каутского такая же. Лицемерный шовинист Каутский с слащавыми фразами гораздо омерзительнее простоватых шовинистов Давида и Гейне, Ленча и Гениша.

„массу“ поодиночке, ставя ультиматум: или в войско (по совету твоих вождей), или расстрел. Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в „горстке“ Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания новой организации нужно время, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию.

Каутский старается побить своих противников, левых, приписывая им бессмыслицу: будто бы они ставят вопрос так, что „в ответ“ на войну „массы“ должны были „в 24 часа“ сделать революцию, ввести „социализм“ против империализма, иначе „массы“ проявили бы „бесхарактерность и измену“. Ведь, это же просто вздор, которым до сих пор „побивали“ революционеров составители безграмотных буржуазных и полицейских книжонок и которым теперь щеголяет Каутский. Левые противники Каутского отлично знают, что революцию нельзя „сделать“, что революции вырастают из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории, что массы без организации лишены единой воли, что борьба с сильной террористической военной организацией централизованных государств — трудное и длительное дело. Массы не могли при измене их вождей в критическую минуту сделать ничего; а „горстки“ этих вождей вполне могли и должны были голосовать против кредитов, выступать против „гражданского мира“ и оправдания войны, высказываться за поражение своих правительств, налаживать международный аппарат для пропаганды братанья в траншеях, организовывать нелегальную литературу *), проповедующую необходимость перехода к революционным действиям, и т. д.

Каутский превосходно знает, что „левые“ в Германии имеют в виду именно такие, или, вернее, подобные, действия, и что прямо и открыто говорить о них они при военной цензуре не в состоянии. Желание во что бы то ни стало защитить оппортунистов доводит Каутского до беспримерной подлости,

*) Между прочим. Для этого вовсе не обязательно было закрыть все с.-д. газеты в ответ на запрещение писать о классовой ненависти и классовой борьбе. Согласиться на условие не писать об этом, как сделал „Vorwärts“, было подлостью и трусостью. „Vorwärts“ политически умер, сделав это. Л. Мартов был прав, когда заявил это. Но можно бы сохранить легальные газеты, заявив, что они не партийные и не с.-д.-ческие, а просто обслуживающие технические нужды части рабочих, т.-е. не политические газеты. Нелегальная с.-д. литература с оценкой войны и легальная рабочая без такой оценки, не говорящая неправды, но молчащая о правде,— почему бы это было невозможно?

когда, прячась за спину военных цензоров, он приписывает левым явный вздор в уверенности, что цензора защитят его от разоблачения.

VII.

Серьезный научный и политический вопрос, который Каутский сознательно, путем всяческих уловок, обходил, доставляя этим громадное удовольствие оппортунистам, состоит в том, как м о г л и виднейшие представители II Интернационала изменить социализму?

Вопрос этот мы должны ставить, разумеется, не в смысле личной биографии таких-то авторитетов. Будущие их биографы должны будут разобрать дело и с этой стороны, но социалистическое движение заинтересовано сейчас вовсе не в этом, а в изучении исторического происхождения, условий значения и силы социал-шовинистского т е ч е н и я. 1) Откуда взялся социал-шовинизм? 2) Что дало ему силу? 3) Как с ним бороться? Только такая постановка вопроса серьезна, а перенесение дела на „личности“ означает на практике простую увертку, уловку софиста.

Для ответа на первый вопрос надо рассмотреть, во-1-х, не стоит ли идейно-политическое содержание социал-шовинизма в с в я з и с каким-либо прежним течением в социализме? Во-2-х, в каком отношении находится с точки зрения фактических политических делений, теперешнее деление социалистов на противников и защитников социал-шовинизма к прежним, исторически предшествующим делениям?

Под социал-шовинизмом мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистской войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительствами „своих“ стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против „своей“ буржуазии и т. д. Совершенно очевидно, что основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это — о д н о и т о ж е течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914—1915 года и дает социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею, присоединяя притом к обычным факторам и стимулам ее целый ряд экстраординарных, принуждая обывательскую и раздробленную массу к сотрудничеству с буржуазией особыми угрозами и насилием; это обстоятельство, естественно, увеличивает круг сторонников оппортунизма, вполне объясняя переметывание многих вчерашних радикалов в этот лагерь.

Оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных интересов массы, или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих „обуржуазивало“ их, давало им крохи от прибылей своего, национального, капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы. Империалистская война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за привилегии великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение „высшего слоя“ мещан или аристократии (и бюрократии) рабочего класса — вот естественное продолжение мелкобуржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-империализма наших дней*). И, разумеется, сила привычки, рутина сравнительно

*) Несколько примеров того, как империалисты и буржуа высоко ценят значение „великодержавных“ и национальных привилегий для раскалывания рабочих и отвлечения их от социализма. Английский империалист Люкас в сочинении „Великий Рим и Великая Британия“ (Оксфорд, 1912) признает неполноправие краснокожих в современной Британской империи (стр. 96 — 97) и замечает: „В нашей империи, когда белые рабочие работают рядом с краснокожими, они работают не как товарищи, а белый рабочий является скорей надсмотрщиком краснокожего“ (98).—Эрвин Бельгер, бывший секретарь имперского союза против с.-д., в брошюре „С.-д. после войны“ (1915) хвалит повеление с.-д., заявляя, что они должны стать „чисто-рабочей партией“ (43) „национальной“, „немецкой рабочей партией“ (45), без „интернациональных, утопических“, „революционных идей“ (44). — Немецкий империалист Сарторпус фон-Вальтерсхаузен в сочинении о помещении капитала за границей (1907) порицает немецких с.-д. за игнорирование „национального блага“ (438), состоящего в захвате колоний, и хвалит английских рабочих за их „реализм“, напр., за их борьбу против иммиграции. Немецкий дипломат Рюдорфер в книге об основах мировой политики подчеркивает общеизвестный факт, что интернационализация капитала нисколько не устраняет обостренной борьбы национальных капиталов за власть, влияние за „большинство акций“ (161), и отмечает, что эта обостренная борьба втягивает рабочих (175). Книга помечена октябрем 1913 г., и автор с полнейшей ясностью говорит об „интересах капитала“ (157), как причине современных войн, о том, что вопрос о „национальной тенденции“ становится „гвоздем“ социализма (176), что правительствам нечего бояться интернационалистских манифестаций с.-д. (177), которые на деле становятся все национальнее (103, 110, 176). Международный социализм победит, если вырвет рабочих из-под влияния национальности, ибо одним насилием ничего не сделаешь, но он потерпит поражение, если национальное чувство возьмет верх (173, 174).

„мирной“ эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них—все это играло роль добавочных обстоятельств, усиливающих и оппортунизм, и лицемерное и трусливое примирение с ним, якобы, только на-время, якобы, только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, слила, так-сказать, с основным потоком оппортунизма много новых ручейков и струй, но основной поток не исчез. Напротив.

Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва п о п р е ж н е м у внутри социалистических партий стало невозможным.

Люди, не хотящие видеть самой тесной и неразрывной связи социал-шовинизма с оппортунизмом, ловят отдельные случаи и „казусы“ — такой-то, де, оппортунист стал интернационалистом, а такой-то радикал шовинистом. Но это — прямотаки несерьезный довод в вопросе о развитии т е ч е н и й. Во-1-х, экономическая основа шовинизма и оппортунизма в рабочем движении одна и та же: союз немногочисленных верхних слоев пролетариата и мещанства, пользующихся крохами от привилегий „своего“ национального капитала, против массы пролетариев, массы трудящихся и угнетенных вообще. Во-2-х, идейно-политическое содержание обоих течений одно и то же. В-3-х, в общем и целом старое, свойственное эпохе II Интернационала (1889 — 1914) деление социалистов на течение оппортунистическое и революционное с о о т в е т с т в у е т новому делению на шовинистов и интернационалистов.

Чтобы убедиться в верности этого последнего положения, надо помнить правило, что в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о м а с с о в ы х явлениях, а не об единичных случаях. Возьмите 10 европейских стран: Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Францию, Бельгию. В 8 первых странах новое деление социалистов (по интернационализму) соответствует старому (по оппортунизму): в Германии крепость оппортунизма — журнал „Соц. Ежемесячник“ (Soz. Monatshefte) стал крепостью шовинизма. Идеи интернационализма поддержаны крайними левыми. В Англии в Брит. Соц. Партии[117]) около $^3/_7$ интернационалистов (66 голосов за интернац. резолюцию против 84, по последним подсчетам), а в б л о к е оппортунистов (Рабочая Партия[118])

+фабианцы[119])+Независимая Раб. Партия[120]) менее 1/7 интернационалистов*). В России основное ядро оппортунистов — ликвидаторская „Наша Заря“ стала основным ядром шовинистов. Плеханов с Алексинским более шумят, но мы знаем, хотя бы по опыту пятилетия 1910 — 1914, что они неспособны вести систематическую пропаганду в массах в России. Основное ядро интернационалистов в России — „правдизм“[121]) и Росс. С.-Д. Рабочая фракция, как представитель передовых рабочих, воссоздавших партию в январе 1912 года.

В Италии партия Биссолати и К°, чисто-оппортунистическая, стала шовинистской. Интернационализм представлен рабочей партией. Массы рабочих за эту партию; оппортунисты, парламентарии, мелкие буржуа за шовинизм. В Италии можно было в течение ряда месяцев свободно делать выбор, и выбор сделан был не случайно, а сообразно с различием классового положения массовика-пролетария и мелкобуржуазных слоев.

В Голландии оппортунистическая партия Трульстры мирится с шовинизмом вообще (не надо давать себя в обман тем, что в Голландии мелкие буржуа, как и крупные, особенно ненавидят Германию, способную скорее всего „проглотить“ их). Последовательных, искренних, горячих, убежденных интернационалистов дала марксистская партия с Гортером[122]) и Паннекуком во главе. В Швеции оппортунистский вождь Брантинг[123]) возмущается обвинением немецких социалистов в измене, а вождь левых Хёглунд[124]) заявляет, что среди его сторонников есть люди, которые именно так смотрят (см. „С.-Д.“ № 36). В Болгарии противники оппортунизма, „тесняки“[125]), печатно обвиняют германских с.-д. в своем органе, „Новом Времени“, в „сотворении пакости“. В Швейцарии сторонники оппортуниста Грейлиха[126]) склонны оправдывать немецких с.-д. (см. их орган, цюрихское „Народное Право“), а сторонники гораздо более радикального Р. Гримма[127]) создали из бернской газеты („Berner Tagwacht“) орган немецких левых. Исключением являются только две страны из 10, Франция и Бельгия, при чем и здесь мы наблюдаем собственно не отсутствие интернационалистов, а чрезмерную (отчасти по причинам вполне

*) Обычно сравнивают одну „Незав. Р. П.“ с „Брит. С. П.“. Это неправильно. Надо брать не организационные формы, а суть дела. Возьмите ежедневные газеты: их было две — одна („Daily Herald“) у „Брит. С. П.“, другая („Daily Citizen“)—у блока оппортунистов. Ежедневные газеты выражают фактическую работу пропаганды, агитации, организации.

понятным) слабость и придавленность их; не забудем, что сам Вальян признавался в L'Humanité в получении им от своих читателей писем ин ернационалистского направления, из коих он ни одного не напечатал полностью!

В общем и целом, если брать течения и направления, нельзя не признать, что именно оппортунистическое крыло европейского социализма предало социализм и ушло к шовинизму. Откуда взялась его сила, его кажущееся всесилие в официальных партиях? Каутский, который очень хорошо умеет ставить исторические вопросы, особенно, когда речь идет о древнем Риме и тому подобных, не слишком близких к живой жизни материях, теперь, когда дело коснулось его самого, лицемерно прикидывается, будто не понимает этого. Но дело яснее ясного. Гигантскую силу оппортунистам и шовинистам дал их союз с буржуазией, правительствами и генеральными штабами. У нас, в России, очень часто забывают об этом и смотрят на дело так, что оппортунисты — часть социалистических партий, что всегда были и будут два крайние крыла в этих партиях, что все дело в избежании „крайностей“ и т. д., и т. п., как пишут во всех филистерских прописях.

В действительности формальная принадлежность оппортунистов к рабочим партиям нисколько не устраняет того, что они являются — объективно — политическим отрядом буржуазии, проводниками ее влияния, агентами ее в рабочем движении. Когда геростратовски знаменитый оппортунист Зюдекум наглядно продемонстрировал эту социальную, классовую истину, многие добрые люди ахнули. Французские соцпалисты и Плеханов стали показывать пальцами на Зюдекума, хотя стоило бы Вандервельду, Самба и Плеханову взглянуть в зеркало, чтобы увидать именно Зюдекума, с чуточку иным национальным обличьем. Немецкие цекисты („форштанд“), которые хвалят Каутского и которых хвалит Каутский, поспешили осторожно, скромно и вежливо заявить (не называя Зюдекума), что они „несогласны“ с линией Зюдекума.

Это смешно, ибо на деле в практической политике германской с-д. партии один Зюдекум оказался в решающий момент сильнее сотни Гаазе и Каутских (как одна „Наша Заря“ сильнее всех течений брюссельского блока, боящихся раскола с нею).

Почему? Да именно потому, что за спиной Зюдекума стоит буржуазия, правительство и генеральный штаб великой державы. Политику Зюдекума они поддерживают тысячами

способов, а политику его противников пресекают всеми средствами, вплоть до тюрьмы и расстрела. Голос Зюдекума разносится буржуазной печатью в миллионах экземпляров газет (как и голос Вандервельде, Самба, Плеханова), а голоса его противников **нельзя** услышать в легальной печати, ибо на свете есть военная цензура!

Все соглашаются, что оппортунизм — не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи. Но не все вдумываются в значение этой истины. Оппортунизм выращен легализмом. Рабочие партии эпохи 1889 — 1914 годов должны были использовать буржуазную легальность. Когда наступил кризис, надо было перейти к нелегальной работе (а такой переход невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью, соединенными с целым рядом военных хитростей). Чтобы помешать этому переходу, достаточно **одного** Зюдекума, ибо за него весь „старый мир", говоря историко-философски, — ибо он, Зюдекум, всегда выдавал и всегда выдаст буржуазии все военные планы ее классового врага, говоря практически-политически.

Это факт, что вся немецкая с.-д. партия (и то же относится к французам *и т. д.*) делает **только** то, что приятно Зюдекуму, или что может быть терпимо Зюдекумом. Ничего иного **нельзя** делать легально. Все, что делается **честного**, действительно социалистического, в германской с.-д. партии, делается **против** ее центров, в **обход** ее Ц.К. и ее Ц.О., делается **с нарушением** организационной дисциплины, делается **фракционно** от имени анонимных новых центров новой партии, как анонимно, напр., воззвание немецких „левых", напечатанное в „Berner Tagwacht" от 31 мая т. г. Фактически растет, крепнет, организуется **новая** партия, действительно рабочая, действительно революционно-социал-демократическая, а не старая, гнилая, национал-либеральная партия Легина-Зюдекума-Каутского-Гаазе-Шейдемана и К° *).

Поэтому такую глубокую историческую правду выболтал нечаянно оппортунист Monitor в консервативном „Прусском

*) Крайне характерно то, что произошло перед историческим голосованием 4-го августа. Официальная партия набросила на это покрывало казенного лицемерия: большинство решило и все голосовали, как один человек, за. Но Штребель в журнале „Die Internationale" разоблачил лицемерие и рассказал правду. В с.-д. фракции было **две** группы, пришедшие с готовым **ультиматумом**, т.-е. с фракционным, т.-е. с раскольническим реше-

Ежегоднике", когда заявил, что оппортунистам (читай: буржуазии) вредно было бы, если бы теперешняя с.-д. поправела, — ибо тогда рабочие ушли бы от нее. Оппортунистам (и буржуазии) нужна именно теперешняя партия, соединяющая правое и левое крыло, официально представляемая Каутским, который все на свете сумеет примирить гладкими и „совсем-марксистскими" фразами. На словах социализм и революционность — для народа, для массы, для рабочих; на деле — зюдекумовщина, т.-е. присоединение к буржуазии в момент всякого серьезного кризиса. Мы говорим: всякого кризиса, ибо не только по случаю войны, но и по случаю всякой серьезной политической стачки и „феодальная" Германия, и „свободно парламентарная" Англия или Франция немедленно введут, под тем или иным названием, военные положения. В этом не может сомневаться ни один человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти.

Отсюда вытекает ответ на поставленный выше вопрос: как бороться с социал-шовинизмом? Социал-шовинизм есть оппортунизм, настолько созревший, настолько окрепнувший и обнаглевший за длинную эпоху сравнительно „мирного" капитализма, настолько определившийся идейно-политически, настолько тесно сблизившийся с буржуазией и правительствами, что нельзя мириться с нахождением такого течения внутри с.-д. рабочих партий. Если можно еще мириться с тонкими и слабыми подошвами, когда ходить приходится по культурным тротуарам маленького провинциального города, то нельзя обойтись без толстых и подбитых гвоздями подошв, идя в горы. Социализм в Европе вышел из стадии сравнительно мирной и ограниченной тесными национальными пределами. Он вошел с войной 1914 — 1915 г.г. в стадию революционных действий, и полный разрыв с оппортунизмом, изгнание его из рабочих партий назрели безусловно.

Разумеется, из этого определения задач, которые ставит перед социализмом новая эпоха его мирового развития, не вытекает еще непосредственно, с какой именно быстротой и в каких именно формах пойдет в отдельных странах процесс

нием. Одна группа, оппортунистов, около 30 человек, решила во всяком случае голосовать за; другая, левая, около 15 человек, решила, менее твердо, голосовать против. Когда не имеющий никакой твердой позиции „центр" или „болото" голоснул с оппортунистами, левые оказались разбитыми наголов, и... подчинились! „Единство" германской с.-д. есть сплошное лицемерие, прикрывающее фактически неизбежное подчинение ультиматумам оппортунистов.

отделения рабочих революционно-с.-д. партий от мелкобуржуазно-оппортунистических. Но отсюда вытекает необходимость ясно сознать, что такое отделение неизбежно, и именно под этим углом зрения направлять всю политику рабочей партии. Война 1914 — 1915 г.г. есть такой великий перелом истории, что отношение к оппортунизму не может остаться старым. Нельзя сделать небывшим того, что было, нельзя вычеркнуть ни из сознания рабочих, ни из опыта буржуазии, ни из политических приобретений нашей эпохи вообще того факта, что оппортунисты в момент кризиса оказались ядром тех элементов внутри рабочих партий, которые перешли на сторону буржуазии. Оппортунизм — если говорить в общеевропейском масштабе — был, так-сказать, в юношеском состоянии до войны. С войной он окончательно возмужал, и его нельзя сделать опять „невинным“ и юным: Созрел целый общественный строй парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, который сроссся со своей национальной буржуазией, и которого вполне сумела оценить и „приспособить“ эта буржуазия. Ни повернуть назад, ни остановить колеса истории нельзя,— можно и должно безбоязненно итти вперед, от приготовительных, легальных, плененных оппортунизмом, организаций рабочего класса к революционным, умеющим не ограничиваться легальностью, способным обезопасить себя от оппортунистской измены, организациям пролетариата, вступающего в „борьбу за власть“, в борьбу за свержение буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неправильно смотрят на дело те, кто ослепляет свое сознание и сознание рабочих вопросом, как быть с такими-то виднейшими авторитетами II Интернационала, с Гэдом, Плехановым, Каутским и т. д. В действительности тут нет никакого вопроса: если эти лица не поймут новых задач, им придется остаться в стороне или пребывать в плену у оппортунистов, в каком они находятся в данное время. Если эти лица освободятся из „плена“, едва ли встретятся политические препятствия к их возвращению в лагерь революционеров. Во всяком случае, нелепо заменять вопрос о борьбе течений и смене эпох рабочего движения вопросом о роли отдельных лиц.

VIII.

Легальные массовые организации рабочего класса являются едва ли не важнейшим отличительным признаком социалистических партий эпохи II Интернационала. В германской партии они были всего сильнее, и здесь война 1914—1915 г.г. создала перелом всего более острый, поставила вопрос всего более ребром. Ясно, что переход к революционным действиям означал роспуск легальных организаций полицией, и старая партия, от Легина до Каутского включительно, принесла в жертву революционные цели пролетариата сохранению теперешних легальных организаций. Сколько бы ни отрицали этого, факт на-лицо. За чечевичнук похлебку теперешним полицейским законом разрешенных организаций продали право пролетариата на революцию.

Возьмите брошюру Карла Легина, вождя, с.-д. профессиональных союзов Германии. „Почему чиновники профсоюзов должны принимать больше участия во внутренней жизни партии?“ (Берл. 1915). Это—доклад, прочитанный автором 27 января 1915 г. пред собранием чиновников профессионального движения. Легин прочитал в своем докладе и перепечатал в брошюре один интереснейший документ, который иначе никогда не пропустила бы военная цензура. Этот документ — так называемый „материал для референтов округа Нидербарним“ (предместья Берлина) — есть изложение взглядов левых немецких с.-д., их протест против партии. Революционные с.д. — говорится в этом документе — не предвидели и не могли предвидеть одного фактора, именно:

„Что вся организованная сила германской с.-д. партии и профсоюзов встала на сторону ведущего войну правительства, вся эта сила была употреблена в целях подавления революционной энергии масс“ (стр. 34 брошюры Легина).

Это — безусловная правда. Правда и следующее утверждение того же документа:

„Голосование с.-д. фракции 4-го августа означало, что другой взгляд, даже если бы он глубоко корениился в массах, мог бы проложить себе дорогу только не под руководством испытанной партии, а лишь против воли партийных инстанций, лишь под условием преодоления сопротивления партии и профсоюзов“ (там же).

Это — безусловная истина.

„Если бы с.-д. фракция 4-го августа выполнила свой долг, тогда, вероятно, внешняя форма организации была бы уничто-

жена, но дух остался бы, тот дух, который одушевлял партию во время исключительного закона и помог ей преодолеть все трудности" (там же).

В брошюре Легина отмечается, что та компания „вождей", которую он собрал слушать свой доклад и которая называется руководителями, чиновниками проф. союзов, хохотала, слушая это. Им смешна мысль о том, что можно и должно создать нелегальные (как при исключит. законе) революционные организации в момент кризиса. А Легин, как вернейший сторожевой пес буржуазии, бил себя в грудь и восклицал:

„Это — явно анархическая мысль: взорвать организации, чтобы вызвать решение вопроса массами. Для меня нет никакого сомнения, что эта идея анархическая".

„Верно!" — кричали хором (там же, стр. 37) лакеи буржуазии, именующие себя вождями с.-д. организаций рабочего класса.

Поучительная картина. Люди развращены и отуплены буржуазной легальностью до того, что не могут даже понять мысли о необходимости других организаций, нелегальных, для руководства революционной борьбы. Люди дошли до того, что вообразили себе, будто легальные союзы, по полицейским разрешениям существующие, есть предел, его же не прейдеши, — будто мыслимо вообще сохранение таких союзов в эпоху кризиса как руководящих союзов! Вот вам живая диалектика оппортунизма: простой рост легальных союзов, простая привычка туповатых, но добросовестных филистеров ограничиваться ведением конторских книг привели к тому, что в момент кризиса эти добросовестные мещане оказались предателями, изменниками, душителями революционной энергии масс. И это не случайность. Перейти к революционной организации необходимо, этого требует изменившаяся историческая ситуация, этого требует эпоха революционных действий пролетариата, — но переход этот возможен только через головы старых вождей, душителей революционной энергии, через голову старой партии, путем разрушения ее.

А контр-революционные мещане, разумеется, вопят: „анархизм!", — как оппортунист Эд. Давид вопил об „анархизме", разнося Карла Либкнехта. Честными социалистами остались, видимо, в Германии лишь те вожди, которых оппортунисты бранят за анархизм...

Возьмем современное войско. Вот один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому,

что она гибка, умея вместе с тем миллионам людей давать единую волю. Сегодня эти миллионы сидят у себя по домам, в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации — и они собрались в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут на штурм. Сегодня они проявляют чудеса, прячась от пуль и от шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою. Сегодня их передовые отряды кладут мины под землей, завтра они передвигаются на десятки верст по указаниям летчиков над землей. Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей, миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы.

То же самое относится к борьбе рабочего класса против буржуазии. Сегодня нет на-лицо революционной ситуации, нет условий для брожения в массах, для повышения их активности, сегодня тебе дают в руки избирательный бюллетень — бери его, умей организоваться для того, чтобы бить им своих врагов, а не для того, чтобы проводить в парламент на теплые местечки людей, цепляющихся за кресло из боязни тюрьмы. Завтра у тебя отняли избирательный бюллетень, тебе дали в руки ружье и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную, скорострельную пушку, — бери эти оружия смерти и разрушения, не слушай сантиментальных нытиков, боящихся войны; на свете еще слишком много осталось такого, что должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса, и, если в массах нарастает злоба и отчаяние, если на-лицо революционная ситуация, — готовься создать новые организации и пустить в ход столь полезные орудия смерти и разрушения против своего правительства и своей буржуазии.

Это нелегко, слов нет. Это потребует трудных подготовительных действий. Это потребует тяжелых жертв. Это — новый вид организации и борьбы, которому тоже надо научиться, а наука не дается без ошибок и поражений. Этот вид классовой борьбы относится к участию в выборах, как штурм относится к маневрам, маршам или к лежанию в траншеях. Этот вид борьбы становится в истории на очередь дня очень нечасто,—зато его значение и его последствия простираются на десятилетия. Те дни, когда можно и должно поставить в порядок борьбы такие приемы ее, равняются 20-летиям других исторических эпох.

...Сопоставьте с К. Легиным К. Каутского.

„Пока партия была мала, — пишет он, — всякий протест против войны действовал в пропагандистском отношении как мужественный поступок... поведение русских и сербских товарищей в последнее время встретило всеобщее признание. Чем сильнее становится партия, тем больше переплетаются в мотивах ее решений пропагандистские соображения с учетом практических последствий, тем труднее становится отдать должное в равной мере мотивам обоего рода, а между тем нельзя пренебрегать ни теми, ни другими. Поэтому, чем сильнее мы становимся, тем легче возникают разногласия между нами при всякой новой сложной ситуации“ („Интернациональность и война“, стр. 30).

От легиновских рассуждений эти рассуждения Каутского отличаются только лицемерием и трусостью. Каутский, по сути дела, поддерживает и оправдывает подлое отречение Легина от революционной деятельности, но делает это исподтишка, не высказываясь определенно, отделываясь намеками, ограничиваясь поклонами и в сторону Легина, и в сторону революционного поведения русских. Такое отношение к революционерам мы, русские, привыкли встречать только у либералов: либералы всегда готовы признать „мужество“ революционеров, но вместе с тем ни за что не откажутся они от своей архи-оппортунистической тактики. Революционеры, уважающие себя, не примут „выражения признательности“ от Каутского, а отвергнут с негодованием подобную постановку вопроса. Если на-лицо не было революционной ситуации, если не обязательно было проповедывать революционные действия, тогда поведение русских и сербов неверно, тогда их тактика неправильна. Пусть же такие рыцари, как Легин и Каутский, имеют хоть мужество своего мнения, пусть скажут это прямо.

Если же заслуживает „признания“ тактика русских и сербских социалистов, тогда непозволительно, преступно оправдывать противоположную тактику „сильных“ партий, немецкой и французской и т. д. Посредством намеренно неясного выражения „практические последствия“ Каутский прикрыл ту простую истину, что большие и сильные партии испугались роспуска их организаций, захвата их касс, ареста их вождей правительством. Это значит, что Каутский оправдывает измену социализму соображением о неприятных „практических последствиях“ революционной тактики. Разве это не проституирование марксизма?

Нас арестовали бы, — заявил, говорят, на рабочем собрании в Берлине один из голосовавших 4-го августа за кредиты с.-д. депутатов. А рабочие кричали ему в ответ: „ну что же тут было бы дурного?“

Если нет другого средства для передачи рабочим массам и Германии и Франции революционного настроения и мысли о необходимости готовить революционные действия то арест депутата за смелую речь сыграл бы полезную роль как призывный клич для объединения в революционной работе пролетариев разных стран. Такое объединение нелегко: тем обязательнее было именно стоящим наверху, видящим всю политику депутатам взять на себя почин.

Не только при войне, но безусловно при всяком обострении политического положения, не говоря уже о каких-либо революционных действиях масс, правительство самой свободной буржуазной страны всегда будет грозить распущением легальных организаций, захватом касс, арестом вождей и прочими такого же рода „практическими последствиями“. Как же быть? Оправдывать ли на этом основании оппортунистов, как делает Каутский? Но это значит освещать превращение с.-д. партий в национал-либеральные рабочие партии.

Для социалиста вывод может быть только один: чистый легализм, только легализм „европейских“ партий изжил себя и превратился, в силу развития капитализма до империалистической стадии, в основу буржуазной рабочей политики. Необходимо дополнить его созданием нелегальной базы, нелегальной организации, нелегальной с.-д. работы, не сдавая при этом ни единой легальной позиции. Как именно это сделать, покажет опыт, была бы охота вступить на этот путь, было бы сознание необходимости его. Революционные с.-д. России в 1912—1914 г.г. показали что эта задача разрешима. Рабочий депутат Муранов [128]), лучше других державшийся на суде и отправленный царизмом в Сибирь, показал наглядно, что, кроме парламентаризма министериабельного (от Гендерсона [129]), Самба, Вандервельда до Зюдекума и Шейдемана, которые тоже „министериабельны“ вполне и вполне, их только дальше передней не пускают!), есть еще парламентаризм нелегальный и революционный. Пусть Коссовские и Потресовы восхищаются „европейским“ парламентаризмом лакеев или мирятся с ним, — мы не устанем твердить рабочим, что такой легализм, такая с.-д. Легинов, Каутских, Шейдеманов заслуживает лишь презрения.

IX.

Подведем итоги.

Крах II Интернационала выразился всего рельефнее в вопиющей измене большинства официальных с.-д. партий Европы своим убеждениям и своим торжественным резолюциям в Штутгарте и Базеле. Но этот крах, означающий полную победу оппортунизма, превращение с.-д. партий в национал-либеральные рабочие партии, есть лишь результат всей исторической эпохи II Интернационала, конца XIX и начала XX века. Объективные условия этой эпохи — переходной от свержения в Западной Европе буржуазных и национальных революций к началу социалистических революций — порождали и питали оппортунизм. В одних странах Европы мы наблюдаем за это время раскол в рабочем и социалистическом движении, идущий — в общем и целом — именно по линии оппортунизма (Англия, Италия, Голландия, Болгария, Россия), в других — длительную и упорную борьбу течений по той же линии (Германия, Франция, Бельгия, Швеция, Швейцария). Кризис, созданный великой войной, сорвал покровы, отмел условности, вскрыл нарыв, давно уже назревший, и показал оппортунизм в его истинной роли, как союзника буржуазии. Полное организационное отделение от рабочих партий этого элемента стало необходимым. Империалистская эпоха не мирится с сосуществованием в одной партии передовиков революционного пролетариата и полумещанской аристократии рабочего класса, пользующейся крохами от привилегий „великодержавного“ положения „своей“ нации. Старая теория об оппортунизме, как „законном оттенке“ единой чуждой „крайностей“, партии, превратилась теперь в величайший обман рабочих и величайшую помеху рабочему движению. Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и пр. Виднейший представитель этой теории и вместе с тем виднейший авторитет II Интернационала, Каутский, проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле проституирования марксизма. В миллионной немецкой партии не осталось сколько-нибудь честных и сознательных, и революционных с.-д., которые бы не отворачивались с негодованием от такого „авторитета“, пылко защищаемого Зюдекумами и Шейдеманами.

Пролетарские массы, от которых, вероятно, около $^{9}/_{10}$ старого руководительского слоя отошло к буржуазии, оказались раздробленными и беспомощными перед разгулом шовинизма, перед гнетом военных положений и военной цензуры. Но объективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся, все углубляющаяся, неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была в России начала 1905 г. с „гапонадой“, когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда и недель, выросла миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата. Нельзя знать, разовьется ли могучее революционное движение вскоре после этой войны, во время нее и т. п., но, во всяком случае, только работа в этом направлении заслуживает названия социалистической работы. Лозунгом, обобщающим и направляющим эту работу, помогающим объединению и сплочению тех, кто хочет помогать революционной борьбе пролетариата против своего правительства и своей буржуазии, является лозунг гражданской войны.

В России полное отделение революционно-с.-д. пролетарских элементов от мелкобуржуазно-оппортунистических подготовлено всей историей рабочего движения. Самую плохую услугу ему оказывают те, кто отмахивается от этой истории, и, декламируя против „фракционности“, лишает себя возможности понять действительный процесс образования пролетарской партии в России, складывающейся в многолетней борьбе с различными видами оппортунизма. Из всех „великих“ держав, участвующих в теперешней войне, Россия одна только в последнее время пережила революцию: ее буржуазное содержание, при решающей роли пролетариата, не могло не породить раскола буржуазных и пролетарских течений в рабочем движении. В течение всего приблизительно двадцатилетнего (1894—1914) периода, который российская с.-д. просуществовала как организация, связанная с массовым рабочим движением (а не только в виде идейного течения 1883—1894 гг.), шла борьба пролетарски-революционных и мелкобуржуазно-оппортунистических течений. „Экономизм“ [130]) эпохи 1894—1902 годов был, несомненно, течением последнего рода. Целый ряд аргументов и черт его идеологии — „струвистское“ извращение марксизма, ссылки на „массу“ в оправдание оппортунизма и т. д. — поразительно

напоминает теперешний, опошленный, марксизм Каутского, Кунова, Плеханова и пр. Было бы очень благодарной задачей напомнить теперешнему поколению с.-д. старую „Раб. Мысль“ и „Рабочее Дело“ [131]) в параллель с теперешним Каутским.

„Меньшевизм“ следующего (1903—1908) периода был непосредственным, не только идейным, но и организационным, преемником „экономизма“. Во время русской революции он проводил тактику, объективно означавшую зависимость пролетариата от либеральной буржуазии и выражавшую мелкобуржуазные оппортунистические тенденции. Когда в следующий затем период (1908—1914) главный поток меньшевистского течения породил ликвидаторство [132]), — это классовое значение данного течения стало настолько очевидным, что лучшие представители меньшевизма все время протестовали против политики группы „Нашей Зари“. А эта группа, — единственная, которая вела *против* революционно-марксистской партии рабочего класса систематическую работу в массах за последние 5—6 лет, — оказалась в войне 1914—1915 г.г. *социал-шовинистскою*! И это в стране, где живо самодержавие, где не завершена далеко еще буржуазная революция, где 43% населения угнетают большинство „инородческих“ наций. „Европейский“ тип развития, когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенция, и ничтожная доля рабочей аристократии могут „попользоваться“ привилегиями „великодержавного“ положения „своей“ нации, не мог не сказаться и в России.

К „интернационалистской“, т.-е. действительно революционной и последовательно революционной тактике, рабочий класс и рабочая с.-д. партия России подготовлены всей своей историей.

P. S. Эта статья была уже набрана, когда в газетах появился „манифест“ Каутского и Гаазе, вкупе с Бернштейном, которые увидали, что массы левеют, и готовы теперь „помириться“ с левыми, — конечно, ценой сохранения „мира“ с Зюдекумами. Поистине, — Mädchen für alle!

1915 г.

Честный голос французского социалиста.

Во французской Швейцарии, где франкофильский шовинизм бешенствует немногим разве слабее, чем во Франции, раздался голос честного социалиста. В наше подлое время, это — целое событие. И нам тем более необходимо внимательнее прислушаться к этому голосу, что в данном случае мы имеем дело с социалистом типично французского, — вернее: романского, ибо итальянцы, например, тоже таковы, — темперамента и умонастроения.

Речь идет о маленькой брошюрке Павла Голэя, редактора небольшой социалистической газеты в Лозанне. Автор прочел в этом городе 11 марта 1915 г. реферат на тему: „Социализм умирающий и социализм, который должен возродиться“ и переиздал его затем отдельно *).

„Первого августа 1914 г. война вспыхнула. В течение недель, перед этой отныне знаменитой датой и после нее, миллионы людей ждали“. Так начинает автор. Миллионы ждали, не поведут ли резолюции и заявления вождей социализма „к могучему восстанию, которое своим вихрем сметет преступные правительства“. Но ожидания миллионов были обмануты. Мы пытались, говорит Голэй, „по-товарищески“ оправдать социалистов „молниеносной неожиданностью войны“, неосведомленностью, но эти оправдания нас не удовлетворяли. „Мы чувствовали себя не по себе, как будто бы наша совесть была погружена в грязную воду двусмысленности и лжи“. Читатель может видеть уже отсюда, что Голэй искренен. Качество, по нашим временам, почти необыкновенное.

Голэй вспоминает „революционную традицию“ пролетариата. Вполне сознавая, что „для каждой ситуации необходимо подходящее действие“, он напоминает: „Для исключительных ситуаций нужны исключительные меры. Сильные болезни — сильные лекарства“. Он напоминает „решения конгрессов“, „которые прямо обращаются к массам и побуждают их к революционным и повстанческим действиям“. Следуют цитаты соответственных мест штуттгартской и базельской резолюций. И автор подчеркивает, что „эти различные резолюции не содержат никакого рассуждения об оборонительной и наступательной войне, а следовательно, не предлагают никакой осо-

*) Paul Golay: „Le socialisme qui meurt et le socialisme qui doit renaître“. Lausanne, 1915. 22 страницы цена 15 сант. En vente à l'Administration du „Grutléen“, Maison du Peuple, Lausanne.

бой, националистской, тактики в отмену общепризнанных основных принципов".

Дочитавши до этого места, читатель убеждается, что Голэй — не только искренний, но и убежденный, честный социалист. Качество, видных деятелей II Интернационала, прямо уже исключительное!

„...Пролетариат поздравляли военные начальники, а буржуазная пресса восхваляла, в теплых выражениях, воскрешение того, что она называет „национальной душой". Это воскрешение стоит нам трех миллионов трупов.

„И, однако, никогда рабочая организация не достигала такого большого числа платящих членов, никогда не было такого изобилия парламентариев, такой превосходной организации печати. Никогда не было также более гнусного дела, против которого следовало бы восстать.

„В столь трагических обстоятельствах, когда дело идет о существовании миллионов людей, все революционные действия не только допустимы, они — законны. Они более чем законны, они — священны. Повелительный долг пролетариата требовал попытать невозможное, чтобы спасти наше поколение от событий, которые заливают кровью Европу.

„Не было ни энергичного поступка, ни попыток возмущения, ни действий, ведущих к восстанию...

„...Наши противники кричат о крахе социализма. Они чересчур торопятся. И однако, кто осмелился бы утверждать, что они во всех отношениях неправы? Что умирает в данный момент, это — не социализм вообще, а одна разновидность социализма, социализм сладенький, без духа идеализма, без страсти, с манерами чиновника и с брюшком серьезного отца семейства, социализм без смелости, без безумия, любитель статистики, ушедший по уши в полюбовные соглашения с капитализмом, социализм, занятый одними только реформами, продавший за чечевичную похлебку свое право первородства, социализм, который представляет из себя для буржуазии душителя народного нетерпения, своего рода автоматический тормоз пролетарских смелых действий.

„Вот этот-то социализм, грозивший заразить весь Интернационал, ответствен до известной степени за то бессилие, за ту импотентность, которые ставят нам в упрек".

В других местах брошюры Голэй говорит прямо о „реформистком социализме" и об „оппортунизме", как об извращении социализма.

Говоря об этом извращении, признавая „общую ответственность“ пролетариата всех воюющих стран, подчеркивая, что „эта ответственность падает на голову вождей, которым масса оказала доверие и от которых она ждала лозунга“, — Голэй вполне правильно берет за образец именно немецкий социализм, „лучше всего организованный, больше всего оформленный, больше всего напичканный доктринами“, и показывает „его численную силу, его революционную слабость“.

„Одушевленная революционным духом, немецкая социал-демократия могла бы противопоставить милитаристским предприятиям достаточно определенное, достаточно упорное сопротивление, чтобы увлечь за собой, на этот единственный путь спасения, пролетариат других стран Центральной Евроны“.

„...Немецкий социализм имел большое влияние в Интернационале. Он мог сделать больше всех. От него ждали наибольшего усилия. Но число есть ничто, если личная энергия парализована слишком суровой дисциплиной или если „вожаки“ употребляют свое влияние для получения наименьшего усилия“. (Насколько правильна вторая часть фразы, настолько неверна первая: дисциплина — вещь прекрасная и необходимая, — например, дисциплина партии, исключающей оппортунистов и противников революционного действия.) „Немецкий пролетариат, благодаря своим ответственным вождям, послушался голоса военной камарильи... другие отделы Интернационала испугались и поступили точно так же; во Франции двое социалистов сочли необходимым участвовать в буржуазном правительстве. И, таким образом, несколько месяцев спустя после торжественного заявления на конгрессе, что социалисты считают преступлением стрелять друг в друга, миллионы рабочих вступили в войско и принялись совершать это преступление с такой настойчивостью, с таким увлечением, что капиталистическая буржуазия и правительства неоднократно выражали им свою признательность“.

Но Голэй не ограничивается тем, что он беспощадно клеймит „социализм умирающий“. Нет, он обнаруживает полное понимание того, чем порождено это умирание, и какой социализм должен притти на смену умирающему. „Рабочие массы каждой страны испытывают, в известной мере, влияние идей, распространенных в буржуазных кругах“. „Когда Бернштейн под именем ревизионизма формулировал своего рода демократический реформизм“, Каутский его „разгромил при по-

мощи подходящих фактов". „Но, когда приличия были соблюдены, партия продолжала попрежнему свою „реальную политику". С.-д. партия стала тем, что она есть в настоящее время. Организация превосходная. Тело могучее, но душа из него ушла". Не только германская с.-д. но и все отделы Интернационала обнаруживают те же тенденции. „Растущее число чиновников" порождает определенные последствия; внимание устремляется только на правильность взносов; на стачки смотрят „как на манифестации, имеющие целью добиться лучших условий соглашения" с капиталистами. Привыкают связывать интересы рабочих с интересами капиталистов, „подчинять судьбу рабочего судьбе самого капитализма", „желать усиленного развития „своей национальной" промышленности в ущерб иностранной".

Р. Шмид (Schmied), депутат рейхстага, писал в одной статье, что регулирование условий труда профессиональными союзами выгодно и капиталистам, ибо оно „вносит порядок и устойчивость в экономическую жизнь", „облегчает расчеты капиталистов и противодействует нечестной конкуренции".

„Итак, — восклицает Голэй, цитируя эти слова, — профессиональное движение должно считать честью для себя, что оно делает более устойчивыми прибыли капиталистов! Цель социализма состоит, должно быть, в том, чтобы в рамках капиталистического общества требовать максимума выгод, совместимых с существованием самого капиталистического режима? Если так, то перед нами — отречение от всех принципов. Пролетариат стремится не к укреплению капиталистического строя, не к получению минимальных условий в пользу наемного труда, а к устранению строя частной собственности и к уничтожению системы наемного труда".

„...Секретари больших организаций становятся важными персонами. А в политическом движении депутаты, литераторы, ученые, адвокаты, все, кто приносит вместе с своей наукой известное личное честолюбие, пользуются таким влиянием, которое представляет иногда прямо опасность.

„Могущественная организация профессиональных союзов и солидность их касс развила у их членов цеховой дух. Одна из отрицательных сторон профессионального движения, по существу своему реформистского, состоит в том, что оно улучшает положение наемных рабочих по отдельным слоям или прослойкам, ставя одну из них выше другой. Это разрушает основное

единство и порождает у наилучше поставленных дух боязливости, заставляющий их иногда опасаться „движения“, могущего быть роковым для их положения, для их кассы, для их актива. Таким образом создается своего рода разделение между различными разрядами пролетариата — разрядами, искусственно создаваемыми самим профессиональным движением“. Это не довод, конечно, против сильных организаций — говорит автор, предвидя, должно быть, придирки известного рода „критиков“. Это доказывает лишь необходимость „души“ в организациях, „энтузиазма“.

„Каковы существенные черты, которыми должен отличаться социализм завтрашнего дня? Он будет интернациональным, непримиримым и повстанческим“.

„Непримиримость есть сила“, — справедливо говорит Голэй, приглашая читателя бросить взгляд на „историю доктрин“. Когда они оказывались влиятельными? Тогда ли, когда они бывали приручены властями, или тогда, когда они бывали непримиримыми? Когда христианство потеряло свою ценность? Не тогда ли, когда Константин обещал ему доходы и предложил ему, вместо преследований и казней, обшитое галунами платье придворных лакеев?..

„Один французский философ сказал: мертвые идеи суть те, которые являются в изящном одеянии, без терпкости, без смелости. Они мертвы потому, что они входят во всеобщее обращение и составляют часть обычного интеллектуального багажа великой армии филистеров. Сильные идеи — те, которые толкают и вызывают скандал, возбуждают негодование, гнев, раздражение у одних, энтузиазм у других“. Напомнить эту истину автор считает необходимым современным социалистам, среди которых очень часто отсутствует всякая „горячность убеждения: ни во что не верят, ни в реформы, которые запаздывают, ни в революцию, которая все не приходит“.

Непримиримость, готовность к восстанию „вовсе не ведет к мечтательности, а, напротив, ведет к действиям. Социалист не будет пренебрегать ни одной из форм деятельности. Он сумеет найти новые, сообразно потребностям и условиям момента... Он требует немедленных реформ, он добивается их не пререканиями с противником, он вырывает их, как уступку у буржуазии, которой внушает страх полная энтузиазма и смелости масса“.

После бесстыднейшего опошления марксизма и опозорения социализма Плехановым, Каутским и К° поистине отдыхаешь

душой на брошюре Голэя. У него приходится отметить лишь два следующие недостатка.

Во-первых, Голэй разделяет с большинством романских социалистов, не исключая и теперешних гэдистов, несколько невнимательное отношение к „доктрине", т.-е. теории социализма. Он чувствует к марксизму известное предубеждение, которое может быть объяснено, но не оправдано, современным господством злейшей карикатуры на марксизм у Каутского, в „Neue Zeit" и у немцев вообще. Кто, подобно Голэю, сознал необходимость смерти социализма реформистского и возрождения социализма революционного, „повстанческого", т.-е. понимающего необходимость восстания, проповедующего его, способного серьезно готовиться к нему и готовить его, тот на деле в тысячу раз ближе к марксизму, чем те, наизусть знающие „тексты", господа, которые занимаются ныне (в „Neue Zeit", например) оправданием социал-шовинизма в какой бы то ни было форме, — вплоть до той формы, что сейчас надо „мириться" с шовинистским Ц.К. („форштандом") и не „вспоминать прошлого".

Но как ни понятно „по человечеству", пренебрежение марксизмом у Голэя, как ни много вины снимается здесь с него и падает на умирающее и умершее направление французских марксистов (гэдистов), а все же вина есть. Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория выросла со второй половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным с.-д., не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории, а в наши дни — в беспощадной борьбе против уродования ее Плехановым, Каутским и К°.

Из невнимания к теории проистекает у Голэя ряд неверных или непродуманных выпадов, напр., против централизма или дисциплины вообще, против „исторического материализма", который будто бы недостаточно „идеалистичен" и т. п. Отсюда же поразительная недоговоренность в вопросе о лозунгах. Например, требование, чтобы социализм стал „повстанческим", полно глубочайшего содержания и представляет из себя единственно правильную мысль, вне которой все фразы об интернационализме и революционности, о марксизме, — сплошное недомыслие, а еще чаще лицемерие. Но эту идею, идею граждан-

ской войны, надо было бы развить, сделать из нее центральный пункт тактики, а Голэй ограничился тем, что высказал ее. Это очень много „по нынешним временам“, но это недостаточно с точки зрения запросов революционной борьбы пролетариата. Например, Голэй узко ставит вопрос об „ответе“ на войну революцией, если можно так выразиться. Он не учитывает, что, если на войну не сумели ответить революцией, то сама война стала учить и учит массы революции, создавая революционную ситуацию, углубляя и расширяя ее.

Второй недостаток у Голэя иллюстрируется всего нагляднее следующим рассуждением в его брошюре:

„Мы не порицаем никого. Интернационал, чтобы возродиться, нуждается в том, чтобы братский дух одушевлял все отделы его; но приходится заявить, что перед лицом великой задачи, которую возложила на него капиталистическая буржуазия в июле и августе 1914 г., реформистский, централизаторский (?) иерархический социализм явил жалкое зрелище“.

„Мы не порицаем никого“... В этом состоит ваша ошибка, товарищ Голэй! Вы сами признали, что „социализм умирающий“ связан с буржуазными идеями (значит, его питает и поддерживает буржуазия), с определенным идейным течением в социализме („реформизм“), с интересами и особым положением определенных слоев (парламентарии, чиновники, интеллигенция, некоторые наилучше поставленные слои или группки рабочих) и т. д. Из этого вытекает с неизбежностью вывод, которого вы не делаете. Физические лица „умирают“ так называемой естественной смертью, но идейно-политические, течения так умирать не могут. Как буржуазия не умрет, пока ее не свергнут, так течение, питаемое и поддерживаемое буржуазией, выражающее интересы вступившей в союз с буржуазией группки интеллигентов и аристократии рабочего класса, не умрет, если его не „убить“, т.-е. не свергнуть, не лишить всякого влияния на социалистический пролетариат. Это течение сильно именно своими связями с буржуазией, оно стало благодаря объективным условиям „мирной“ эпохи 1871—1914 годов своего рода командующим, паразитическим слоем в рабочем движении.

Тут обязательно не только „порицать“, но бить в набат, разоблачать беспощадно, свергать, „снимать с постов“ этот паразитический слой, разрушать его „единство“ с рабочим движением, ибо такое „единство“ означает на деле единство пролетариата с национальной буржуазией и раскол интер-

национального пролетариата, единство лакеев и раскол революционеров.

„Непримиримость есть сила", — справедливо говорит Голэй требуя, чтобы „социализм, который должен возродиться", был непримиримым. Но не все ли равно для буржуазии, будет ли пролетариат примиренчествовать прямо с ней или косвенно, через посредство ее сторонников, защитников, агентов внутри рабочего движения, т.-е. оппортунистов? Последнее даже выгоднее для буржуазии, ибо обеспечивает ей более прочное влияние на рабочих!

Голэй тысячу раз прав, что есть социализм умирающий и социализм, который должен возродиться, но это умирание и это возрождение представляют из себя именно беспощадную борьбу с течением оппортунизма, не только идейную борьбу, но и удаление из рабочих партий этого уродливого нароста, исключение из организаций определенных представителей этой, чужой пролетариату, тактики, полный разрыв с ними. Они не умрут ни физически, ни политически, но рабочие порвут с ними, столкнут их в яму прислужников буржуазии и на примере их гниения будут воспитывать новое поколение, вернее: новые армии пролетариата, способные на восстание.

1915 г.

Империализм и социализм в Италии [133]).

(Заметка.)

Для освещения тех вопросов, которые поставила теперешняя империалистская война перед социализмом, небесполезно бросить взгляд на различные европейские страны, чтобы научиться отделять национальные видоизменения и частности общей картины от коренного и существенного. Со стороны, говорят, виднее. Поэтому, чем меньше сходство Италии с Россией, тем интереснее в некоторых отношениях сравнить империализм и социализм в обеих странах.

В настоящей заметке мы намерены лишь отметить материал, который дают по этому вопросу вышедшие после войны сочинения: буржуазного профессора Роберта Михельса „Итальянский империализм" и социалиста Т. Барбони „Интернационализм или классовый социализм? (Итальянский пролетариат

и европейская война)“ *). Болтливый Михельс остался столь же поверхностным, как и в других своих сочинениях, едва коснувшись экономической стороны империализма, но в его книге собран ценный материал о происхождении итальянского империализма и о том переходе, который составляет сущность современной эпохи и который особенно наглядно выступает в Италии, именно: переходе от эпохи войн национально-освободительных к эпохе войн империалистски-грабительских и реакционных. Италия революционно-демократическая, т.-е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно-реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи. Михельс, как и всякий порядочный профессор, считает, разумеется, свое услужничество перед буржуазией „научным объективизмом“ и называет этот дележ добычи „дележом той части мира, которая еще осталась в руках слабых народов“ (стр. 179). Пренебрежительно отвергая, как „утопическую“, точку зрения тех социалистов, которые враждебны всякой колониальной политике, Михельс повторяет рассуждения людей, считающих, что Италия „должна была бы быть второй колониальной державой“, уступая первенство лишь Англии, по густоте населения и силе эмиграционного движения. А что в Италии 40% населения безграмотны, что в ней доныне бывают холерные бунты и пр., и т. п., то этот аргумент опровергается ссылкой на Англию: разве она не была страной невероятного разорения, принижения, вымирания голодной смертью рабочих масс, алкоголизма и чудовищной нищеты и грязи в бедных кварталах городов в первой половине XIX века, когда английская буржуазия так успешно закладывала основы своего теперешнего колониального могущества?

И надо сказать, что с буржуазной точки зрения это рассуждение непререкаемо. Колониальная политика и империализм — вовсе не болезненные, исцелимые, уклонения капитализма (как думают филистеры, и Каутский среди них), а неизбежное следствие самых основ капитализма; конкуренция между отдельными предприятиями ставит вопрос только так: разориться

*) Roberto Michels: „L'imperialismo italiano“, Milano 1914. — T. Barboni: „Internazionalismo o Nazionalismo di classe? (Il proletariato d'Italia e la guerra europea)“. Edito dall'autore a Campione d'Intelvi (provincia di Como). 1915.

или разорить других; конкуренция между отдельными странами ставит вопрос только так: остаться на девятом месте и вечно рисковать судьбой Бельгии или разорять и покорять другие страны, проталкивая себе местечко среди „великих“ держав.

Итальянский империализм прозвали „империализмом бедняков“ (l'imperialismo della povera gente), имея в виду бедность Италии и отчаянную нищету массы итальянских эмигрантов. Итальянский шовинист Артур Лабриола [134]), который отличается от своего бывшего противника, Г. Плеханова, только тем, что немножко раньше него обнаружил свой социал-шовинизм и пришел к этому социал-шовинизму через мелкобуржуазный полуанархизм, а не через мелкобуржуазный оппортунизм, этот Артур Лабриола писал в своей книжке о Триполитанской войне (в 1912 году):

„...Ясно, что мы боремся не только против турок... но и против интриг, угроз, денег и войск плутократической Европы, которая не может потерпеть, чтобы маленькие нации дерзнули совершить хоть один жест, сказать хоть одно слово, компрометирующее железную гегемонию ее“ (стр. 22). А вождь итальянских националистов, Коррадини, заявлял: „Как социализм был методом освобождения пролетариата от буржуазии, так национализм будет для нас, итальянцев, методом освобождения от французов, немцев, англичан, американцев севера и юга, которые по отношению к нам являются буржуазией“.

Всякая страна, которая имеет больше „нашего“ колоний, капиталов, войска, отнимает у „нас“ известные привилегии, известную прибыль или сверхприбыль. Как среди отдельных капиталистов получает сверхприбыль тот, кто имеет машины лучше среднего или обладает известными монополиями, так и среди стран получает сверхприбыль та, которая экономически поставлена лучше других. Дело буржуазии — бороться за привилегии и преимущества для своего национального капитала и надувать народ или простонародье (при помощи Лабриола и Плеханова), выдавая империалистскую борьбу ради „права“ грабить других за национально-освободительную войну.

До Триполитанской войны Италия не грабила — по крайней мере в больших размерах — других народов. Разве это не нестерпимая обида для национальной гордости? Итальянцы — в угнетении и в униженни перед другими нациями. Итальянская эмиграция составляла около 100.000 человек в год в 70-х годах прошлого века, а теперь достигает от $^1/_2$ до 1 миллиона, и все это нищие, которых гонит из своей страны прямо голод в самом

буквальном значении слова, все это поставщики рабочей силы в наихудшие оплачиваемых отраслях промышленности, вся эта масса населяет самые тесные, бедные и грязные кварталы американских и европейских городов. Число итальянцев, живущих за границей, с 1 миллиона в 1881 году поднялось до $5^1/_2$ милл. в 1910 году, при чем громадная масса приходится на богатые и „великие“ страны, по отношению к которым итальянцы являются самой грубой и „черной“, нищей и бесправной рабочей массой. Вот главные страны, потребляющие дешовый итальянский труд: Франция — 400 тыс. итальянцев в 1910 г. (240 тыс. в 1881 г.); Швейцария — 135 тыс. (41) (в скобках число тысяч в 1881 г.); Австрия — 80 тыс. (40); Германия — 180 тыс. (7); С. Штаты — 1.779 тыс. (170); Бразилия — 1.500 тыс. (82); Аргентина — 1.000 (254). „Блестящая“ Франция, которая 125 лет тому назад боролась за свободу и по этому случаю называет „освободительной“ свою теперешнюю войну за свое и английское рабовладельческое „право на колонии“, эта Франция держит сотни тысяч итальянских рабочих прямо-таки в особых гетто, от которых мелкобуржуазная сволочь „великой“ нации старается отгородиться как можно больше, которых она всячески старается унизить и оскорбить. Итальянцев зовут презрительной кличкой „макароны“ (пусть припомнит великорусский читатель, сколько презрительных кличек ходит в нашей стране по отношению к „инородцам“, которые не имели счастья родиться с правом на благородные великодержавные привилегии, служащие для Пуришкевичей орудием угнетения *и* великорусского, *и* всех других народов России). Великая Франция заключила в 1896 году договор с Италией, в силу которого эта последняя обязуется не увеличивать число итальянских школ в Тунисе! А итальянское население в Тунисе с тех пор увеличилось вшестеро. Итальянцев в Тунисе 105.000 против 35.000 французов, но из первых только 1.167 поземельные собственники, имеющие 83.000 гектаров, а из вторых 2.395, награбившие в „своей“ колонии 700.000 гектаров. Ну, как же не согласиться с Лабриола и другими итальянскими „плехановцами“ в том, что Италия имеет „право“ на свою колонию в Триполи, на угнетение славян в Далмации, на раздел Малой Азии и т. д.! *).

*) В высшей степени поучительно отметить связь между переходом Италии к империализму и согласием правительства на избирательную реформу. Реформа эта повысила число избирателей с 3.219.000 до 8.562.000, т.-е. „почти-что“ дала всеобщее избирательное право. До Триполитанской войны тот же Джиолитти, проведший реформу, был решительно против нее. „Мотивировка

Как Плеханов поддерживает „освободительную войну России против стремления Германии превратить ее в свою колонию, так вождь партии реформистов Леонид Биссолати вопиет против „нашествия иностранного капитала в Италии“ (стр. 97): немецкий капитал в Ломбардии, английский в Сицилии, французский в Пиячентино, бельгийский в трамвайных предприятиях и т. д., и т. д. без конца.

Вопрос поставлен ребром, и нельзя не признать, что европейская война принесла человечеству гигантскую пользу, поставив его действительно ребром перед сотнями миллионов людей разных наций: либо защищать, ружьем или пером, прямо или косвенно, в какой бы то ни было форме, великодержавные и вообще национальные привилегии, или преимущества, или притязания „своей“ буржуазии, и тогда это значит быть ее сторонником или лакеем; либо использовать всякую, и особенно вооруженную, борьбу за великодержавные привилегии для разоблачения и низвержения всякого, а прежде всего своего правительства посредством революционных действий интернационально-солидарного пролетариата. Середины тут нет, или, другими словами: попытка занять среднюю позицию означает на деле прикрытый переход на сторону империалистской буржуазии.

Вся книжка Барбони посвящена, в сущности, именно тому, чтобы прикрыть этот переход. Барбони корчит из себя интернационалиста совершенно так же, как наш г. Потресов, рассуждая, что надо с интернациональной точки зрения определить, успех какой стороны полезнее или безвреднее для пролетариата, и решая этот вопрос, разумеется, против... Австрии и Германии. Барбони вполне в духе Каутского предлагает итальянской

перемены линии правительством“ и умеренными партиями, — пишет Михельс, — была, по своему существу, патриотической „Несмотря на старинное теоретическое отвращение к колониальной политике, промышленные рабочие, а еще больше чернорабочие, дрались против турок чрезвычайно дисциплинированно и послушно, вопреки всем предвидениям. Такое рабское по отношению к правительственной политике поведение заслуживало награды, чтобы побудить пролетариат продолжать итти по этому новому пути. В парламенте председатель совета министров заявил, что итальянский рабочий класс своим патриотическим поведением на полях сражения в Либии доказал перед родиной, что он достиг отныне самой высокой ступени политической зрелости. Кто способен жертвовать жизнью ради благородной цели, тот способен также защищать интересы родины в качестве избирателя и имеет поэтому право на то, чтобы государство считало его достойным всей полноты политических прав“ (стр. 177). Хорошо говорят итальянские министры! Но еще лучше немецкие „радикальные“ с.-д., которые повторяют теперь это лакейское рассуждение: „мы“ исполнили свой долг, помогали „вам“ грабить чужие страны, а „вы“ не хотите дать „нам“ всеобщего избирательного права в Пруссии...

социалистической партии торжественно провозгласить солидарность рабочих всех стран,— воюющих в первую голову, конечно,— интернационалистские убеждения, программу мира на основе разоружения и национальной независимости всех наций с образованием „лиги всех наций для взаимной гарантии неприкосновенности и независимости“ (стр. 126). И как раз во имя этих принципов Барбони объявляет, что милитаризм — „паразитическое“ явление в капитализме, а „вовсе не необходимое“, что „милитаристским империализмом“ пропитаны Германия и Австрия, что их агрессивная политика была „постоянно угрозой европейскому миру“, что Германия „постоянно отвергала предложения об ограничении вооружений, делавшиеся Россией (sic!!) и Англией“, и т. д., и т. д.,— и что социалистическая партия Италии должна высказаться за вмешательство Италии в пользу тройственного согласия в подходящий момент!

Остается неизвестным, в силу каких принципов можно предпочесть буржуазному империализму Германии, которая развивалась экономически в XX веке быстрее остальных европейских стран и которая особенно „обижена“ при разделе колоний,— буржуазный империализм Англии, развивающейся гораздо медленнее, заграбившей бездну колоний, применяющей там (вдали от Европы) зачастую не менее зверские приемы подавления, чем немцы, и нанимающей на свои миллиарды миллионные войска различных континентальных держав для грабежа Австрии и Турции, и пр. Интернационализм Барбони сводится, в сущности, как и у Каутского, к словесной защите социалистических принципов, а под прикрытием этого лицемерия проводится на деле защита своей, итальянской, буржуазии. Нельзя не отметить, что Барбони, издавший свою книгу в свободной Швейцарии (цензура которой заклеила только половину одной строки на стр. 75, повидимому, посвященную критике Австрии), на протяжении всех 143-х страниц не пожелал привести основных положений Базельского манифеста и добросовестно разобрать их. Зато двух русских бывших революционеров, которых рекламирует теперь вся франкофильская буржуазия, мещанина от анархизма Кропоткина и филистера от социал-демократизма Плеханова, наш Барбони цитирует с глубоким сочувствием (стр. 103). Еще бы! Софизмы Плеханова ничем, по сути дела, не отличаются от софизмов Барбони. Только политическая свобода в Италии лучше срывает покровы с этих софизмов, яснее разоблачает истинную позицию Барбони, как агента буржуазии в рабочем лагере.

Барбони жалеет об „отсутствии истинного и настоящего революционного духа“ в германской с.-д. (совсем как Плеханов); он горячо приветствует Карла Либкнехта (как приветствуют его французские социал-шовинисты, не видящие бревна в своем глазу); но он решительно заявляет, что „не может быть и речи о банкротстве Интернационала“ (стр. 92), что немцы не изменили духу Интернационала (стр. 111), поскольку они действовали в „добросовестном“ убеждении, что защищают отечество. И Барбони в том же елейном духе, как и Каутский, только с романским краснобайством, заявляет, что Интернационал готов (после победы над Германией)... „простить немцам, как Христос простил Петру, минуту недоверия, залечить забвением глубокие раны, нанесенные милитаристским империализмом, и протянуть руку для достойного и братского мира“ (стр. 113).

Умилительная картина: Барбони и Каутский — не без участия, вероятно, наших Коссовского и Аксельрода — прощают друг друга!!

Вполне довольный Каутским и Гэдом, Плехановым и Кропоткиным, Барбони не доволен своей социалистической, рабочей, партией в Италии. В этой партии, которая имела счастье еще до войны избавиться от реформистов Биссолати и К°, создана, видите ли, такая „атмосфера“, что нельзя дышать (стр. 7) тем, кто (подобно Барбони) не разделяет лозунга „абсолютной нейтральности“ (т.-е. решительной борьбы с защитой вмешательства в войну со стороны Италии). Бедный Барбони горько плачется, что людей, подобных ему, называют в итальянской социалистической рабочей партии „интеллигентами“, „людьми, потерявшими контакт с массами, выходцами из буржуазии“, „людьми, сбившимися с прямого пути социализма и интернационализма“ (стр. 7). Наша партия, — возмущается Барбони, — „более фанатизирует, чем воспитывает массы“ (стр. 4).

Старый мотив! Итальянский вариант знакомого напева русских ликвидаторов и оппортунистов против „демагогии“ злых большевиков, „натравливающих“ массы на прекрасных социалистов из „Нашей Зари“, О.К. и фракции Чхеидзе! Но какое ценное признание итальянского социал-шовиниста, что в единственной стране, где можно было несколько месяцев свободно обсуждать платформы социал-шовинистов и революционеров-интернационалистов, именно рабочие массы, именно сознательный пролетариат встал на сторону последних, а мелкобуржуазные интеллигенты и оппортунисты на сторону первых.

Нейтральность есть узкий эгоизм, непонимание международной ситуации, есть подлость по отношению к Бельгии, есть „отсутствие“, а „отсутствующие всегда неправы“, рассуждает Барбони вполне в духе Плеханова и Аксельрода. Но, так как в Италии две открытые партии, реформистская и с.-д. рабочая, так как в этой стране нельзя надувать публику, прикрывая наготу гг. Потресовых, Череваниных, Левицких и К° фиговым листком фракции Чхеидзе или О.К., то Барбони признается откровенно:

„С этой точки зрения я вижу больше революционности в действиях социалистов-реформистов, которые быстро поняли, какое громадное значение имело бы для будущей антикапиталистической борьбы это обновление политической обстановки“ (вследствие победы над германским милитаризмом), „и вполне последовательно встали на сторону тройственного согласия, чем в тактике официальных революционных социалистов, которые спрятались, точно черепаха, под щит абсолютной нейтральности“ (стр. 81).

По поводу этого ценного признания нам остается лишь выразить пожелание, чтобы кто-либо из товарищей, знакомых с итальянским движением, собрал и систематически обработал громадный и интереснейший материал, данный двумя партиями Италии по вопросу о том, какие общественные слои, какие элементы, при чьей помощи, какими аргументами защищали революционную политику итальянского пролетариата, с одной стороны, и лакейство перед итальянской империалистской буржуазией — с другой. Чем больше будет собрано такого материала в разных странах, тем яснее выступит перед сознательными рабочими истина о причинах и значении краха II Интернационала.

Заметим в заключение, что Барбони, имея перед собой рабочую партию, старается софистически подделаться под революционные инстинкты рабочих. Он изображает социалистов-интернационалистов в Италии, враждебных войне, которая на деле ведется ради империалистских интересов итальянской буржуазии, сторонниками трусливого воздержания, эгоистического желания спрятаться от ужасов войны. „Народ, воспитанный в страхе перед ужасами войны, вероятно, испугается также и ужасов революции“ (стр. 83). И рядом с этой омерзительной попыткой подыграться под революционеров — грубо-делеческая ссылка на „ясные“ слова министра Саландры: „порядок будет охранен во что бы то ни стало“;—попытка всеобщей стачки

против мобилизации приведет лишь к „бесполезной бойне“; „мы не могли помешать войне либийской (Триполитанской), еще менее сможем помешать войне с Австрией“ (стр. 82).

Барбони, подобно Каутскому, Кунову и всем оппортунистам, сознательно, с самым подлым расчетом надуть кое-кого из массы, приписывает революционерам глупенький план „сразу“ „сорвать войну“ и дать себя перестрелять в наиболее удобный для буржуазии момент, — желая отговориться от ясно поставленной, в Штуттгарте и Базеле, задачи: использовать революционный кризис для систематической революционной пропаганды и подготовки революционных действий масс. А что Европа переживает революционный момент, это Барбони видит совершенно ясно:

„...Есть пункт, на котором я считаю необходимым настаивать, даже рискуя надоесть читателю, ибо нельзя правильно оценить теперешней политической ситуации, не выяснив этого пункта: период, который мы переживаем, есть период катастрофический, период действия, когда дело идет не о выяснении идей, не о составлении программ, не об определении линии политического поведения для будущего, а о применении живой и активной силы для достижения результата на протяжении месяцев, а может быть даже только недель. При таких условиях речь идет не о том, чтобы философствовать о будущем пролетарского движения, а о том, чтобы закрепить точку зрения пролетариата перед лицом текущего момента“ (стр. 87—88).

Еще один софизм с подделкой под революционность! 44 года после Коммуны, переживший почти полвека собирания и подготовки массовых сил, революционный класс Европы должен думать в момент, когда она переживает к а т а с т р о ф и ч е с к и й период, о том, как бы поскорее стать лакеем своей национальной буржуазии, помочь ей грабить, насиловать, разорять, покорять чужие народы, а не о том, чтобы развернуть в массовых размерах непосредственно революционную пропаганду и подготовку революционных действий.

Первый шаг [135]).

Медленно движется вперед развитие интернационального социалистического движения в эпоху неимоверно тяжелого кризиса, вызванного войной. Но все же движется именно в сторону разрыва с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Международная социалистическая конференция в Циммервальде (Швейцария) 5—8 сентября 1915 г. [136]) ясно показала это.

В течение целого года среди социалистов воюющих и нейтральных стран наблюдался процесс колебаний и выжиданий: боялись признаться самим себе в глубине кризиса, не хотели взглянуть прямо в лицо действительности, оттягивали тысячами способов неизбежный разрыв с господствующими в официальных партиях Западной Европы оппортунистами и каутскианцами.

Но та оценка событий, которую мы дали год тому назад в манифесте Ц.К. (№ 33 „С.-Д.“), оказалась верна; события доказали ее правильность; события п о ш л и именно таким путем, что на первой международной социалистической конференции оказались представленными протестующие элементы меньшинства (Германии, Франции, Швеции, Норвегии), действующие в о п р е к и решениям официальных партий, то-есть фактически действующие раскольнически.

Итоги работы конференции состоят в манифесте и в резолюции сочувствия арестованным и преследуемым. Оба эти документа напечатаны в этом № „С.-Д.“. Конференция отклонила, 19 голосами против 12, сдачу в комиссию проекта резолюции, предложенного нами и другими революционными марксистами, а наш проект манифеста сдали в комиссию вместе с двумя другими для выработки общего манифеста. Читатель найдет в другом месте данного номера оба наши проекта, сличение которых с принятым манифестом явно указывает на то, что ряд основных мыслей революционного марксизма удалось провести.

Принятый манифест фактически означает шаг к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Но в то же время этот манифест, как покажет его разбор, страдает непоследовательностью и недоговоренностью.

Манифест объявляет войну империалистской, отмечая два признака этого понятия: стремление капиталистов к а ж д о й нации к прибыли, к эксплоатации; стремление великих держав к разделу мира и к „порабощению“ слабых наций. Самое существенное из того, что надо сказать об империалистском характере войны и что сказано в нашей резолюции, здесь повторено. Манифест в этой своей части только п о п у л я р и з и р у е т нашу резолюцию. Популяризация — вещь полезная, бесспорно. Но если мы хотим добиваться ясности мысли рабочего класса, если мы придаем значение систематической, упорной пропаганде, то надо точно и полно устанавливать те принципы, которые должны быть популяризуемы. Не делая этого, мы рискуем повторить именно ту ошибку, тот грех II Интернационала, который породил его крах, именно: мы оставляем место для

двусмысленностей и кривотолков. Например, можно ли отрицать, что выраженная в резолюции мысль о зрелости объективных предпосылок социализма имеет существенное значение? В „популярном“ изложении манифеста она опущена; попытка соединить в одно ясную и точную принципиальную резолюцию с воззванием не удалась.

„Капиталисты всех стран... утверждают, что война служит защите отечества... Они лгут...“ Так продолжает манифест. Опять-таки это прямое объявление „ложью“ основной идеи оппортунизма в данной войне, идеи „защиты отечества“, есть повторение самой существенной мысли из резолюции революционных марксистов. И опять-таки получается обидная недоговоренность, какая-то робость, боязнь сказать всю правду. Кто же не знает теперь, после года войны, что действительной бедой для социализма явилось повторение и поддержка лжи капиталистов не только капиталистической печатью (на то она и капиталистическая, чтобы повторять ложь капиталистов), но и большей частью социалистической печати? Кто не знает, что не „ложь капиталистов“ вызвала величайший кризис европейского социализма, а ложь Гэда, Гайндмана, Вандервельде, Плеханова, Каутского? Кто не знает, что ложь именно таких вождей доказала внезапно всю силу оппортунизма, увлекшего их за собой в решительный момент?

Посмотрите, что получается. Для популярности широким массам говорят, что идея обороны отечества в данной войне есть ложь капиталистов. Но ведь массы в Европе не безграмотны, и почти все читающие манифест слышали и слышат именно эту ложь от сотен социалистических газет, журналов, брошюр, повторяющих ее за Плехановым, Гайндманом, Каутским и К°. Что же подумают читатели манифеста? Какие мысли придут им в голову от этого наглядного демонстрирования робости авторов манифеста? Не слушайтесь капиталистической лжи о защите отечества, — учит рабочих манифест. Хорошо. Почти все ответят или подумают про себя: ложь капиталистов нас давно перестала смущать, а вот ложь Каутского и К°...

А дальше манифест повторяет еще одну существенную мысль нашей резолюции, говоря, что социалистические партии и рабочие организации разных стран „попрали обязательства, вытекающие из решений конгрессов в Штуттгарте, Копенгагене, Базеле“, что также не исполнило своего долга Межд. Соц. Бюро, что это неисполнение долга состояло в голосовании

кредитов, в участии в министерстве, в признании „гражданского мира“ (манифест называет подчинение ему рабским, т.-е. обвиняет Гэда, Плеханова, Каутского и К° в замене проповеди социализма проповедью рабских идей).

Спрашивается, последовательно ли это: говорить в популярном манифесте о нарушении своего долга рядом партий, — общеизвестно, что речь идет о сильнейших партиях и рабочих организациях всех самых передовых стран, Англии, Франции, Германии, — и не давать объяснения этому поразительному, неслыханному и невиданному факту? Неисполнение своего долга большинством соц. партий и самим М. С. Бюро! Что же это? Случайность и крах отдельных лиц? Или это перелом целой эпохи? Если первое, если мы допускаем в массах подобную мысль, это равняется нашему отречению от основ социалистического учения. Если второе, как же можно не сказать об этом прямо? Всемирно-исторический момент, крах всего Интернационала, перелом целой эпохи, а мы боимся сказать массам, что надо искать и разыскать всю правду, что надо додумывать свои мысли до конца, что нелепо и смешно допускать предположение о крахе М. С. Бюро и ряда партий без связи этого явления с длительной историей возникновения, роста, созревания и перезревания общеевропейского оппортунистического течения, имеющего глубокие экономические корни, — глубокие не в смысле неразрывной связи его с массами, а в смысле связи с определенным слоем общества.

Переходя к „борьбе за мир“, манифест заявляет: „эта борьба есть борьба за свободу, за братство народов, за социализм“, и дальше поясняет, что на войне рабочие приносят жертвы „на службу господствующим классам“, а надо уметь приносить жертвы „за свое дело“ (дважды подчеркнуто в манифесте), „за священные цели социализма“, а в резолюции о симпатии борцам, арестованным и преследуемым, говорится, что „конференция торжественно обязуется чтить этих живых и умерших борцов подражанием их примеру, и что она ставит задачей „будить революционный дух в международном пролетариате“.

Все эти мысли есть повторение той существенной мысли нашей резолюции, что борьба за мир без революционной борьбы есть пустая, лживая фраза, что единственный путь к избавлению от ужасов войны заключается в революционной борьбе за социализм. И опять недоговоренность, непоследовательность, робость: звать массы подражать революционным

борцам, объявлять, что пятеро осужденных на ссылку в Сибирь членов Р. С.-Д. Р. фракции[137]) продолжали „славные революционные традиции России“, провозглашать необходимость „будить революционный дух“ и... не говорить прямо, открыто, определенно о революционных средствах борьбы.

Следовало ли нашему Ц.К. подписывать страдающий непоследовательностью и робостью манифест? Мы думаем, что да. О нашем несогласии, — о несогласии не только Ц.К. но всей левой, международной, революционно-марксистской части конференции,—сказано открыто и в особой резолюции, и в особом проекте манифеста, и в особом заявлении по поводу голосования за компромиссный манифест. Мы не скрыли ни иоты из своих взглядов, лозунгов, тактики. На конференции было роздано немецкое издание брошюры „Социализм и война“. Мы распространили, распространяем и будем распространять наши взгляды не менее, чем будет распространяться манифест. Что этот манифест делает шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, это факт. Было бы сектанством отказываться сделать этот шаг вперед вместе с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего*); было бы плохой военной тактикой отказаться итти вместе с растущим международным движением протеста против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает „только“ один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг назад, пойти на мир со старым М. С. Бюро. Готовность мириться с оппортунистами есть пока только пожелание, не более. Согласятся ли оппортунисты на мир? Возможен ли он, объективно, между расходящимися все глубже и глубже течениями социал-шовинизма, каутскизма и революционного интернационалистского марксизма? Мы думаем, что нет, и мы поведем и дальше свою линию, ободренные успехом ее на конференции 5—8/IX.

Ибо успех нашей линии несомненен. Сравните факты. В сентябре 1914 г. манифест нашего Ц.К. — как будто одинокий.

*) А что „О.К.“ и эс-эры подписали манифест, как дипломаты, сохраняя все свои связи — и всю свою связанность — с „Нашей Зарей“, Рубановичем и июльской (1915 г.) конференцией н.-с. и с.-р. в России.—это нас не пугает. Мы имеем достаточно возможности бороться с гнилой дипломатией и разоблачать ее. Она сама все более разоблачает себя. „Наша Заря“ и фракция Чхеидзе помогают нам разоблачать Аксельрода и К°.

В январе 1915 г. международная женская конференция с бедной пацифистской резолюцией, за которой слепо идет О.К. В сентябре 1915 г. мы сплачиваемся в целую группу международной левой, выступаем со своей тактикой, проводим ряд основных наших идей в общем манифесте, участвуем в образовании И.С.К. (Инт. Соц. Комиссии), т.-е. фактически нового М. С. Бюро, вопреки воле старого, на базе манифеста, прямо осуждающего тактику старого.

Рабочие России, которые в подавляющем большинстве шли за нашей партией и ее Ц.К. еще в 1912—1914 годах, увидят теперь на опыте международного социалистического движения, что наша тактика подтверждается и на более широкой арене, что наши основные идеи разделяются все более и более обширной и лучшей частью пролетарского Интернационала.

11 октября 1915 г.

Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.[138]).

Идейная борьба на конференции шла между сплоченной группой интернационалистов, революционных марксистов и колеблющимися почти-каутскианцами, составлявшими правый фланг конференции. Сплочение указанной группы — один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции. После целого года войны единственным течением в Интернационале, которое выступало с вполне определенной резолюцией, — а также с основанным на ней проектом манифеста, — и объединило последовательных марксистов России, Польши, Латышского края, Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Голландии, оказалось течение, представленное нашей партией.

Какие же доводы были выдвигаемы против нас колеблющимися? Немцы признавали, что мы идем навстречу революционным битвам, но, — говорили они, — о таких вещах, как братанье в траншеях, политические стачки, уличные демонстрации, гражданская война, не надо кричать на весь мир. Это делают, но об этом не говорят. А другие добавляли: это — ребячество, это — вспышкопускательство.

За эти до смешного, до неприличного противоречивые и уклончивые речи немецкие полу-каутскианцы наказали сами себя, приняв выражение симпатии и заявление о необходи-

мости подражать членам Р. С.-Д. Р. фракции, которые как раз распространяли наш ц. о. „С.-Д.“, „кричавший на весь мир“ о гражданской войне.

Вы поступаете по дурному примеру Каутского, отвечали мы „немцам“: на словах — признание грядущей революции, на деле — отказ от того, чтобы говорить массам прямо о ней, звать к ней, намечать самые конкретные средства борьбы, которые масса испытывает, узаконяет в ходе революции. Маркс и Энгельс из-за границы, — немецким филистерам казалось ужасным, что о революционных средствах борьбы хотят говорить из-за границы! — в 1847 году, в знаменитом „Манифесте Коммунистической Партии“, звали к революции, говорили прямо и открыто о применении насилия, объявляли „презренным“ делом сокрытие своих революционных целей, задач и приемов борьбы. Революция 1848 г. доказала, что только Маркс и Энгельс подходили к событиям с верной тактикой. В России за несколько лет до революции 1905 г., в старой „Искре“ 1901 г., Плеханов, бывший тогда марксистом, писал в статье, шедшей без подписи, как выражение взглядов всей редакции, о грядущем восстании и о таких путях подготовки его, как уличные демонстрации, и даже о таких технических приемах, как употребление проволоки для борьбы с кавалерией. Революция в России доказала, что только старые „искровцы“ подходили к событиям с верной тактикой. И теперь одно из двух. Либо мы действительно твердо убеждены, что война создает в Европе революционную ситуацию, что вся экономическая и социально-политическая обстановка империалистской эпохи ведет к революции пролетариата. — Тогда наш безусловный долг разъяснять массам необходимость революции, звать к ней, создавать соответствующие организации, не бояться говорить самым конкретным образом о различных приемах насильственной борьбы и об ее „технике“. Этот наш безусловный долг не зависит от того, будет ли революция достаточно сильна, и наступит ли она в связи с 1-й или 2-й империалистской войной и т. п. Либо мы не уверены в том, что ситуация революционна, — и тогда нечего попусту употреблять слова о войне с войной. Тогда мы на деле — национал-либеральные рабочие политики зюдекумо-плехановского или каутскианского оттенка.

Французские делегаты тоже заявили, что, по их убеждению, теперешнее положение дел в Европе приведет к революции. „Но, — говорили они, — мы пришли сюда не затем, чтобы „давать формулу III Интернационала“, это во-1-х; а во-2-х,

французский рабочий „не верит никому и ни во что"; он развращен и пресыщен анархистской и эрвеистской фразой. Первый довод неразумен, ибо в общем компромиссном манифесте все же „дана формула" III Интернационала, только непоследовательная, недоговоренная, недодуманная. Второй довод очень важен, как серьезный фактический довод учета особого положения Франции — не в смысле обороны отечества и нашествия неприятеля, а в смысле „больных мест" французского рабочего движения. Но из этого учета вытекало бы лишь то, что французские социалисты, может быть, медленнее подходили бы к общеевропейским революционным выступлениям пролетариата, а вовсе не то, что эти действия не нужны. Вопрос о том, с какой быстротой пролетариат разных стран, каким путем, в каких особых формах способен совершать переход к революционным действиям, этот вопрос вовсе и не ставился на конференции, да и нельзя было его ставить. Нет еще данных для него. Наше дело пока — сообща проповедывать верную тактику, а там события покажут темп движения и видоизменения (национальные, локальные, профессиональные) общего русла. Если французский пролетариат развращен анархической фразой, то он развращен также и мильеранизмом; и не наше дело усиливать это развращение недомолвками манифеста.

Не кто иной, как сам Мергейм [139]), обронил характерную и глубоко верную фразу: „партия (социалистическая), Жуо [140]) (секретарь генеральной конфедерации труда) и правительство, это — три головы под одним колпаком". Это — правда. Это — факт, доказанный годичным опытом борьбы французских интернационалистов с партией и с г. г. Жуо. Но вывод отсюда только один: нельзя бороться с правительством, не борясь с партиями оппортунистов и с главарями анархосиндикализма. А задачи этой борьбы общий манифест, в отличие от нашей резолюции, только наметил, но не договорил до конца.

Один итальянец, возражая против нашей тактики, сказал: „ваша тактика является либо слишком поздно (ибо война уже начата), либо слишком рано" (ибо война еще не породила условий революции), и притом вы предлагаете „изменение программы" Интернационала, ибо всегда вся наша пропаганда велась „против насилия". Нам легко было ответить на это цитатой из „En Garde" („На-страже") Жюля Гэда, что никогда ни один влиятельный вождь II Интернационала не отрицал применения насилия и непосредственно революционных при-

емов борьбы вообще. Всегда все говорили, что легальная борьба, парламентаризм, и восстание взаимно связаны и неизбежно должны переходить друг в друга, смотря по изменению условий движения. Кстати из той же книги „En Garde“ была приведена нами цитата из речи Гэда 1899 года, где он говорит о вероятности войны из-за рынков, колоний и т. п., указывая при этом, что если бы при такой войне оказались налицо Мильераны французский, немецкий, английский, то „что сталось бы с интернациональной солидарностью пролетариата?“. Гэд заранее осудил сам себя этой речью. А что касается до „несвоевременности“ проповеди революции, то это возражение покоится на обычном у романских социалистов смешении понятий: начало революции они смешивают с открытой и прямой проповедью ее. В России начало революции 1905 года никто не признает ранее 9-го января 1905 г., а революционная проповедь в самом узком смысле, пропаганда и подготовка массовых выступлений, демонстраций, стачек, баррикад велась годами до этого. Например, старая „Искра“ с конца 1900 года вела эту проповедь, как Маркс вел ее с 1847 г., когда о начале революции в Европе не могло быть еще и речи.

Когда революция уже началась, тогда ее „признают“, и либералы, и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее. Революционеры до наступления революции предвидят ее, сознают ее неизбежность, учат массы ее необходимости, разъясняют массам пути и способы ее.

Ирония истории сделала так, что именно Каутский и его друзья, пытавшиеся прямо вырвать из рук Гримма созыв конференции, пытавшиеся прямо сорвать конференцию левых (ближайшие друзья Каутского совершали даже поездки для этой цели, что было разоблачено Гриммом на конференции), именно они толкнули конференцию влево. Оппортунисты и каутскианцы своей практикой доказывают правильность позиции, занятой нашею партией.

11 октября 1915 г.

О двух линиях революции.

В „Призыве“ [141]) № 3 г. Плеханов пытается поставить основной теоретический вопрос о грядущей революции в России. Он берет одну цитату из Маркса, где говорится, что революция 1789 г. во Франции шла по восходящей линии,

а 1848 г. по нисходящей. В первом случае власть переходила постепенно от более умеренной партии к более левой: конституционалисты — жирондисты — якобинцы. Во втором — наоборот (пролетариат — мелкобуржуазные демократы — буржуазные республиканцы — Наполеон III). „Желательно, — умозаключает наш автор, — направить русскую революцию по восходящей линии", т.-е. чтобы власть сначала перешла к кадетам и октябристам, потом к трудовикам, затем к социалистам. Вывод из этого рассуждения делается, конечно, тот, что неразумны левые в России, не желающие поддерживать кадетов и преждевременно дискредитирующие их.

Это „теоретическое" рассуждение г. Плеханова представляет из себя еще и еще один образец подмена марксизма либерализмом. Г. Плеханов сводит дело к вопросу, „правильны" или неправильны были „стратегические понятия" передовых элементов? Маркс рассуждал иначе. Он указывал факт: революция в обоих случаях шла по-разному, а объяснение этой разницы Маркс не искал в „стратегических понятиях". Смешно, с точки зрения марксизма, искать ее в понятиях. Ее надо искать в различии соотношения классов. Тот же самый Маркс писал, что в 1789 г. буржуазия во Франции соединилась с крестьянством, и что в 1848 г. мелкобуржуазная демократия изменила пролетариату. Г. Плеханов знает это мнение Маркса, но молчит о нем, чтобы подделать Маркса „под Струве". Во Франции 1789 г. дело шло о свержении абсолютизма и дворянства. Буржуазия, на тогдашней ступени экономического и политического развития, верила в гармонию интересов, не боялась за прочность своего господства и шла на союз с крестьянством. Этот союз обеспечил полную победу революции. В 1848 г. дело шло о свержении буржуазии пролетариатом. Последнему не удалось привлечь к себе мелкой буржуазии, и ее измена вызвала поражение революции. Восходящая линия была в 1789 г. формой революции, в которой масса народа победила абсолютизм. Нисходящая линия 1848 г. была формой революции, когда измена пролетариату со стороны массы мелкой буржуазии вызвала поражение революции.

Г. Плеханов марксизм подменил вульгарным идеализмом, сводя дело к „стратегическим понятиям", а не к соотношению классов.

Опыт русской революции 1905 года и контр-революционной эпохи после нее говорит нам, что у нас наблюдались две

линии революции в смысле борьбы двух классов, пролетариата и либеральной буржуазии, за руководящее влияние на массы. Пролетариат выступал революционно и вел за собой демократическое крестьянство на свержение монархии и помещиков. Что крестьянство проявляло революционные стремления в демократическом смысле, это доказали в массовых размерах все крупные политические события: и крестьянские восстания 1905 — 1906 гг., и военные волнения тех же лет, и „крестьянский союз“ 1905 г., и обе первые Думы, где крестьяне-трудовики выступали не только „левее кадетов“, но и революционнее интеллигентов — с.-р. и трудовиков. Об этом, к сожалению, часто забывают, но это — факт. И в 3-й, и в 4-й Думах крестьяне-трудовики показали, при всей их слабости, что деревенские массы настроены против помещиков.

Первая линия русской буржуазно-демократической революции, взятая из фактов, а не из „стратегической“ болтовни, состояла в том, что решительно боролся пролетариат, нерешительно шло за ним крестьянство. Шли оба эти класса против монархии и против помещиков. Недостаток силы и решительности этих классов вызвал поражение (хотя частичная брешь в самодержавии была все же пробита).

Второй линией было поведение либеральной буржуазии. Мы, большевики, всегда говорили, особенно с весны 1906 года, что ее представляют кадеты и октябристы, как единая сила. Десятилетие 1905 — 1915 гг. подтвердило наш взгляд. В решающие моменты борьбы кадеты в месте с октябристами изменяли демократии и „шли“ помогать царю и помещикам. „Либеральная“ линия русской революции состояла в „успокоении“ и раздроблении борьбы масс, ради примирения буржуазии с монархией. И международная обстановка русской революции, и сила русского пролетариата делали такое поведение либералов неизбежным.

Большевики сознательно помогали пролетариату итти по первой линии, бороться с беззаветной смелостью и вести за собой крестьянство. Меньшевики скатывались постоянно на вторую линию, развращая пролетариат приспособлением его движения к либералам, начиная с приглашения итти в булыгинскую Думу (август 1904 г.), кончая кадетским министерством 1906 г. и блоком с кадетами против демократии в 1907 г. (С точки зрения г. Плеханова — заметим в скобках — „правильные стратегические понятия“ кадетов и меньшевиков потерпели тогда поражение. Почему же? Почему массы

не послушались мудрого г. Плеханова и кадетских советов, распространявшихся раз во сто шире, чем советы большевиков?).

Только эти течения, большевистское и меньшевистское, одни только они проявили себя в политике масс в 1904—1908 гг., как и после, в 1908—1914 годах. Почему? Потому, что только эти течения имели прочные классовые корни, первое — пролетарские, второе — либерально-буржуазные.

Теперь мы снова идем к революции. Это все видят. Сам Хвостов говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 годы. И опять перед нами те же две линии революции, то же соотношение классов, только видоизмененное изменившейся международной обстановкой. В 1905 г. вся европейская буржуазия была за царизм и помогала ему кто миллиардами (французы), кто подготовкой контр-революционной армии (немцы). В 1914 г. разгорелась европейская война; буржуазия повсюду победила, на-время, пролетариат, захлестнула его мутным потоком национализма и шовинизма. В России мелкобуржуазные народные массы, главным образом крестьянство, составляют попрежнему большинство населения. Они угнетены в первую голову помещиками. Они политически частью спят, частью колеблются между шовинизмом („победа над Германией“, „оборона отечества“) и революционностью. Политическими выразителями этих масс — и этих колебаний — являются, с одной стороны, народники (трудовики и с.-р.), с другой — оппортунисты с.-д. („Наше Дело“, Плеханов, фракция Чхеидзе, О.К.), которые с 1910 года решительно покатились по дорожке либеральной рабочей политики и к 1915 году докатились до социал-шовинизма гг. Потресова, Череванина, Левицкого, Маслова или до требования „единства“ с ними.

Из этого фактического положения вытекает с очевидностью задача пролетаритата. Беззаветно смелая революционная борьба против монархии (лозунги конференции января 1912 г., „три кита“),— борьба, увлекающая за собой все демократические массы, т.-е., главным образом, крестьянство. А вместе с тем беспощадная борьба с шовинизмом, борьба за социалистическую революцию Европы в союзе с ее пролетариатом. Колебания мелкой буржуазии не случайны, а неизбежны, они вытекают из ее классового положения. Военный кризис усилил экономические и политические факторы, толкающие ее — и крестьянство в том числе — влево. В этом объективная основа полной возможности победы демократической революции в России. Что

в Западной Европе вполне созрели объективные условия социалистической революции, этого нам нет надобности доказывать здесь; это признавали до войны все влиятельные социалисты во всех передовых странах.

Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии. От этой задачи уклоняется О.К. который в России остается верным союзником „Нашего Дела“ и заграницей бросает ничего не значащие „левые“ фразы. Эту задачу неправильно решает в „Нашем Слове“ Троцкий, повторяющий свою „оригинальную“ теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — „отрицание“ роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала; в России невозможна „национальная“ революция: „мы живем в эпоху империализма“, а „империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации“.

Вот — забавный пример „игры в словечко“: империализм. Если в России уже противостоит пролетариат „буржуазной нации“, тогда, значит, Россия стоит прямо перед социалистической революцией!! Тогда неверен логунг „конфискации помещичьих земель“ (повторяемый Троцким в 1915 г. вслед за январской конференцией 1912 г.), тогда надо говорить не о „революционном рабочем“, а о „рабочем социалистическом“ правительстве!! До каких пределов доходит путаница у Троцкого, видно из его фразы, что решительностью пролетариат увлечет и „*не*пролетарские (!) народные массы“ (№ 217)!! Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением „национальной буржуазной революции“ в России, это будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства!

Все десятилетие — великое десятилетие — 1905 — 1915 гг. доказало наличность двух, и только двух, классовых линий русской революции. Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский (на особой его организации большевики настаивали

с 1906 года и ввели это требование в резолюцию Стокгольмского меньшевистского съезда). Но антагонизм „крестьянства“ и Марковых — Романовых — Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это — такая очевидная истина, что даже тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не „опровергнут“ ее. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под „отрицанием“ роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию!

А в этом сейчас гвоздь. Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то-есть за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие „*не*пролетарских народных масс“ в освобождении буржуазной России от военно-феодального „империализма“ (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борье с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы.

20 ноября 1915 г.

Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами [142])

Как относятся политические факты к политической литературе? Политические события к политическим лозунгам? Политическая действительность к политической идеологии? Эти вопросы имеют в настоящее время самое коренное значение для понимания всего кризиса Интернационала, ибо всякий кризис, даже всякий перелом в развитии неизбежно ведет к несоответствию старой формы с новым содержанием. Мы не говорим уже о том, что буржуазное общество постоянно вскармливает таких политиков, любящих называть себя внеклассовыми, и таких оппортунистов, любящих называть себя социалистами, которые умышленно и систематически обманывают массы самыми пышными, самыми „левыми“ словами. Но в эпоху кризиса даже у добросовестных участников его наблюдается сплошь да рядом расхождение слова с делом. И великое прогрессивное значение всяких кризисов, даже самых тяжелых, трудных и болезненных, состоит, между прочим, именно в том, что они с великолепной быстротой, силой, наглядностью разоблачают

и отметают прочь гнилые — хотя бы и добросовестные — слова, гнилые — хотя бы и построенные на базе наилучших намерений — учреждения.

В жизни российской с.-д. самый крупный факт теперь — выборы питерских рабочих в военно-промышленный комитет. Впервые за время войны и только эти выборы притянули действительно массы пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину того, что есть в с.-д., как массовой партии. Оказалось, что есть два, всего только два течения: одно — революционно-интернационалистское, действительно пролетарское, организованное нашей партией, оно было против обороны; другое, „оборонческое“ или социал-шовинистское, было блоком „нашедельцев“ (т.-е. главного ядра ликвидаторов), плехановцев, народников и беспартийных, при чем весь этот блок поддерживала вся буржуазная печать и все черносотенцы в России, доказав тем буржуазную, а не пролетарскую, сущность политики этого блока.

Таковы факты. Такова действительность. А лозунги и идеология? Питерское „Раб. Утро“ [143]), № 2, 22/X, сборник „окистов“ („Интернационал и война“ № 1, 30/XI. 1915), последние номера „Нашего Слова“ дают ответ, над которым должен подумать и еще подумать всякий интересующийся политикой не так, как гоголевский Петрушка интересовался чтением.

Посмотрим же на содержание и значение этой идеологии.

Питерское „Раб. Утро“ — самый важный документ. Здесь сидят главари ликвидаторства и социал-шовинизма вкупе с доносчиком г. Гвоздевым [144]). Эти люди знают досконально все, что предшествовало выборам 27/IX и что было на этих выборах. Эти люди могли накинуть флёр на свой блок с плехановцами, народниками и беспартийными, и они накинули флёр, они ни звука не сказали ни о значении этого блока, ни о численном соотношении различных элементов его. Им выгодно было скрыть такую „мелочь“ (данные об этом, несомненно, были у г. Гвоздева и его друзей из „Раб. Утра“), и они скрыли ее. Но выдумать третьей группы, кроме 90 и 81, они не могли, лгать на месте, в Питере, перед лицом рабочих, сочиняя „третью“ группу, о которой рассказывает басни „копенгагенский аноним“ на страницах немецкой печати и „Нашего Слова“, — невозможно, ибо не сошедшие с ума люди не лгут, если знают, что разоблачение лжи неизбежно тут же и тотчас же. Поэтому „Раб. Утро„ печатает статью К. Оранского (старый знакомый): „Две позиции“,

робнейшим образом разбирает обе позиции, группы 90 и группы 81, ни единым словом не упоминая о 3-й позиции. Кстати: цензура изуродовала № 2 „Рабочего Утра“ почти сплошь; белых полос чуть ли не больше, чем уцелевших, но из статей пощажены именно те, только те две статьи, — „Две позиции“ и фельетон, по-либеральному извращающий историю 1905 года, — в которых ругают большевиков за „анархизм“ и „бойкотизм“. Царскому правительству выгодно, чтобы такие вещи писались и печатались. Такие речи пользуются не случайно монополией легальности всюду, от деспотической России до республиканской Франции!

Какими же доводами защищает „Рабочее Утро“ свою позицию „оборончества“ или „социал-шовинизма“? Исключительно увертками, исключительно интернационалистскими фразами!! Наша-де позиция вовсе не „национальная“, вовсе не „оборонческая“, у нас лишь выражено — „нисколько не выраженное в первой позиции“ (т.-е. в позиции группы 90) — „небезразличное“ „отношение к положению страны“, „к спасению“ ее „от разгрома и гибели“. Наша-де позиция была „действительно международная“, указывала пути и средства „освобождения“ страны, мы „одинаково (!! с первой позицией) оценивали происхождение войны и ее социально-политическую сущность“, мы „одинаково (!! с первой позицией) намечали общую проблему международной организации и международной работы пролетариата“ (не шутите!) „и демократии во время войны, во все без исключения периоды развития мирового конфликта“. Мы-де заявляли в нашем наказе, что „в данной общественно-политической обстановке рабочий класс не может взять на себя никакой ответственности за оборону страны“, мы „решительно присоединялись прежде всего к международным задачам демократии“, „внесли свою лепту*) в живую струю стремлений, имеющих своими этапами Копенгаген и Циммервальд“ (вот как мы!). Мы-де за лозунг „мира без аннексий“ (курсив „Рабочего Утра“). Мы „противопоставили абстрактности и космополитическому анархизму первого течения реализм и международность своей позиции, своей тактики“.

Не правда ли, ведь, это — сплошь перлы! Но в этих перлах, кроме безграмотности и репетиловского вранья, есть совершенно трезвая и правильная, с точки зрения буржуазии, дипломатия. Чтобы влиять на рабочих, буржуа должны наряжаться социалистами, эсдеками, интернационалистами и т. д., иначе влиять невозможно. И „Рабочее Утро“ наряжается, подкра-

*) В сборнике „Против течения“ стоит: „логику“. Ред.

живается, румянится, прихорашивается, делает глазки, ни перед чем не останавливаясь! Мы готовы подписать хоть сто раз и циммервальдский манифест (пощечина тем из циммервальдцев, которые подписали этот манифест, не борясь с его робостью и не делая оговорок!), и какую-угодно резолюцию об империалисткой сущности войны, и любую присягу в своем „интернационализме“ и в своей „революционности“ („освобождение страны“ в подцензурной печати = революция в нелегальной), — лишь бы... лишь бы нам не мешали звать рабочих к участию в военно-промышленных комитетах, т.-е. к тактическому участию в грабительской, реакционной („оборонительной“) войне.

Только это есть дело, все остальное — слова. Только в этом суть, все остальное — фразы. Только это нужно полиции, царской монархии, Хвостову и буржуазии. Умные буржуа в более умных странах терпимы к интернационалистской и социалистической фразе, лишь бы было участие в обороне: припомните отзывы французских реакционных газет о лондонской конференции социалистов „тройственного согласия“. „Это у господ социалистов, знаете ли, вид „тика“, — писала одна из этих газет, — вид нервной болезни, когда люди непроизвольно повторяют один жест, одно движение мускулов, одно слово. Вот и „наши“ социалисты не могут ни о чем говорить, не повторяя словечек: мы интернационалисты, мы за социальную революцию. Это не опасно! Это только „тик“, а „нам“ важно то, что они за оборону отечества“.

Так рассуждали умные французские и английские буржуа: если участие в грабительской войне защищают фразами о демократии, социализме и т. п., то разве же это в самом деле не выгодно для хищников-правительств, для империалистской буржуазии? Разве барину не выгодно иметь лакея, который бы божился и клялся перед народом, что барин всю свою жизнь отдает попечению о народе и любви к нему?

„Рабочее Утро“ клянется Циммервальдом и на словах отгораживается от плехановцев, заявляя (№ 2), что оно „во многом не согласно“ с ними, а на деле соглашается с ними в основном, на деле идет вместе с ними, вместе со своей буржуазией, в „оборонческие“ учреждения шовинистской буржуазии.

Орг. Ком. не только клянется Циммервальдом, а „подписывается“ и расписывается по всей форме, не только отгораживается от плехановцев, но даже выпускает какого-то анонима А. М., который, спрятавшись за свою анонимность, как за подворотню, пишет: „мы, примыкающие“ (может быть, А. М. это целых два „при-

мыкающих"?) „к августовскому блоку, считаем нужным заявить: организация „Призыв" далеко перешагнула за пределы терпимого в нашей партии, как мы их понимаем, и членам групп содействия „Призыву" не должно быть места в рядах организаций августовского блока". Ну, храбрые же эти „примыкающие" А. М., так и режут правду-матку открыто в лицо!

Из пяти лиц, составляющих „Заграничный. Секретариат" Орг. Ком., издавший цитируемый сборник, ни одно не пожелало заявить столь храброй вещи! Выходит, что пятерка секретарей против разрыва с Плехановым (еще не так давно П. Аксельрод заявлял, что меньшевик Плеханов ему ближе большевиков интернационалистов), но, боясь рабочих и не желая портить своей „репутации", предпочитает молчать об этом, выпуская, однако, одного или двух анонимных примыкающих, чтобы они поблистали дешовым и безопасным интернационализмом...

С одной стороны, отдельные секретари, А. Мартынов [154]), Л. Мартов, Астров, полемизируют с „Нашим Делом", а Мартов даже высказался против участия в военно-промышленных комитетах от своего личного имени. С другой стороны, бундовец Ионов, считающий себя более „левым", чем отражающий действительную политику Бунда Коссовский, и потому охотно выдвигаемый бундистами для прикрытия их национализма, проповедует „дальнейшее развитие старой тактики" (II Интернационала, приведшей к краху его), „но отнюдь не ликвидацию ее". Редакция помещает двусмысленные, ничего не говорящие дипломатически-увертливые оговорочки к статье Ионова, не возражая против ее с у т и, против защиты гнилого и оппортунистического в „старой тактике". Анонимные А. М., „примыкающие" к августовскому блоку, прямо з а щ и щ а ю т „Нашу Зарю": она-де хотя и „уклонилась" от интернационалистской позиции, но „отвергла" (?) политику Burgfrieden'а для России, признала необходимость немедленного восстановления интернациональных связей и, как нам" („примыкающим" анонимным А. М.) „известно, одобрила исключение Манькова из думской фракции". Превосходная защита! И мелкобуржуазные народники за восстановление связей, и Керенский против Манькова, а назвать людей, высказавшихся за „непротиводействие войне", отвергающими политику гражданского мира (Burgfrieden) — значит обманывать рабочих пустыми словами.

Редакция сборника Орг. Ком. выступает, как целое, со статьей „Опасные тенденции". Вот образец политической увертливости! С одной стороны, громкие левые фразы против авторов оборон-

ческих воззваний (московских и петроградских социал-шовинистов). С другой стороны, „трудно судить, из каких партийных кругов вышли обе декларации!!“. На самом деле, нет ни тени сомнения, что они вышли „из кругов“ „Нашего Дела“, хотя сотрудники этого легального журнала, конечно, неповинны в составлении нелегальной декларации... Окисты подменили вопрос об идейных корнях этих деклараций, о полном тождестве этих корней с течением ликвидаторства, социал-шовинизма, „нашедельства“, — нелепым, крючкотворским и никому, кроме полиции, ненужным вопросом о личном авторстве членов того или иного кружка. С одной стороны, редакция гремит и грозит: сплотим ряды, интернационалисты августовского блока, для „самого энергичного противодействия оборонческим тенденциям“ (129), для „непримиримой борьбы“ (126); а, с другой стороны, тут же, рядом, шулерская фраза: „Линия думской фракции, поддерживаемой Орг. Ком., не встречала“ (до сих пор) „открытой оппозиции“ (129)!!

А эта линия, как это хорошо известно самим авторам, состоит в отсутствии линии и в прикрытой защите „Нашего Дела“ и „Рабочего Утра“...

Возьмите самую „левую“ и самую „принципиальную“ статью сборника, написанную Л. Мартовым. Достаточно привести одну фразу автора, выражающую главную мысль, чтобы убедиться в том, какова его принципиальность. „Само собою разумеется, что, если бы нынешний кризис привел к победе демократической революции, к республике, характер войны коренным образом изменился бы“ (116). Это — сплошная и вопиющая неправда. Мартов не мог не знать, что демократическая революция и республика суть буржуазно-демократические революция и республика. Характер войны между буржуазными и империалистскими великими державами ни на иоту не изменился бы, если бы в одной из этих держав быстро был сметен империализм военно-абсолютистски-феодальный, ибо от этого не исчез, а только усилился бы империализм чисто-буржуазный. Поэтому наша газета в № 47, тезис 9, и заявила, что партия пролетариата России не станет защищать в данной войне даже отечества республиканцев и революционеров, пока они — шовинисты, как Плеханов, народники, Каутский, нашедельцы, Чхеидзе, Орг.Ком. и т. п.

И нисколько не спасает Мартова уклончивая фраза в примечании на стр. 118, где он, вопреки сказанному им на стр. 116, „сомневается“, может ли буржуазная демократия вести борьбу „против международного империализма“ (конечно, не может);

„сомневается“, не превратит ли буржуазия республику 1793 года [146]) в республику Гамбетты [147]) и Клемансо [148]). Основная теоретическая фальшь здесь остается: в 1793 году передовой класс буржуазной революции во Франции воевал с дореволюционными монархиями Европы. Россия же 1915 года воюет не с более отсталыми, а с более передовыми странами, которые стоят накануне социалистической революции. Значит, сыграть роль якобинцев 1793 года может в войне 1914—1915 г.г. только пролетариат, совершающий победоносную социалистическую революцию. Значит, русский пролетариат в теперешней войне мог бы „защищать отечество“, мог бы счесть „характер войны коренным образом изменившимся “исключительно в том случае, если бы революция именно партию пролетариата поставила у власти, именно этой партии позволила бы всю силу революционного подъема и государственного аппарата направить на немедленное и непосредственное осуществление союза с социалистическим пролетариатом Германии и Европы (№ 47 „Социал-Демократа“, тезис 11).

Мартов заканчивает свою эффектными фразами жонглирующую статью эффектнейшим призывом к „российской с.-д.“ „в самом начале политического кризиса занять ясную революционно-интернационалистскую позицию“. Если читатель желает проверить, не гнилушка ли скрывается под этой эффектной вывеской, пусть он поставит себе вопрос: что значит вообще занять позицию в политике? (1) Дать оформленную от имени организации (хотя бы „пятерки“ секретарей) оценку момента и тактики, ряд резолюций; (2) дать боевой лозунг момента; (3) связать то и другое с действием пролетарских масс и их сознательного авангарда. Мартов и Аксельрод, идейные вожди „пятерки“, не только не дают ни первого, ни второго, ни третьего, но дают фактически во всех этих трех областях поддержку социал-шовинистам, прикрытие их! За 16 месяцев войны пятеро заграничных секретарей не заняли ни „ясной“, ни вообще никакой программно-тактической позиции. Мартов качается то влево, то вправо, Аксельрод гнет только вправо (см. его немецкую брошюру особенно). Ничего ясного, ничего оформленного, ничего организованного, никакой позиции! „Центральным боевым лозунгом момента, — пишет Мартов от себя, — для российского пролетариата должно стать всенародное Учредительное Собрание для ликвидации и царизма, и войны“. Это никуда не годный, не центральный и не боевой лозунг, ибо в нем нет главного, социально-классового и политически-определенного

содержания понятия этой двойной „ликвидации“. Это — вульгарная буржуазно-демократическая фраза, а не центральный, не боевой, не пролетарский лозунг.

Наконец, в главном, в связи с массами в России, Мартов и К° дают не только ноль, но минус. Ибо за ними нет ничего. Выборы доказали, что массы есть только у блока буржуазии и „Рабочего Утра“, а ссылка на Орг. Ком. и фракцию Чхеидзе есть лишь фальшивое прикрытие этого буржуазного блока.

«Социал-Демократ» № 49 от 21 декабря 1915 г.

Есть ли своя линия у О. К. и у фракции Чхеидзе? [149])

Окисты и в своем сборнике, и еще определеннее в своем отчете Межд. Социал. Комиссии (№ 2 бюллетеня, вышедшего понемецки 27. XI. 1915) стараются уверить публику, что у фракции Чхеидзе и у О. К. есть своя линия, вполне интернационалистская и несогласная с линией „Нашего Дела“. Эти уверения представляют из себя самую вопиющую неправду. Во-первых, со времени образования О. К. (август 1912) мы видели много лет полнейшую политическую солидарность во всем основном и теснейшее политическое сотрудничество фракции Чхеидзе [150]) и О. К. с группой „Нашей Зари“, при чем только эта группа вела систематическую работу в массах (ежедневные газеты ликвидаторов). Сколько-нибудь существенное расхождение столь близких „друзей“ надо доказать не словами, а серьезными фактами. Ни одного такого факта нет. Во вторых, в течение ряда лет, 1912 — 1914, фракция Чхеидзе и О. К. играли роль пешек при „Нашей Заре“, защищали ее политику систематически, что прекрасно известно рабочим Питера и других мест, причем ни единого раза они не оказали никакого влияния на изменение политики „Нашей Зари“, „Луча“ и т. д.

В политике, касающейся масс, — например, в борьбе со „стачечным азартом“, в выборах руководителей крупнейших професс. союзов (металлисты и др.) и важнейших страховых учреждений (Всеросс. Страх. Совет), — группа „Нашей. Зари“, и только она, выступала самостоятельно, О. К. и фракция Чхеидзе лишь помогали ей, служили ей верой и правдой. В-третьих, за $1^1/_2$ года войны нет ни единого факта, который бы свидетельствовал об изменении этих, годами сложившихся отношений фракции Чхеидзе и О. К. к „Нашей Заре“. Напротив, есть обратные факты, даже из таких, которые доступны ногласке (большинство фактов

этого порядка огласке не подлежат). Факт, что ни единого выступления в России ни со стороны О. К., ни со стороны фракции Чхеидзе против политики „Нашего Дела“ нет, а чтобы добиться действительного ее изменения, необходимо не одно выступление, а длительная и победоносная борьба, ибо „Наше Дело“ есть политическая величина, питаемая либеральными связями, а О. К. и фракция Чхеидзе суть политические декорации. Факт, что вполне и целиком ведущие политику „Нашего Дела“ газеты „Утро“ и Раб. Утро“ подчеркивают даже внешним образом свою политическую близость к фракции Чхеидзе и говорят от имени всего августовского блока. Факт, что фракция Чхеидзе делает денежные сборы для „Раб. Утра“. Факт, что вся фракция Чхеидзе начала сотрудничать в самарской социал-шовинистской газете „Наш Голос“ (см. № 17). Факт, что виднейший член фракции Чхеидзе, именно Чхенкели [151]), выступил в печати, в журнале „оборонцев“ или социал-шовинистов „Соврем. Мир“ [152]), в журнале гг. Плеханова и Алексинского, с принципиальными заявлениями вполне в духе Плеханова, „Нашего Дела“, Каутского, Аксельрода. Мы уже давно цитировали это заявление Чхенкели, и ни окисты в своем сборнике, ни Троцкий в своем „Наш. Слове“ не взялись защищать этого заявления, хотя они берутся защищать и рекламировать фракцию Чхеидзе. В-четвертых, прямые политические выступления от имени всей фракции Чхеидзе и всего О. К. доказывают наши положения. Берем важнейшие выступления, которые перепечатаны в сборнике О. К.: декларацию Чхеидзе с К° и прокламацию О. К. Точка зрения обоих этих документов одинаковая, позиция у них одна и та же. Так как О. К. есть самое высшее руководящее учреждение „августовского блока“ против нашей партии и так как ОК издал нелегальную прокламацию, т.-е. мог говорить свободнее и прямее, чем Чхеидзе в Думе, то рассмотрим именно эту прокламацию.

Интересно, между прочим, что об этой прокламации был уже спор в немецкой с.-д. печати, в бернской с.-д. газете. Ее сотрудник назвал эту прокламацию „патриотической“. Заграничный секретариат О. К. возмутился, напечатал возражение, заявил, что и „мы, загран. секретариат, повинны в таком патриотизме“, призвал в качестве как бы судьи редакцию газеты, доставив ей полный немецкий перевод прокламации. Заметим от себя, что это — редакция заведомо пристрастная к О. К., рекламирующая его. Что же сказала эта пристрастная к О. К. редакция?

„Мы прочли прокламацию О. К.“, — сказала редакция (№ 250), — „и должны признаться, что ее текст, несомненно,

может вызвать недоразумения и придать целому такой смысл, который, может быть, чужд авторам прокламации".

Почему окисты не перепечатали в своем сборнике этого отзыва редакции, которую они сами звали в судьи? Потому, что этот отзыв друзей О. К., которые публично отказались защищать О. К! Отзыв написан с изысканной, дипломатической вежливостью, которая особенно подчеркивает желание редакции сказать Аксельроду и Мартову „приятность". И оказалось, что самая большая „приятность" такова: „может быть (только „может быть"!), О.К. сказал не то, что он хотел сказать; но то, что он сказал, „несомненно, может вызвать недоразумения"!!.

Мы усердно приглашаем читателей ознакомиться с прокламацией О. К., перепечатанной и в Листке Бунда (№ 9). Всякий внимательно прочитавший ее увидит простые и ясные факты: (1) ни единого слова, принципиально отвергающего всякую оборону страны в данной войне, прокламация не содержит; (2) абсолютно ничего принципиально неприемлемого для „оборонцев" или „социал-шовинистов" в прокламации нет; (3) целый ряд фраз в прокламации вполне однородны с „оборончеством": „пролетариат не может относиться безразлично к надвигающемуся разгрому" (почти буквально то же в „Раб. Утре" № 2: „небезразличное отношение" к „спасению страны от разгрома"); „пролетариат кровно заинтересован в самосохранении страны"; „всенародная революция" должна спасти страну „от внешнего разгрома" и т. д. Тот, кто действительно враждебен социал-шовинизму, должен был бы вместо подобных фраз сказать: помещики, царь и буржуазия лгут, называя самосохранением страны сохранение гнета великороссов над Польшей, ее насильственное удержание; лгут, когда фразами о спасении „страны" от разгрома, прикрывают стремления „спасти" великодержавные привилегии и отвлекают пролетариат от задач борьбы против международной буржуазии. Признавать в одно и то же время международную солидарность пролетариата воюющих стран в грабительской, империалистской войне и допустимость фраз о „спасении от разгрома" одной из этих стран значит лицемерить, значит превращать в пустейшую, лживую декламацию все свои заявления. Ибо это значит ставить тактику пролетариата в зависимость от военного положения данной страны в данный момент, а раз так, то правы и французские социал-шовинисты, помогающие „спасать от разгрома" Австрию или Турцию.

Заграничный секретариат О. К. в немецкой с.-д. печати (бернская газета) выдвинул еще один софизм, настолько бес-

стыдный, настолько грубый, настолько „подделанный“ для уловления специально немцев, что перед русской публикой окисты благоразумно воздержались от повторения этого софизма.

„Если это патриотизм, — пишут они перед немцами в тоне благородного негодования, — указывать пролетариату на революцию, как на единственное средство спасения страны от гибели“, то и мы такие же патриоты, „мы желали бы, чтобы Интернационал имел побольше таких „патриотов“ в каждой социалистической партии; мы выражаем уверенность, что Либкнехт, Роза Люксембург, Мергейм были бы очень довольны видеть вокруг себя побольше таких „патриотов“, которые бы обращались к немецким и французским рабочим с такими прокламациями“.

Шулерский прием на-лицо; пятеро секретарей превосходно знают, что во Франции и в Германии, идущих навстречу социалистической революции, нет и тени буржуазной революционности, нет и тени буржуазного общественного движения, стремящегося к революции ради победы над врагом. А в России, именно потому, что она идет навстречу буржуазно-демократической революции, такое движение заведомо есть. Пятеро секретарей обманывают немцев забавным софизмом: О. К. и Чхеидзе с К⁰ не могут быть революционерами-шовинистами в России, ибо в Европе соединение революционности с шовинизмом есть абсурд!

Да, в Европе это абсурд. А в России это факт. Вы можете упрекать „призывцев“, что они плохие буржуазные революционеры, но что они по-своему соединяют шовинизм с революционностью, этого вы отрицать не можете. Июльская конференция народников в России, „Наше Дело“ и „Рабочее Утро“ в этом отношении вполне и целиком стоят на позиции „призывцев“, они тоже соединяют шовинизм с революционностью.

Фракция Чхеидзе в ее декларации (стр. 141—143 сборника О. К.) заняла ту же позицию. У Чхеидзе те же шовинистские фразы об „опасности разгрома“, и если он признает империалистский характер войны, „мир без аннексий“, „общие задачи всего международного пролетариата“, „борьбу за мир“ и пр., и пр., то ведь это признает и „Рабоч. Утро“, это признают и русские народники — мелкие буржуа. В том же сборнике О. К. на стр. 146 можно прочесть, что мелкобуржуазные народники признали и империалистский характер войны, и „мир без аннексий“, и необходимость для социалистов (народники ведь, как и „Раб. Утро“, хотят слыть социалистами) „стремиться

к скорейшему воссозданию международной солидарности социалистической организации для прекращения войны" и пр. У народников — мелких буржуа — все эти фразы служат для прикрытия лозунга „национальной обороны", который они прямо выдвинули, а у Чхеидзе и О. К., как и у „Раб. Утра", этот же лозунг назван „спасением страны от разгрома"!!

Итог получается тот, что и Чхеидзе, и О. К. наговорили революционных фраз, ровнехонько ни к чему не обязывающих, ровнехонько ничем не мешающих деловой политике призывцев и нашедельцев, а о б э т о й п о л и т и к е п р о м о л ч а л и. Участие в военно пром. комитетах они так или иначе поддерживают.

Поменьше бы фраз о революции, господа, побольше ясности, прямоты и честности в деловой политике сегодняшнего дня. Вы о б е щ а е т е быть революционерами, а сейчас помогаете шовинистам, буржуазии, царизму, либо прямо защищая участие рабочих в в.-пром. комитетах, либо молча прикрывая участников, не борясь с ними.

Мартов может ухищряться, как ему угодно. Троцкий может кричать против нашей фракционности, прикрывая этими криками (старый рецепт тургеневского... героя!) свои, должно быть, нефракционные „виды" на то, что какой-нибудь имярек из фракции Чхеидзе с Троцким „согласен" и клянется в своей левизне, интернационализме и пр. Факт остается фактом. Ни тени серьезного политического различия н е т не только между О. К. и фракцией Чхеидзе, но и между обоими этими учреждениями и „Рабочим Утром" или „Призывом".

Поэтому н а д е л е они и идут все вместе, против нашей партии, з а буржуазную политику участия рабочих в в.-пром. комитетах, вместе с беспартийными рабочими и народниками. А словесные оговорки и божба „заграничных секретарей", что они „несогласны", остаются пустыми фразами, которые действительной политики масс так же не затрогивают, как клятвы Зюдекума, Легина, Давида, что они „за мир" и „против войны", не очищают их от шовинизма.

„Социал-Демократ" № 50 от 18 февраля 1916 г.

О мире без аннексий и о зависимости Польши, как лозунгах дня в России [153]).

„Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира... Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран". Так гласит бернская резолюция нашей партии (см. № 40 „С.-Д." и „Соц. и Война").

Многочисленные — среди русской эмиграции, а не среди русских рабочих — противники нашей постановки вопроса о мире не дали себе ни разу труда разобрать эти положения. Теоретически неопровержимые, они получают теперь, именно в силу поворота событий в нашей стране, особенно наглядно практическое подтверждение.

Газета питерских ликвидаторов-легалистов, идейно поддерживаемая Орг. Ком., „Рабочее Утро", заняла, как известно, в первом же номере социал-шовинистскую, „оборонческую" позицию. Она напечатала „оборонческие" манифесты питерских и московских социал-шовинистов. В обоих манифестах выражена, между прочим, идея „мира без аннексий", и № 2 „Рабочего Утра", особо выдвигая вперед этот лозунг, печатает его курсивом, называет его „линией, обеспечивающей стране выход из тупика". Вот, дескать, какая это клевета, будто мы — шовинисты; мы вполне признаем „самый демократический", даже „истинно-социалистический" лозунг „мира без аннексий".

Нет сомнения, что Николаю Кровавому очень выгодно теперь выдвигание его верноподданными такого лозунга. Царизм, опираясь на помещиков и буржуазию, повел войска грабить и порабощать Галицию (не говоря уже о договоре насчет дележа Турции и пр.). Войска столь же грабительских немецких империалистов отбили русских разбойников и вытеснили их не только из Галиции, но и из „русской Польши". (При этом во имя интересов обеих клик на полях смерти легли сотни тысяч русских и немецких рабочих и крестьян). Лозунг „мира без аннексий" оказался, таким образом, чудесной „игрушкой в руках тайной дипломатии" царизма: вот-де, мы обиженные, нас ограбили, у нас отняли Польшу, мы против аннексий!

До какой степени „по-нутру" социал-шовинистам „Раб. Утра" эта роль лакеев царизма, видно особенно из статьи в № 1:

„Польская эмиграция". „Истекшие месяцы войны, — читаем в ней, — зародили в сознании широких слоев польского народа глубокое стремление к независимости". До войны его. конечно, не было!! „В общественном сознании широких слоев польской демократии восторжествовала масса" (очевидно, опечатка; надо читать: идея, мысль и т. п.) „национальной независимости Польши"... „Перед русской демократией встает во всей полноте польский вопрос"... „Русские либералы" отказываются дать простые ответы на проклятые вопросы „о независимости Польши"...

Ну еще бы, Николай Кровавый, Хвостов, Челноков [154]), Милюков [155]) и К° вполне за независимость Польши, всей душой за нее теперь, когда этот лозунг на практике означает лозунг победы над Германией, отнявшей у России Польшу. Заметьте, что творцы „столыпинской рабочей партии" до войны выступали всецело и исключительно против лозунга самоопределения наций, против свободы отделения Польши, выпуская для этой благородной цели защиты царского гнета над Польшей оппортуниста Семковского. Теперь, когда Польша отобрана от России, они за „независимость" Польши (от Германии, об этом умалчивается скромно)...

Не обмануть вам сознательных рабочих России, господа социал-шовинисты! Ваш „октябрьский" 1915 года лозунг независимости Польши и мира без аннексий есть на деле лакейство перед царизмом, которому именно теперь, именно в феврале 1916 года как раз нужно прикрытие его войны прекраснодушными словами о „мире без аннексий" (выгнать Гинденбурга из Польши) и независимости Польши (от Вильгельма, но зависимости от Николая II).

Русский социал-демократ, не забывший своей программы, рассуждает иначе. Русская демократия, скажет он, имея прежде всего и больше всего в виду великорусскую демократию, ибо она пользовалась всегда в России свободой языка, эта демократия выиграла безусловно от того, что Россия теперь не угнетает Польши, не держит ее насильно. Русский пролетариат безусловно в выигрыше от того, что он не угнетает одного из народов, который он помогал угнетать вчера. Немецкая демократия проиграла безусловно: пока немецкий пролетариат будет терпеть угнетение Польши Германией, он останется в положении хуже чем раба, в положении хама, помогающего держать в рабстве других. Выиграли безусловно только юнкера и буржуа Германии.

Отсюда вывод: русские с.-д. должны разоблачать обман царизмом народа, когда теперь в России выдвигаются лозунги „мира без аннексий“ и „независимости Польши“, ибо оба эти лозунга при данном положении означают стремление продолжать войну и оправдывают такое стремление. Мы должны говорить: никакой войны из-за Польши! Русский народ не хочет снова стать ее угнетателем!

А как помочь освобождению Польши от Германии? Разве мы не должны помогать этому? Конечно, должны, но только не поддержкой империалистской войны царской или хотя бы буржуазной, даже буржуазно-республиканской России, а поддержкой революционного пролетариата Германии, поддержкой тех элементов соц.-дем. партии Германии, которые борются с контр-революционной рабочей партией Зюдекумов, Каутского и К°. Каутский совсем недавно доказал свою контрреволюционность особенно наглядно: 26 ноября 1915 г. он назвал выступления на улицах „авантюрой“ (как Струве перед 9 января 1905 г. говорил, что в России нет революционного народа). А 30 ноября 1915 г. в Берлине демонстрировало 10.000 работниц!

Все, кто нелицемерно, не по-зюдекумовски, не по-плехановски, не по-каутскиански, хочет признавать свободу народов, право наций на самоопределение, должны быть против войны из-за угнетения Польши; за свободу отделения от России тех народов, которых Россия теперь угнетает: Украины, Финляндии и пр. Все, кто не хочет быть на деле социал-шовинистами, должны поддерживать те элементы социалистических партий всех стран, которые прямо, непосредственно. тотчас работают за пролетарскую революцию внутри своей страны.

Не „мир без аннексий“, а мир хижинам, война дворцам, мир пролетариату и трудящимся, война буржуазии!

„Социал-Демократ“ № 51 от 29 февраля 1916 г.

Вильгельм Кольб [165]) и Георгий Плеханов.

Брошюра откровенного германского оппортуниста Вильгельма Кольба: „С.-д. на распутьи“ (Карлсруэ, 1915) вышла как раз кстати после плехановского сборника „Война“. Каутскианец Рудольф Гильфердинг [157]) в „Neue Zeit“ отвечает Кольбу совсем слабо, умалчивая о главном и хныкая по поводу

правдивого заявления Кольба, что единство у германских с.-д. осталось лишь „чисто-формальное“.

Тем, кто хочет серьезно вдуматься в значение краха II Интернационала, можно рекомендовать сравнение идейной позиции Кольба и Плеханова. Оба (как Каутский) сходятся в основном: в отрицании и высмеивании идеи революционных действий в связи с данной войной; оба обвиняют революционных с.-д. в „пораженчестве“, употребляя излюбленное словечко плехановцев. Плеханов, называя мысль о революции в связи с данной войной „грезофарсом“, шипит против „революционной фразеологии“. Кольб походя проклинает „революционную фразу“, „революционную фантастику“, „радикалишек (Radikalinski)-истериков“, „сектанство“ и проч. Кольб и Плеханов согласны в главном, — они оба против революции. И то обстоятельство, что Кольб вообще против революции, а Плеханов с Каутским „вообще за“, составляет лишь разницу оттенков, слов: на деле Плеханов с Каутским — прислужники Кольба.

Кольб честнее, — не в личном смысле, а в политическом, т.-е. последовательность его позиции не порождает у него лицемерия. Поэтому он не боится признать правды, что весь Интернационал, с его точки зрения, грешил „духом революционной фантастики“, выступал с „угрозами“ (с угрозами революцией, гг. Плеханов и Кольб!) по поводу войны. Кольб прав, что нелепо „принципиально отрицать“ капиталистическое общество после того, как с.-д. партия Европы встала на его защиту в момент, когда „капиталистическое государство трещало по всем швам“, когда „под вопросом стояло его существование“. Это признание объективной революционной ситуации есть правда.

„Последствием (тактики сторонников Либкнехта), — пишет Кольб, — была бы доведенная до точки кипения внутренняя борьба внутри немецкой нации и тем самым военное и политическое ослабление ее“... к выгодам и победам „империализма тройственного согласия“!! Вот вам гвоздь оппортунистических громов против „пораженчества“!!

Здесь действительно гвоздь всего вопроса. „Доведенная до точки кипения внутренняя борьба“ и есть гражданская война. Кольб прав, что тактика левых ведет к этому; прав, что она есть „военное ослабление“ Германии, т.-е. желание и содействие ее поражению есть пораженчество. Кольб неправ только — только! — в том, что не хочет видеть интернационального ха-

рактера такой тактики левых. Во всех воюющих странах возможно „доведение внутренней борьбы до точки кипения", „ослабление военной мощи" империалистской буржуазии и превращение (в силу этого, в связи с этим, посредством этого) империалистской войны в гражданскую. В этом весь гвоздь вопроса. Благодарим Кольба за полезные пожелания, признания и иллюстрации: когда все это дает самый последовательный, честный и откровенный враг революции, это особенно полезно для разоблачения перед рабочими гнусного лицемерия и позорной бесхарактерности Плехановых и Каутских.

„Социал-Демократ" № 51 от 29 февраля 1916 г.

О „программе мира" [158]).

Одним из важнейших вопросов, поставленных в порядок дня второй международной конференции „циммервальдцев", является вопрос о с.-д. „программе мира". Чтобы сразу ввести читателя в настоящую суть этого вопроса, приведем относящееся сюда заявление Каутского, авторитетнейшего представителя II Интернационала и авторитетнейшего защитника социал-шовинистов всех стран.

„Интернационал не есть пригодное орудие во время войны; он есть, по сути дела, орудие мира... Борьба за мир, классовая борьба во время мира" („Neue Zeit", 27/XI 1904). „Все программы мира, которые до сих пор были формулированы в пределах Интернационала, копенгагенская, лондонская, венская, все они требуют признания самостоятельности наций, и вполне справедливо. Это требование должно быть нашим компасом в теперешней войне" (там же, 21/V 1915).

В этих немногих словах прекрасно выражена „программа" интернационального объединения и примирения социал-шовинистов. Каждый знает, что в Вене заседали друзья и сторонники Зюдекума, действующие вполне в его духе, защищающие германский империализм под видом „защиты отечества". А в Лондоне заседали Зюдекумы французские, английские, русские, защищающие „свой" национальный империализм под тем же предлогом. Действительная политика и лондонских, и венских героев социал-шовинизма состоит в оправдании участия в империалистской войне, в оправдании убийства французскими рабочими немецких и обратно из-за того, какая национальная буржуазия должна иметь преимущество в грабеже чужих стран.

И для прикрытия этой действительной политики, для обмана рабочих лондонским и венским героям служит фраза, что мы-де „признаем“ „самостоятельность наций“, или, другими словами, признаем самоопределение наций, отвергаем аннексии и т. д., и т. п.!

Ясно, как день, что это „признание“ есть вопиющая ложь, гнуснейшее лицемерие, ибо оправдывается участие в войне, служащей с обеих сторон порабощению наций, а не самостоятельности их. И вот авторитетный Каутский вместо того, чтобы вскрыть, разоблачить, заклеймить лицемерие, освящает его. Единодушное стремление изменивших социализму шовинистов обмануть рабочих служит для Каутского доказательством „единодушия“ и жизненности Интернационала в вопросе о мире!! Лицемерие национальное, грубое, наглядное, бросающееся в глаза, очевидное для рабочих, Каутский превращает в лицемерие интернациональное, тонкое, прикрытое, засоряющее глаза рабочим. Каутскианская политика во сто раз вреднее и опаснее для рабочего движения, чем зюдекумовская, каутскианское лицемерие во сто раз отвратительнее.

И дело вовсе не в одном Каутском, ибо такую же политику, по сути дела, ведут Аксельрод, Мартов, Чхеидзе в России, Лонге [159]) и Прессман [160]) во Франции, Тревес [161]) в Италии и т. д. Объективное значение этой политики состоит в том, что она служит поддержкой буржуазной лжи в рабочем классе, проведением буржуазных идей в пролетариат. Что Зюдекум, с одной стороны, и Плеханов, с другой, только повторяют буржуазную ложь капиталистов „своей“ нации, это очевидно, но не так очевидно, что Каутский ту же самую ложь освящает и возводит в „высшую правду“ „единодушного“ Интернационала. А буржуазии как раз и надо, чтобы рабочие считали Зюдекумов и Плехановых авторитетными, единодушными, лишь временно разошедшимися „социалистами“. Буржуазии как раз то и надо, чтобы лицемерными фразами о мире, пустыми, ни к чему не обязывающими фразами отвлекать рабочих от революционной борьбы во время войны, убаюкивать их, утешать надеждой на „мир без аннексий“, мир демократический и проч., и т. п.

Гюисманс только популяризировал каутскианскую программу мира, добавляя третейские суды, демократизацию внешней политики и т. п. А первым и основным пунктом социалистической программы мира должно быть разоблачение лицемерия каутскианской программы мира, состоящей в укреплении буржуазного влияния на пролетариат.

Припомним основные понятия социалистического учения, извращаемые каутскианцами. Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение *той же* политики, с *записью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь *ускоряет* это развитие.

Война 1870—1871 года была продолжением буржуазно-прогрессивной (десятилетиями тянувшейся) политики освобождения и объединения Германии. Разгром Наполеона III и свержение его ускорили это освобождение. Программа мира социалистов той эпохи была учетом этого прогрессивно-буржуазного итога, была поддержкой демократической буржуазии: не грабить Францию, почетный мир с республикой.

Посмотрите, каким клоунством является попытка рабски „повторить" этот пример в обстановке империалистской войны 1914—1916 г.г. Эта война продолжает политику перезревшей, реакционной буржуазии, грабившей мир, захватывавшей колонии и т. д. Эта война, на почве буржуазных отношений, *не может*, в силу объективного положения не может вести ни к какому демократическому „прогрессу", а только к усилению и расширению всякого гнета вообще, национального в частности, — и это при любом исходе войны.

Та война ускорила развитие в направлении демократическом, буржуазно-прогрессивном: свержение Наполеона III, объединение Германии. *Эта* война ускоряет развитие *только* к социалистической революции. *Тогда* программа демократического (буржуазного) мира имела под собой *объективную* историческую основу. *Теперь* этой основы нет, и фразерство о демократическом мире есть буржуазное лганье, объективное значение которого состоит в отвлечении рабочих от революционной борьбы за социализм! *Тогда* программой демократического мира социалисты поддерживали имевшееся в наличности глубокое, десятилетиями проявившее себя демократически-буржуазное движение *масс* (к свержению Наполеона III, к объединению Германии). *Теперь* программой демократического мира, на почве буржуазных отношений, социалисты поддерживают *обман* народа буржуазией, желающей отвлечь пролетариат от *социалистической* революции.

Как фразы о „защите отечества" облыжно несут в массы

идеологию национально-освободительной войны, так фразы о демократическом мире обходным путем протаскивают ту же самую буржуазную ложь!

„Значит, у вас нет никакой программы мира, значит, вы против демократических требований“, — возражают каутскианцы, спекулируя на то, что невнимательные люди не заметят заключающуюся в этом возражении подмену существующих социалистических задач несуществующими буржуазно-демократическими задачами.

О, нет, господа, — отвечаем мы каусткианцам. — Мы за демократические требования, мы одни боремся за них нелицемерно, ибо объективное историческое положение не позволяет ставить их вне связи с социалистической революцией. Возьмите для примера тот „компас“, который служит Каутскому и К° для буржуазного обмана рабочих.

Зюдекум и Плеханов „единодушны“ в „программе мира“: Против аннексий! За самостоятельность наций! И заметьте, что Зюдекумы правы, когда они говорят, что отношение России к Польше, Финляндии и т. д. есть отношение аннексионистское. Прав и Плеханов, говоря, что таково же отношение Германии к Эльзас-Лотарингии, Сербии, Бельгии и пр. Оба правы, не правда ли? И Каутский „примиряет“ Зюдекума немецкого с Зюдекумом русским!!!

Но всякий толковый рабочий сразу видит, что и Каутский, и оба Зюдекума—лицемерны. Это ясно. Чтобы быть социалистом, надо не мириться с лицемерным демократизмом, а разоблачать его. Как же разоблачить его? Очень просто: „признание“ самостоятельности наций можно считать нелицемерным лишь тогда, когда представитель угнетающей нации и до войны, и во время ее требовал свободы отделения нации, угнетенной его собственным „отечеством“.

Это требование одно только соответствует марксизму. Маркс выставлял его, исходя из интересов британского пролетариата, когда требовал свободы Ирландии, допуская при этом вероятность федерации после отделения, т.-е. требуя свободы отделения не ради раздробления и обособленности, а ради более прочной и более демократической связи. Во всех случаях, когда есть угнетенные и угнетающие нации, когда нет на-лицо особых обстоятельств, выделяющих революционно-демократические и реакционные нации (такие обстоятельства были на-лицо, например, в 40-х годах XIX века), политика Маркса по отношению к Ирландии должна стать образцом пролетарской политики. А импе-

риализм есть как раз та эпоха, когда существенно и типично деление наций на угнетающие и угнетенные, а различение реакционных и революционных наций в Европе совсем невозможно.

Наша партия еще в 1913 году выставила в резолюции по национальному вопросу обязательность для соиал-демократов применять понятие самоопределения в указанном здесь смысле. И война 1914 — 1916 г.г. целиком подтвердила нас.

Возьмите последнюю статью Каутского в „Neue Zeit“ от 3/III 1916. Он прямо заявляет свое согласие с заведомым и крайним немецким шовинистом в Австрии, Аустерлицом, редактором шовинистской венской „Габсбургской Газеты“, — согласие в том, что не надо „смешивать самостоятельность нации с ее суверенностью“. Другими словами: довольно с угнетенных наций и национальной автономии внутри „государства национальностей“, не обязательно требовать для них равного права на политическую самостоятельность. И тут же, в той же статье Каутский утверждает, что нельзя доказать, что „принадлежность к русскому государству есть необходимость для поляков“.

Что это значит? Это значит, что в угоду Гинденбургу, Зюдекуму, Аустерлицу с К° Каутский признает свободу отделения Польши от России, хотя Россия есть „государство национальностей“, но о свободе отделения поляков от Германии он молчит!! Французских социалистов Каутский в той же статье объявляет отступившими от интернационализма на том основании, что они войной хотят добиваться свободы Эльзас-Лотарингии. О том, что немецкие Зюдекумы и К° отступают от интернационализма, когда они отказываются требовать свободы отделения Эльзас-Лотарингии от Германии, Каутский молчит!

Словечко „государство национальностей“, — это словечко могут применить и к Англии, имея в виду Ирландию, и к Германии, имея в виду Польшу, Эльзас — и пр.! — Каутский использует для явной защиты социал-шовинизма. „Борьбу против аннексий“ Каутский превратил в „программу мира“... с шовинистами, превратил в вопиющее лицемерие. И в той же статье Каутский повторяет сладенькие Иудушкины речи: „Интернационал никогда не переставал требовать согласия заинтересованного населения при передвижке государственных границ“. Не ясно ли, что Зюдекум и К° требуют „согласия“ эльзасцев и бельгийцев на присоединение их к Германии, Аустерлиц и К° требуют „согласия“ поляков и сербов на присоединение их к Австрии?

А русский каутскианец Мартов? Он пошел в газету гвоздевцев, „Наш Голос“ (Самара), доказывать ту бесспорную истину, что из самоопределения наций еще не вытекает оборона отечества в империалистской войне. Но о том, что русский с.-д. изменяет принципу самоопределения, если он не требует свободы отделения угнетенных великоруссами наций, Мартов молчит, тем самым протягивая руку для мира с Алексинскими, Гвоздевыми, Потресовыми и Плехановыми! Мартов молчит об этом и в нелегальной печати! Он спорит с голландцем Гортером, хотя Гортер, неправильно отрицая принцип самоопределения наций, правильно применяет его, требуя политической независимости Голландской Индии и разоблачая измену социализму несогласных с этим голландских оппортунистов. Но Мартов не желает спорить со своим секретарем Семковским, который в 1912—1915 г.г. один выступал в ликвидаторской печати по этому вопросу и отрицал право на отделение, отрицал вообще самоопределение!

Разве не ясно, что Мартов так же лицемерно „защищает“ самоопределение, как и Каутский? Так же прикрывает свое желание мириться с шовинистами?

А Троцкий? Он горой за самоопределение, но у него это—пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных „отечеством“ данного национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев!

Подобная „борьба против аннексий“ есть обман рабочих, а не разъяснение программы социал-демократов,—есть словесная отписка, а не конкретное указание долга интернационалистов,—есть уступка предрассудкам национализма и корыстным интересам его („мы“ все, и буржуа, и социал-шовинисты, извлекаем „выгоды“ из угнетения нации „нашим“ отечеством!), а не борьба с национализмом.

„Программа мира“ с.-д. должна состоять прежде всего в разоблачении лицемерия буржуазных, социал-шовинистских и каутскианских фраз о мире. Это—первое и основное. Без этого мы—невольные или вольные пособники обмана масс. Наша „программа мира“ требует, чтобы главный пункт демократии в этом вопросе—отрицание аннексий—применялся на деле, а не на словах, служил интернационалистской пропаганде, а не национальному лицемерию. Для этого надо разъяснять массам, что отрицание аннексий, то-есть признание самоопределения, искренно лишь тогда, когда социалист каждой нации требует свободы отделения наций, угнетенных его

нацией. Как положительный лозунг, вовлекающий массы в революционную борьбу и разъясняющий необходимость революционных мер для „демократического мира“, должен быть выставлен лозунг: отказ от платежа государственных долгов.

Наша „программа мира“, наконец, должна состоять в разъяснении того, что империалистские державы и империалистская буржуазия не могут дать демократического мира. Его надо искать и добиваться, но не позади, в реакционной утопии *не*-империалистского капитализма или союза равноправных наций при капитализме, а впереди, в социалистической революции пролетариата. Ни одно коренное демократическое требование не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистских государствах иначе, как через революционные битвы под знаменем социализма.

И кто сулит народам „демократический“ мир, не проповедуя в то же время социалистической революции, отрицая борьбу за нее, борьбу уже во время войны, тот обманывает пролетариат.

25 марта 1916 г.

О сепаратном мире [162]).

Между Россией и Германией ведутся уже переговоры о сепаратном мире. Эти переговоры официальные, и в главном обе державы уже столковались.

Такое заявление было напечатано недавно в бернской социалистической газете, на основании имеющихся у нее сведений. И когда русское посольство в Берне поспешило выступить с официальным опровержением, а французские шовинисты приписали распространение этих слухов тому, что „немец гадит“, то социалистическая газета отказалась придать какое бы то ни было значение опровержению и в подтверждение своего заявления сослалась еще на тот факт, что в Швейцарии находятся как раз теперь и немецкие (Бюлов), и русские „государственные люди“ (Штюрмер, Гирс и один дипломат, приехавший из Испании), и что в торговых кругах Швейцарии имеются аналогичные положительные сведения из торговых кругов России.

Разумеется, одинаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не

попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно.

Чтобы разобраться в вопросе о сепаратном мире, мы должны исходить не из слухов и сообщений о том, что происходит теперь в Швейцарии, и чего проверить, по существу дела, невозможно, а из непреоборимо установленных фактов политики за последние десятилетия. Пусть господа Плеханов, Чхенкели, Потресов и К°, играющие теперь роль марксистообразных лакеев или шутов при Пуришкевиче и Милюкове, лезут из кожи вон, доказывая „вину Германии“ и „оборонительный характер“ войны со стороны России, — этих шутов сознательные рабочие не слушали и не слушают. Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т.-е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, при чем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — Между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники.

Оба столкновения подготовлялись всей политикой этих держав за несколько десятилетий, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия не могла отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя — и вполне справедливо — имеющими „священное“ буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности воюет за подчинение себя Балканских стран и Турции. Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа (кроме Галиции, у этого народа нет и быть не может уголка свободы, сравнительной, конечно), за Армению и за Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран.

На-ряду с столкновением разбойничьих „интересов“ России и Германии существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии

и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.

И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений, чем Германия. С 1878 года, когда русские войска подходили к Константинополю, и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в „Царьграде", до 1885 г., когда Россия была на-волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск вглубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии), и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготовляя войну ее против России, — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов.

А теперь? Посмотрите, что происходит в настоящей войне. Нестерпимо слушать „социалистов", перешедших от пролетариата к буржуазии и толкующих о „защите отечества" со стороны России в данной войне или о „спасении страны" (Чхеидзе). Нестерпимо слушать сладенького Каутского и К°, толкующих о демократическом мире так как будто его могли заключить теперешние и вообще буржуазные правительства. Ибо на деле эти правительства опутаны сетью тайных договоров между собой, со своими союзниками и против своих союзников, при чем содержание этих договоров не случайно, не только „злой волей" определено, а зависит от всего хода и развития империалистской внешней политики. Те „социалисты", которые засоряют глаза и умы рабочих пошлыми фразами о хороших вещах вообще (защита отечества, демократический мир), не разоблачая тайных договоров своего правительства о грабеже чужих стран, — такие „социалисты" совершают полную измену по отношению к социализму.

Правительству и германскому, и английскому, и русскому только выгодно, чтобы из лагерей социалистов раздавались речи о добреньком мире, ибо этим, во-первых, внушается вера

в возможность такого мира при современном правительстве, а во-вторых, отвлекается внимание от разбойничьей политики тех же правительств.

Война есть продолжение политики. И политика тоже „продолжается“ во время войны! Германия имеет тайные договоры с Болгарией и Австрией о дележе добычи и продолжает вести такие переговоры. Россия имеет тайные договоры с Англей, Францией и т. д., и все они посвящены разбою и грабежу, грабежу колоний Германии, грабежу Австрии, разделу Турции и пр.

„Социалист“, который при таком положении дела говорит народам и правительствам речи о добреньком мире, вполне подобен попу, который видит перед собой в церкви на первых местах содержательницу публичного дома и станового пристава, находящихся в стачке друг с другом, и „проповедует“ им и народу любовь к ближнему и соблюдение христианских заповедей.

Между Россией и Англией, несомненно, есть тайный договор, между прочим, о Константинополе. Известно, что Россия надеется получить его, и что Англия не хочет дать его, а если даст, то либо постарается затем отнять, либо обставит „уступку“ условиями, направленными против России. Текст тайного договора неизвестен, но что борьба между Англией и Россией идет именно вокруг этого вопроса, идет и сейчас, это не только известно, но и не подлежит ни тени сомнения. В то же время известно, что между Россией и Японией, в дополнение к их прежним договорам (например, к договору 1910 года, предоставлявшему Японии „скушать“ Корею, а России скушать Монголию), заключен уже во время теперешней войны новый тайный договор, направленный не только против Китая, но до известной степени и против Англии. Это несомненно, хотя текст договора неизвестен. Япония при помощи Англии побила в 1904—1905 году Россию и теперь осторожно подготовляет возможность при помощи России побить Англию.

В России в „правящих сферах“ — в придворной шайке Николая Кровавого, в дворянстве, в армии и т. д. — есть немцефильская партия. В Германии за последнее время по всей линии виден поворот буржуазии (а за нею и социалистов-шовинистов) к руссофильству, к сепаратному миру с Россией, к тому, чтобы задобрить Россию и со всей силой ударить на Англию. Со стороны Германии этот план ясен и не возбуждает сомнений. Со стороны России дело обстоит так, что царизм

предпочел бы, конечно, сначала вполне разбить Германию, чтобы „взять" как можно больше, и всю Галицию, и всю Польшу, и всю Армению, и Константинополь, и „добить" Австрию и т. д. Тогда было бы удобнее, при помощи Японии, повернуть против Англии. Но сил, очевидно, не хватает. В этом гвоздь.

Если бывший социалист г. Плеханов изображает дело так, будто реакционеры в России хотят вообще мира с Германией, а „прогрессивная буржуазия" — разрушения „прусского милитаризма" и дружбы с „демократической" Англией, то это — детская сказка, приноровленная к уровню политических младенцев. На деле и царизм, и все реакционеры в России, и вся „прогрессивная" буржуазия (октябристы и кадеты) хотят одного: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.). Спор идет между этими „милыми дружками" только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как!

А решение этого единственно спорного между милыми дружками вопроса зависит от военных и дипломатических соображений, которые полностью известны только царскому правительству, а Милюковым и Гучковым известны только на одну четверть.

Отнять всю Польшу у Германии и Австрии! Царизм за это, но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Отнять Константинополь и проливы! Добить и раздробить Австрию! Царизм вполне за это. Но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Царизм знает, сколько именно миллионов солдат уложено и сколько можно еще взять с народа, сколько именно снарядов расходуется и сколько еще можно добавить (Япония в случае грозящей и вполне возможной войны с Китаем не даст больше снарядов). Царизм знает, как шли у него и как идут теперь тайные переговоры с Англией о Константинополе, о силе английских войск в Салониках, в Месопотамии и проч. Царизм знает все это, имеет все карты в руках и рассчитывает точно, насколько мыслимо вообще точное знание в таких делах, где роль сомнительного, недостоверного, роль „военного счастья" особенно велика.

А Милюковы и Гучковы, чем меньше знают, тем больше болтают на-ветер. А Плехановы, Чхенкели, Потресовы совсем ничего не знают о тайных сделках царизма, забывают даже то, что раньше знали, не изучают того, что можно знать по ино-

странной печати, не вникают в ход внешней политики царизма до войны, не следят за ходом ее во время войны, и потому играют роль просто социалистических Иванушек.

Если царизм убедился, что даже при всей помощи со стороны либерального общества, при всем усердии военно-промышленных комитетов, при всем содействии благородному делу умножения снарядов от господ Плехановых, Гвоздевых, Потресовых, Булкиных, Чиркиных, Чхеидзе („спасение страны", не шутите!), Кропоткиных и прочей челяди, — даже при всем этом и при данном состоянии военных сил (или военного бессилия) всех возможных и втянутых в войну союзников нельзя добиться большего, нельзя сильнее победить Германию или это непомерно дорого стоит (например, стоит еще потери десяти миллионов русских солдат, на рекрутирование, обучение и снаряжение коих требуется еще столько-то миллиардов и столько-то лет войны), тогда царизм не может не искать сепаратного мира с Германией.

Если „мы" погонимся за чересчур большой добычей в Европе, то „мы" рискуем обессилить „свои" военные рессурсы окончательно, не получить почти ничего в Европе и потерять возможность получить „свое" в Азии, — так рассуждает царизм, и рассуждает правильно с точки зрения империалистских интересов. Рассуждает правильнее, чем буржуазные и оппортунистические говоруны Милюковы, Плехановы, Гучковы, Потресовы.

Если нельзя взять большего в Европе, даже после присоединения Румынии и Греции (от коей „мы" взяли все, что могли), тогда возьмем, что можно! Англия „нам" сейчас ничего дать не может. Германия нам даст, возможно, и Курляндию, и часть Польши назад, и, наверное, восточную Галицию, — это „нам" особенно важно, дабы удушить украинское движение, движение многомиллионного, исторически еще заспавшего доныне народа, к свободе и к родному языку, — наверное, также турецкую Армению. Беря это теперь, мы можем выйти из войны, усилившись, и тогда завтра мы при помощи Япония и Германии сможем получить, при умненькой политике и при дальнейшей помощи Милюковых, Плехановых, Потресовых в деле „спасения „возлюбленного" отечества", хороший кусок Азии при войне против Англии (всю Персию и Персидский залив с выходом в открытый океан, а не так, как в Константинополе, где выход есть только в Средиземное море, да и то через острова, которые легко может взять и укре-

пить Англия, лишая „нас“ всякого выхода в свободное море) и т. д.

Именно так рассуждает царизм, и, повторяем, он рассуждает правильно не только с узко-монархической, но и с общеимпериалистической точки зрения; он знает больше и видит дальше, чем либералы и Плехановы с Потресовыми.

Поэтому вполне возможно, что мы завтра или послезавтра проснемся и получим манифест трех монархов: „внимая голосу возлюбленных народов, решили мы осчастливить их благами мира, установить перемирие и созвать общеевропейский конгресс мира“. Три монарха могут даже при этом недурно состроить, повторив несколько обрывков фраз из Вандервельде, Плеханова, Каутского: мы-де „обещаем“, — обещания есть единственная вещь, которая дешева даже в эпоху бешеной дороговизны, — обсудить вопрос о сокращении вооружений и о „постоянном“ мире и т. п. Вандервельде, Плеханов и Каутский побегут петушком устраивать свой конгресс „социалистов“ в том же городе, где будет заседать конгресс мира; добреньких пожеланий, сладеньких фраз, уверений в необходимости „защищать отечество“ будет наговорено без конца на всех языках. Обстановочка будет недурная для прикрытия перехода от империалистического союза англо-русского против Германии к такому же союзу германо-русскому против Англии!

Кончится ли данная война таким образом в очень близком будущем, или Россия „продержится“ в стремлении победить Германию и побольше ограбить Австрию несколько дольше, сыграют ли переговоры о сепаратном мире роль маневра ловкого шантажиста (царизм покажет Англии готовый проект договора с Германией и скажет: столько-то миллиардов рубликов и такие-то уступочки или гарантии, а не то я подпишу завтра этот договор) — *во всяком случае*, империалистская война *не может* кончиться никаким иным, кроме как империалистским миром, *если* эта война не превратится в гражданскую войну пролетариата с буржуазией за социализм. Во всяком случае, за исключением этого последнего исхода, империалистская война поведет к усилению тех или иных из трех сильнейших империалистских держав, Англии, Германии, России, за счет слабых (Сербии, Турции, Бельгии и пр.), при чем вполне возможно, что *все* эти три разбойника усилятся после войны, поделив награбленное (колонии, Бельгию, Сербию, Армению), и весь спор будет итти лишь *о том*, в каких пропорциях разделить *эту* добычу.

Во всяком случае, неминуемо, неизбежно и несомненно будут одурачены и ошельмованы как социал-шовинисты цельные и открытые; т.-е. субъекты, прямо признающие „защиту отечества“ в данной войне, так и социал-шовинисты прикрытые, половинчатые, т.-е. каутскианцы, проповедующие „мир вообще“, без победителей и побежденных и т. п. Всякий мир, заключенный теми же или столь же буржуазными правительствами, которые начали эту войну, покажет наглядно всем народам, какую роль холопов империализма сыграли те и другие социалисты.

Каков бы ни был исход данной войны, окажутся правы те, кто говорил, что единственный социалистический выход из нее возможен в виде гражданской войны пролетариата за социализм. Окажутся правы те русские с.-д., которые говорили, что поражение царизма, полный военный разгром его есть меньшее зло „во всяком случае“. Ибо история никогда не стоит на месте, она идет вперед и во время теперешней войны, и если вперед к социализму пролетариат Европы не сможет перейти теперь, не сможет скинуть с себя ига социал-шовинистов и каутскианцев во время первой великой империалистской войны, то вперед к демократии восточная Европа и Азия пошли бы семимильными шагами только в случае полного военного разгрома царизма и отнятия у него всякой возможности практиковать империалистскую политику полуфеодального типа.

Война убьет и добьет все слабое, в том числе социал-шовинизм и каутскианство. Империалистский мир сделает эти слабости еще нагляднее, еще позорнее, еще отвратительнее.

6 ноября 1916 г.

Целый десяток „социалистических“ министров [163]).

Секретарь Международного Социал-Шовинистского Бюро Гюисманс [161]) послал приветственную телеграмму датскому министру без портфеля Стаунингу, вождю датской якобы „социал-демократической“ партии: „Вижу из газет, что Вы назначены министром. Мои сердечные поздравления Итак, мы имеем уже 10 социалистических министров во всем свете. Дела идут вперед! Лучшие приветы“.

Дела идут вперед, слов нет. II Интернационал двигается быстро — к полному слиянию с национал-либеральной полити-

кой. Боевой орган немецких крайних оппортунистов и социал-шовинистов, хемницкий „Народный Голос“, приводя эту телеграмму, замечает не без ядовитости: „Секретарь Межд. Соц. Бюро приветствует, без оговорок, принятие социал-демократом поста министра. А незадолго до войны все партийные съезды и международные конгрессы резко высказались против этого! Времена меняются, взгляды тоже — и по этому пункту“.

Хельманы, Давиды, Зюдекумы имеют полное право презрительно похлопывать по плечу Гюисмансов, Плехановых, Вандервельдов...

Стаунинг недавно опубликовал свое письмо к Вандервельде, полное язвительности немцефильствующего социал-шовиниста против французского социал-шовиниста. В этом письме, между прочим, Стаунинг гордится тем, что „мы (датская партия) резко и определенно отреклись от организационно-вредной раскольнической работы, осуществляемой по инициативе итальянской и швейцарской партий так называемым циммервальдским движением“. Буквально так!

В Дании образование национального государства относится к XVI веку. Массы датского народа давно уже проделали буржуазно-освободительное движение. В Дании население состоит более чем на 96 сотых из датчан, родившихся в Дании. Датчан в Германии нет и двухсот тысяч. (Населения в Дании 2,9 милл.). Можно судить по этому, каким грубым буржуазным обманом являются разговоры датской буржуазии на тему о „самостоятельном национальном государстве“, как задаче дня! Это говорят в XX веке буржуа и монархисты Дании, владеющие колониями, население которых почти равняется числу датчан в Германии и которыми торгует теперь датское правительство.

Кто это сказал, что людьми не торгуют в наше время? Отлично торгуют. Дания продает Америке за столько-то миллионов (еще не сторговались) три острова — все населенные, конечно.

Специфической чертой датского империализма является, кроме того, получение сверхприбыли, вследствие монопольно выгодного положения рынка молочных и мясных продуктов: сбыт самым дешовым морским путем в Лондон, самый крупный рынок мира. Благодаря этому датская буржуазия и датские богатые крестьяне (чистейшие буржуа, вопреки россказням русских народников) превратились в „процветающих“ захребетников английской империалистской буржуазии, в участников ее особо спокойных и особо жирных прибылей.

Этой интернациональной обстановке целиком поддалась датская „с.-д.“ партия, которая горой стояла и стоит за правое крыло, за оппортунистов немецкой с.-д. Датские с.-д. голосовали буржуазно-монархическому правительству кредиты — „для охраны нейтральности“, как это благовидно говорится. На съезде 30 сент. 1916 г. большинство в $^{9}/_{10}$ высказалось за участие в министерстве, за сделку с правительством. Корреспондент бернской соц. газеты сообщает, что оппозицию министериализму в Дании представляли Герсон Трир и редактор И. П. Сундбо. Трир в блестящей речи защищал революционно-марксистские взгляды и, когда партия решила участвовать в министерстве, вышел и из Ц.К, и из партии, заявив, что не желает быть членом буржуазной партии. За последние годы датская „социал-демократическая“ партия ничем не отличалась от буржуазных радикалов.

Привет товарищу Г. Триру! „Дела идут вперед“, Гюисманс прав — вперед к отчетливому, ясному, политически-честному, социалистически-необходимому разделению между революционными марксистами, представителями масс революционного пролетариата, и плехановски-потресовски-гюисмансовскими союзниками и агентами империалистской буржуазии, имеющими большинство „вождей“, но представляющими интересы не массы угнетенных, а меньшинства привилегированных рабочих, уходящих на сторону буржуазии.

Захотят ли русские сознательные рабочие, те, что выбрали депутатов, сосланных в Сибирь, те, что голосовали против участия в военно-промышленных комитетах для поддержки империалистской войны, захотят ли они числиться в „Интернационале“ десяти министров? В Интернационале Стаунингов? В Интернационале, из коего уходят Трипы?

6 ноября 1916 г.

Поворот в мировой политике [164]).

На улице пасифистов нечто вроде праздника. Ликуют добродетельные буржуа нейтральных стран: „мы достаточно нагрели руки на военных прибылях и дороговизне; не довольно ли? больше, пожалуй, все равно прибыли уже не получишь, а народ может и не стерпеть до конца“...

Как же им не ликовать, когда, „сам“ Вильсон [165]) „перифразирует“ пасифистское заявление итальянской социалистиче-

ской партии, только что принявшей в Кинтале официальную и торжественную резолюцию о полнейшей несостоятельности социал-пасифизма?

Удивительно ли, что Турати [166]) торжествует в „Аванти“ [167]) по поводу этой перифразировки Вильсоном их, итальянских „тоже-социалистических“ пасифистских фраз? Удивительно ли, что французские социал-пасифисты и каутскианцы в своем „Le Populaire“ любовно „объединяются“ с Турати и с Каутским, который выступил в немецкой с.-д. печати с пятью особенно глупыми пасифистскими статьями, тоже, конечно, „перифразирующими“ поставленную событиями на очередь дня болтовню о добреньком демократическом мире.

А эта болтовня в настоящее время действительно отличается от прежней именно тем, что у нее есть известная объективная почва. Такую почву создал поворот в мировой политике от империалистской войны, наградившей народы величайшими бедствиями и величайшим предательством социализма господами Плехановыми, Альбертами Тома [168]), Легинами, Шейдеманами и пр., к империалистическому миру, который имеет наградить народы величайшим обманом добреньких фраз, полуреформ, полууступочек и т. п.

Этот поворот наступил.

Нельзя знать в данный момент, — и сами руководители империалистской политики, финансовые короли и коронованные разбойники не в состоянии определить этого с точностью, — когда именно придет этот империалистский мир, какие до тех пор произойдут изменения на войне, каковы будут детали этого мира. Но это и неважно. Важен факт поворота к миру, важен основной характер этого мира, а эти два обстоятельства достаточно уже выяснены предыдущим развитием событий.

За 29 месяцев войны рессурсы обеих империалистских коалиций достаточно определились, все, или почти все, возможные союзники из числа ближайших „соседей“, представляющих серьезную величину, втянуты в бойню, силы армий и флотов испытаны и переиспытаны, измерены и переизмерены. Финансовый капитал нажил миллиарды: гора военных долгов показывает размеры дани, которую пролетариат и неимущие массы „должны“ теперь выплачивать десятилетиями международной буржуазии за то, что она всемилостивейше позволила им перебить миллионы своих братьев по наемному рабству в войне за дележ империалистской добычи.

Содрать при помощи данной войны еще больше шкур

с волов наемного труда, пожалуй, уже нельзя, — в этом одна из глубоких экономических основ наблюдаемого теперь поворота в мировой политике. Нельзя потому, что исчерпываются рессурсы вообще. Американские миллиардеры и их младшие братья в Голландии, Швейцарии, Дании и прочих нейтральных странах начинают замечать, что золотой родник оскудевает, — в этом источник роста нейтрального пасифизма, а не в благородных гуманитарных чувствах, как думают наивные, жалкие, смешные Турати, Каутский и К°.

А к тому же растет недовольство и возмущение масс. Мы привели в предыдущем номере свидетельства Гучкова и Гельфериха, показывающие, что оба они б о я т с я революции. Не пора ли кончать первую империалистскую бойню?

Объективные условия, вынуждающие прекращение войны, дополняются, таким образом, воздействием классового инстикта и классового расчета обожравшейся военными прибылями буржуазии.

Политический поворот на почве этого экономического поворота идет по двум главным линиям: победившая Германия о т к а л ы в а е т от своего главного врага, Англии, ее союзников, с одной стороны, тем, что как раз не Англии, а именно этим союзникам нанесены (и могут быть еще нанесены) самые тяжелые удары, а с другой стороны, тем, что награбивший очень и очень много германский империализм в состоянии дать союзникам Англии полууступочки.

Возможно, что сепаратный мир Германии с Россией все-таки з а к л ю ч е н. Изменена только ф о р м а политической сделки между этими двумя разбойниками. Царь мог сказать Вильгельму: „Если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о, мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов. Расчет ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента?“.

„Конечно, не расчет, — должен был ответить Вильгельм, если ему прямо или косвенно сказана была такая вещь. — Да и к чему нам открытый сепаратный мир или вообще написанный на бумаге? Разве нельзя того же добиться иным, более тонким путем? Я обращусь открыто ко всему человечеству с предложением осчастливить его благами мира. Под сурдинку

я мигну французам, что я готов отдать назад всю, или почти всю, Францию и Бельгию за „божецкие“ уступки их колоний в Африке,—а итальянцам, что они могут рассчитывать на „кусочек“ итальянских земель Австрии, плюс кусочки на Балканах. Я в силах добиться того, что мои предложения и планы станут известны народам: смогут ли тогда англичане удержать дальше своих западно-европейских союзников? А мы с тобой разделим Румынию, Галицию, Армению, — Константинополя же тебе, о, мой августейший брат, все равно, как ушей, не увидать! Польши, о, мой августейший брат, все равно, как ушей, не увидать!“

Был ли такой разговор, знать нельзя. Да это и несущественно. Существенно то, что дела пошли *именно так*. Если царь не согласился на доводы германских дипломатов, то „*доводы*“ армии Макензена в Румынии должны были подействовать повнушительнее.

А о плане дележа Румынии между Россией и „четверным союзом“ (т.-е. союзниками Германии, Австрией и Болгарией) говорят уже *открыто* в германской империалистской печати! А болтливый Эрвэ уже пробалтывается: мы не сможем заставить народ воевать, если он узнает, что мы *сейчас* же можем получить назад Бельгию и Францию. И пасифистские дурачки из нейтральной буржуазии уже пущены „в дело“; им развязал рот Вильгельм! А пасифистские... мудрецы из социалистов, Турати в Италии, Каутский в Германии и пр. пр., лезут из кожи, прилагая свою гуманность, свое человеколюбие, свою неземную добродетель (и свой высокий ум) к *прикрашиванию* грядущего империалистского мира!

Как хорошо вообще устроено все в этот лучшем из миров! Запутались мы, финансовые короли коронованные разбойники в политике империалистского грабежа, пришлось воевать, — ну что ж? мы наживемся на войне не хуже, чем на мире, даже гораздо лучше! А лакейской челяди для провозглашения нашей войны „освободительною“, всех этих Плехановых, Альбертов Тома, Легинов, Шейдеманов и К°, у нас сколько угодно! Приходит пора заключить империалистский мир? — ну что ж? Военные долги, ведь, это уже обязательства, гарантирующие наше священное право на взимание стократной дани с народов? А простаков для *прикрашивания* этого империалистского мира, для надувания народов сладенькими речами у нас сколько-угодно, возьмите хоть Турати, Каутского и прочих „вождей“ всемирного социализма!

В том-то и состоит трагикомедия выступлений Турати и Каутского, что они не понимают той действительной, объективной, политической роли, которую они играют, роли попиков, утешающих народы вместо того, чтобы поднимать их на революцию, роли буржуазных адвокатов, которые пышными фразами о всяких хороших вещах вообще, и о демократическом мире в особенности, затушевывают, прикрывают, прикрашивают, приодевают отвратительную наготу торгующего народами и кромсающего страны империалистского мира.

В том-то и состоит принципиальное единство социал-шовинистов (Плеханова и Шейдеманна) и социал-пасифистов (Турати и Каутского), что и те, и другие объективно представляют из себя услужающих империализма: одни „служат" ему, прикрашивая империалистскую войну применением к ней понятия „защиты отечества", другие служат тому же империализму, прикрашивая фразами о демократическом мире назревающий и подготовляемый империалистический мир.

Империалистской буржуазии нужны лакеи обоих видов или оттенков: Плехановы, чтобы криками „долой завоевателей" поощрять продолжение бойни, Каутские, чтобы сладеньким воспеванием мира утешать и успокаивать слишком озлобленные массы.

Поэтому и общее объединение социал-шовинистов всех стран с социал-пасифистами, — тот общий „заговор против социализма", о котором говорит одно обращение Межд. Соц. Комиссии в Берне, та „всеобщая амнистия", о которой не раз говорили мы, — не будет случайностью, а лишь проявлением принципиального единства обоих этих направлений мирового тоже-„социализма". Не случайно, что Плеханов в одно и то же время исступленно кричит об „измене" Шейдеманов и намекает на мир и единство с этими господами, когда придет тому время.

Но, — возразит, пожалуй, читатель, — разве можно забывать, что империалистский мир „все же лучше" империалистской войны? Что если не вся, то „по возможности" „частями" программа демократического мира может быть осуществлена? Что независимая Польша лучше, чем русская Польша? Что присоединение итальянских земель Австрии к Италии есть шаг вперед?

Подобными соображениями и прикрывают себя защитники Турати и Каутского, не замечая, что из революционных марксистов они превращаются тем в дюжинных буржуазных реформистов.

Разве можно, не сойдя с ума, отрицать, что бисмарковская Германия и ее социальные законы „лучше" Германии до 48 года? Столыпинские реформы „лучше" России до 1905 года? Разве на этом основании немецкие с.-д. (они были еще тогда социал-демократами) голосовали за бисмарковские реформы? Разве столыпинские реформы прикрашивались или хотя бы поддерживались русскими с.-д., кроме, конечно, г.г. Потресова, Маслова и К°, от коих теперь отвертывается с презрением даже член их собственной партии Мартов?

История не стоит на месте и во время контр-революций. История шла вперед и во время империалистской бойни 1914 — 16 годов, которая была продолжением империалистской политики предыдущих десятилетий. Мировой капитализм, который в 60 — 70-х годах прошлого века был передовой и прогрессивной силой свободной конкуренции и который в начале XX века перерос в монополистический капитализм, т.-е. империализм, сделал за время войны изрядный шаг вперед не только к еще большей концентрации финансового капитала, но и к превращению в государственный капитализм. Силу национального сцепления, значение национальных симпатий обнаружило в эту войну поведение, напр., ирландцев в одной империалистской коалиции, чехов — в другой. Сознательные вожди империализма говорят себе: мы не можем, конечно, осуществить свои цели без удушения мелких народов, но, ведь, есть два способа удушения. Бывают случаи, когда надежнее — и выгоднее — получить искренних, добросовестных „защитников отечества" в империалистской войне путем создания политически независимых государств, о финансовой зависимости которых „мы" уже позаботимся! Выгоднее быть союзником (при серьезной войне империалистских держав) независимой Болгарии, чем господином зависимой Ирландии! Довершение недоделанного в области национальных реформ может иногда внутренно укрепить империалистскую коалицию, — это правильно учитывает, напр., один из особенно подлых холопов германского империализма, К. Реннер, разумеется, горой стоящий за „единство" с.-д. партий вообще и за единство с Шейдеманом и Каутским в особенности.

Объективный ход вещей берет свое, и как душители революций 1848 и 1905 г.г. были, в известном смысле, их душеприказчиками, так дирижеры империалистской бойни вынуждены проводить известные государственно-капиталистические, известные национальные реформы. А к тому же надо

уступочками успокоить массы, озлобленные войной и дороговизной: почему не обещать (и не провести частично — это, ведь, ни к чему не обязывает!) „сокращение вооружений“? Все равно, ведь, война есть такая „отрасль промышленности“, которая похожа на лесоводство: нужны десятилетия, чтобы подросли достаточно большие деревья... то, бишь, достаточно обильное и взрослое „пушечное мясо“. А через десятилетия, мы надеемся, в недрах „единой“ международной социал-демократии подрастут новые Плехановы, новые Шейдеманы, новые сладенькие примиренцы Каутские...

Буржуазные реформисты и пацифисты суть люди, которым, по общему правилу, в той или иной форме платят за то, чтобы они укрепляли господство капитализма посредством починочек его, чтобы они усыпляли народные массы и отвлекали их от революционной борьбы. Когда такие „вожди“ социализма, как Турати и Каутский, посредством ли прямых заявлений (одним из них „обмолвился“ Турати в своей печально-знаменитой речи 17-го дек. 1916 г.) или посредством умолчаний (на них такой мастер Каутский) внушают массам смысль о возможности демократического мира, вырастающего из теперешней империалисткой войны. при сохранении буржуазных правительств, без революционного восстания против всей сети империалистских мировых соотношений, — тогда мы обязаны заявить, что подобная проповедь есть обман народа, что она сводится к подкрашиванию империалистского мира. Мы за демократический мир. И именно поэтому мы не хотим лгать народам, как лгут — конечно, из самых благих намерений и с самыми добродетельными побуждениями — Турати и Каутский. Мы будем говорить правду: что демократический мир невозможен, если революционный пролетариат Англии, Франции, Германии, России не свергнет буржуазные правительства. Мы считаем величайшей нелепостью, если бы революционные с.-д. стали отрекаться от борьбы за реформы вообще, в том числе и за „государственное строительство“. Но именно теперь Европа переживает такой момент, когда больше, чем обыкновенно, следует памятовать истину, что реформы суть побочный результат революционной классовой борьбы. Ибо на очередь дня — не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей — поставлено решение великих исторических вопросов прямым насилием масс, создающих новые устои, а не сделками на почве сгнившего и отмирающего старого.

Именно теперь, когда правящая буржуазия готовится к тому, чтобы мирно разоружить миллионы пролетариев и безопасно перевести их — под прикрытием благовидной идеологии и непременно окропив их святой водицей сладеньких пасифистских фраз! — из грязных, вонючих, смрадных траншей, где они занимались бойней, на каторги капиталистических фабрик, где они должны „честным трудом“ отрабатывать сотни миллиардов государственного долга, — именно теперь получает еще большее, значение, чем в начале войны, тот лозунг, с которым обратилась к народам наша партия осенью 1914 года: превращение империалистской войны в гражданскую войну за социализм. Карл Либкнехт, осужденный на каторгу, присоединился к этому лозунгу, когда сказал с трибуны рейхстага: обратите оружие против своих классовых врагов внутри страны! Насколько созрело современное общество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда напряжение сил народа заставило перейти к регулированию всей хозяйственной жизни свыше чем полусотни миллионов человек из *одного* центра. Если это возможно под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горстки финансовых тузов, то это, наверное, не менее возможно под руководством сознательных рабочих в интересах девяти десятых населения, истомленного голодом и войной.

Но, чтобы руководить массами, сознательные рабочие должны понять полную гнилость таких вождей социализма, как Турати, Каутский и К°. Эти господа мнят себя революционными социал-демократами и глубоко возмущаются, когда им говорят, что их место в партии г.г. Биссолати, Шейдемана, Легина и К°. Но у Турати и Каутского нет никакого понимания того, что только революция масс способна решить поставленные на очередь дня великие вопросы, у них нет ни капли веры в революцию, ни капли внимания и интереса к тому, как зреет она в сознании и настроении масс именно в связи с войной. Их внимание целиком поглощено реформами, сделками между частями господствующих классов, к ним они обращаются, их „уговаривают“, к ним хотят приспособить рабочее движение.

А все дело теперь именно в том, чтобы сознательный авангард пролетариата устремил свои помыслы и собрал свои силы для революционной борьбы за свержение своих правительств. Таких революций не бывает, какие „готовы“ признать и Турати, и Каутский, — *именно* таких, чтобы можно было наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно

велики шансы ее победы. Революционная ситуация в Европе на-лицо. На-лицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс. На усиление этого потока должны направить все силы революционные социал-демократы. От силы революционного движения, в случае его малого успеха, будет зависить то, какая долина из „обещанных" реформ осуществится на деле и принесет хоть сколько-нибудь пользы дальнейшей борьбе рабочего класса. От силы революционного движения, в случае его успеха, будут зависеть победа социализма в Европе и осуществление не империалистского перемирия между борьбой Германии против России и Англии и борьбой России с Германией против Англии или борьбой С. Штатов против Германии и Англии и т. п., а действительно прочного и действительно демократического мира.

31 января 1917 г.

Итоги дискуссии о самоопределении [169]).

В № 2 марксистского журнала циммервальдской левой „Предвестник" („Vorbote", № 2, апрель 1916) помещены тезисы за и против самоопределения наций, подписанные редакцией нашего ц. о. „С.-Д." и редакцией органа польской с.-д. оппозиции „Газеты Работничей". Читатель найдет выше перепечатку первых и перевод вторых тезисов. На международной арене вопрос этот ставится так широко едва ли не впервые: в дискуссии, которую вели в немецком марксистском журнале „Neue Zeit" 20 лет назад, 1895 — 6, перед Лондонским международным социалистическим конгрессом 1896 г. Роза Люксембург, К. Каутский и польские „неподлеглосцевцы" (сторонники независимости Польши, П. П. С.), представлявшие три различных взгляда, вопрос ставился только о Польше. До сих пор, насколько нам известно, вопрос о самоопределении обсуждался сколько-нибудь систематично только голландцами и поляками. Будем надеяться, что „Предвестнику" удастся двинуть вперед обсуждение этого столь насущного теперь вопроса у англичан, американцев, французов, немцев, итальянцев. Официальный социализм, представляемый как прямыми сторонниками „своего" правительства, Плехановыми, Давидами и К°, так и прикрытыми защитниками оппортунизма, каутскианцами (в том числе Аксельрод, Мартов, Чхеидзе и пр.), — до такой степени изолгался по этому вопросу, что на очень долгое время неизбежны будут, с одной стороны, потуги отмолчаться и увернуться, а с другой сто-

роны, требования рабочих дать им „прямые ответы“ на „проклятые вопросы“. О ходе борьбы взглядов среди заграничных социалистов мы постараемся своевременно осведомлять читателей.

Для нас же, русских с.-д., вопрос имеет еще особую важность; эта дискуссия является продолжением дискуссии 1903 и 1913 годов; вопрос вызвал во время войны некоторое шатание мысли среди членов нашей партии; он обострен ухищрениями таких видных вождей гвоздевской или шовинистской рабочей партии, как Мартов и Чхеидзе, обойти суть дела. Поэтому подвести хотя бы первые итоги начатой на международной арене дискуссии необходимо.

Как видно из тезисов, наши польские товарищи дают нам прямой ответ на некоторые из наших доводов, напр., о марксизме и прудонизме. Но большей частью они отвечают нам не прямо, а косвенно, противопоставляя с в о и утверждения. Рассмотрим их косвенные и прямые ответы.

1. Социализм и самоопределение наций.

Мы утверждали, что было бы изменой социализму отказаться от осуществления самоопределения наций при социализме. Нам отвечают: „право самоопределения неприменимо к социалистическому обществу“. Расхождение коренное. В чем же его источник?

„Мы знаем, — возражают наши оппоненты, — что социализм уничтожит всякое национальное угнетение, так как он уничтожает классовые интересы, которые ведут к нему“... При чем это рассуждение об э к о н о м и ч е с к и х предпосылках уничтожения национального гнета, которые давным-давно известны и бесспорны, когда спор идет об о д н о й из форм п о л и т и ч е с к о г о гнета, именно о насильственном удержании одной нации внутри границ государства другой нации? Ведь, это просто попытка уклониться от политических вопросов! И дальнейшие рассуждения еще более убеждают нас в такой оценке: „Мы не имеем никаких оснований предполагать, что нации в социалистическом обществе будет принадлежать характер хозяйственно-политической единицы. По всей вероятности, она будет иметь только характер культурной и языковой единицы, так как территориальное разделение социалистического культурного круга, поскольку таковое будет существовать, может произойти только по потребностям производства, при чем решать вопрос об этом разделении, разумеется, должны не отдельные

нации поодиночке, имея всю полноту собственной власти (как этого требует „право самоопределения"), а совместно определять будут все заинтересованные граждане"...

Этот последний довод насчет совместного определения вместо самоопределения так нравится польским товарищам, что они три раза повторяют его в своих тезисах! Но частота повторений не превращает этого октябристского и реакционного довода в социал-демократический. Ибо все реакционеры и буржуа предоставляют нациям, насильственно удерживаемым в границах данного государства, право „совместно определять" его судьбы в общем парламенте. Вильгельм II тоже предоставляет бельгийцам право „совместно определять" в общем немецком парламенте судьбы немецкой империи.

Как-раз то, что спорно, — именно то, что исключительно и поставлено на дискуссию, право отделения, — наши оппоненты и усиливаются обойти. Это было бы смешно, когда бы не было так грустно!

У нас сказано в первом же тезисе, что освобождение угнетенных наций предполагает в области политической двоякое преобразование: 1) полное равноправие наций, — об этом нет спора, и это относится только к происходящему внутри государства; 2) свободу политического отделения, — это относится к определению границ государства. Только это спорно. И как-раз об этом наши оппоненты молчат. Ни о границах государства, ни даже вообще о государстве они думать не желают. Это какой-то „империалистический экономизм", подобный старому „экономизму" 1894—1902 годов, который рассуждал: капитализм победил, поэтому политические вопросы ни к чему! Империализм победил, поэтому политические вопросы ни к чему! Подобная „политическая" теория в корне враждебна марксизму.

Маркс писал в критике Готской программы: „Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, государством которого не может быть ничего иного, кроме как революционная диктатура пролетариата". До сих пор эта истина была бесспорна для социалистов, а в ней заключается признание государства вплоть до перерастания победившего социализма в полный коммунизм. Известно изречение Энгельса об отмирании государства. Мы нарочно подчеркнули в 1-м же тезисе, что демократия есть форма государства, которая тоже отомрет, когда ото-

мрет государство. И пока наши оппоненты не заменили марксизма какой-то новой, „а-государственной“, точкой зрения, их рассуждения — сплошная ошибка.

Вместо того, чтобы говорить о государстве (и значит, об определении его границ!), они говорят о „социалистическом культурном круге“, т.-е. нарочно выбирают неопределенное в том отношении выражение, что все государственные вопросы стираются! Получается смешная тавтология: конечно, если нет государства, то нет и вопроса об его границах. Тогда не нужна и вся демократически-политическая программа. Республики тоже не будет, когда „отомрет“ государство.

Немецкий шовинист Ленч в статьях, отмеченных нами в тезисе 5 (примеч.), привел одну интересную цитату из сочинения Энгельса „По и Рейн“. Энгельс говорит там, между прочим, что границы „больших и жизнеспособных европейских наций“ в ходе исторического развития, поглотившего ряд мелких и нежизнеспособных наций, определялись более и более „языком и симпатиями населения“. Эти границы Энгельс называет „естественными“. Так было дело в эпоху прогрессивного капитализма в Европе, около 1848 — 1871 г.г. Теперь реакционный, империалистский, капитализм все чаще ломает эти демократически определяемые границы. Все признаки говорят за то, что империализм оставит в наследство идущему ему на смену социализму границы, менее демократические, ряд аннексий в Европе и в других частях света. Что же?, победивший социализм, восстановляя и проводя до конца полную демократию по всей линии, откажется от демократического определения границ государства? Не пожелает считаться с „симпатиями“ населения? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы наглядно видеть, как польские наши коллеги катятся от марксизма к „империалистическому экономизму“.

Старые „экономисты“, превращая марксизм в карикатуру, учили рабочих, что для марксистов важно „только“ „экономическое“. Новые „экономисты“ думают то ли, что демократическое государство победившего социализма будет существовать без границ (вроде „комплекса ощущений“ без материи), то ли, что границы будут определяться „только“ по потребностям производства. На деле эти границы будут определяться демократически, т.-е. согласно воле и „симпатиям“ населения. Капитализм насилует эти симпатии и тем прибавляет новые трудности делу сближения наций. Социализм, организуя производство без классового гнета, обеспечивая благосостояние

всем членам государства, тем самым дает полный простор „симпатиям“ населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций.

Чтобы читатель несколько отдохнул от тяжелого и неуклюжего „экономизма“, приведем рассуждение одного постороннего нашему спору социалистического писателя. Писатель этот — Отто Бауэр, который имеет тоже свой „пунктик“, „культурно-национальную автономию“, но который очень правильно рассуждает о целом ряде важнейших вопросов. Напр., в § 29 своей книги „Национальный вопрос и соц.-демократия“ он в высшей степени верно отметил прикрытие национальной идеологией империалистской политики. В § 30: „Социализм и принцип национальности“, он говорит:

„Никогда социалистическая община не в состоянии будет насильно включать в свой состав целые нации. Представьте себе народные массы, обладающие всеми благами национальной культуры, принимающие полное и активное участие в законодательстве и управлении, наконец, снабженные оружием, — возможно ли было бы насильно подчинить такие нации господству чуждого общественного организма? Всякая государственная власть покоится на силе оружия. Теперешняя народная армия, благодаря искусному механизму, все еще составляет орудие в руках определенного лица, фамилии, класса, точно так же, как рыцарское и наемное войско минувших времен. Армия же демократической общины социалистического общества представляет собой не что иное, как вооруженный народ, так как она состоит из высококультурных людей, непринужденно работающих в общественных мастерских и принимающих полное участие во всех областях государственной жизни. При таких условиях исчезает всякая возможность чуженационального господства“.

...При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет нельзя. Для этого необходимо уничтожить классы, т.-е. ввести социализм. Но, базируясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней. Для устранения национального гнета необходим фундамент — социалистическое производство, но на этом фундаменте необходимы еще демократическая организация государства, демократическая армия и пр. Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает возможность полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в действительность „только“ — „только!“ — при полном проведении демо-

кратии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно „симпатиям“ населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, разовьется практически абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится отмиранием государства.

2. „Осуществима“ ли демократия при империализме?

Вся старая полемика польских с.-д. против самоопределения наций построена на доводе о „неосуществимости“ его при капитализме. Еще в 1903 году, в программной комиссии 2-го съезда Р.С.-Д.Р.П., мы, искровцы, смеялись над этим доводом и говорили, что он повторяет карикатуру на марксизм у (печальной памяти) „экономистов“. В наших тезисах мы особенно подробно остановились на этой ошибке, и как раз здесь, где заключается теоретическая база всего спора, польские товарищи не пожелали (или не смогли?) ответить ни на один наш аргумент.

Экономическая невозможность самоопределения должна была бы быть доказанной посредством экономического анализа, каким мы доказываем неосуществимость запрещения машин или введения рабочих денег и т. п. Никто и не пытается дать такой анализ. Никто не станет утверждать, чтобы хоть в одной стране „в виде исключения“ удалось ввести при капитализме „рабочие деньги“, как удалось одной маленькой стране, в виде исключения, в эру самого разнузданного империализма осуществить неосуществимое самоопределение и даже без войны и революции (Норвегия 1905 г.).

Вообще политическая демократия есть лишь одна из возможных (хотя теоретически для „чистого“ капитализма и нормальная) форм надстройки над капитализмом. И капитализм, и империализм, как показывают факты, развиваются при всяких политических формах, подчиняя себе все их. Поэтому теоретически в корне неверно говорить о „неосуществимости“ одной из форм и одного из требований демократии.

Отсутствие ответа польских коллег на эти доводы заставляет признать дискуссию по этому пункту конченной. Для наглядности, так сказать, мы выставили самое конкретное утверждение, что было бы „смешно“ отрицать „осуществимость“ восстановления Польши теперь в зависимости от стратегических и т. п. моментов данной войны. Ответа не последовало!

Польские товарищи просто повторили явно неверное утверждение (§ II, 1), говоря: „в вопросах присоединения чужих областей формы политической демократии устранены; открытое насилие решает... Капитал никогда не предоставит народу решения вопроса о своих государственных границах“... Как будто „капитал“ может „предоставить народу“ выбор его, служащих империализму, чиновников народом! Или как будто бы вообще были мыслимы без „открытого насилия“ какие бы то ни было крупные решения важных демократических вопросов, напр., о республике вместо монархии, о милиции вместо постоянной армии! Субъективно польские товарищи желают „углублять“ марксизм, но делают это совсем неудачно. Объективно их фразы о неосуществимости суть оппортунизм, ибо предполагается молча: „неосуществимо“ без ряда революций, как неосуществима при империализме и вся демократия, все ее требования вообще.

Один только раз, в самом конце § II, 1, в рассуждении об Эльзасе, польские коллеги покинули позицию „империалистического экономизма“, подойдя к вопросам одной из форм демократии с конкретным ответом, а не с общей ссылкой на „экономическое“. И как раз этот подход оказался неверным! Было бы „партикуляристичным, недемократичным“ — пишут они — если бы одни эльзасцы, не спросив французов, „навязали“ им присоединение Эльзаса к Франции, хотя бы часть Эльзаса тяготела к немцам и это грозило войной!!! Путаница совсем забавная: самоопределение предполагает (это ясно само собою, и мы особо подчеркнули это в наших тезисах) свободу отделения от угнетающего государства; о том, что присоединение к данному государству предполагает его согласие, в политике так же „не принято“ говорить, как в экономике не говорят о „согласии“ капиталиста получать прибыль или рабочего получать заработную плату! Говорить об этом смешно.

Если быть марксистским политиком, то, говоря об Эльзасе, надо напасть на негодяев немецкого социализма за то, что они не борются за свободу отделения Эльзаса, — на негодяев французского социализма за то, что они мирятся с французской буржуазией, желающей насильственно присоединить весь Эльзас, — на тех и других за то, что они служат империализму „своей“ страны, боясь отдельного хотя бы и маленького государства; надо показать, каким образом социалисты, признавая самоопределение, в несколько недель решили бы вопрос,

не нарушая воли эльзасцев. Рассуждать вместо этого об ужасной опасности того, что французские эльзасцы „навяжут“ себя Франции, есть просто перл.

3. Что такое аннексия?

Этот вопрос мы поставили в наших тезисах со всей определенностью (§ 7). Польские товарищи не ответили на него: они обошли его, усиленно заявляя: 1) что они против аннексий, и 2) объясняя, почему они против. Это очень важные вопросы, слов нет. Но это другие вопросы. Если мы сколько-нибудь заботимся о теоретической продуманности своих принципов, об их ясной и отчетливой формулировке, мы не можем обходить вопроса о том, что такое аннексия, раз это понятие фигурирует в нашей политической пропаганде и агитации. Обход же этого вопроса в коллегиальной дискуссии нельзя истолковать иначе, как отказ от позиции.

Почему мы поставили этот вопрос? Мы объяснили это, ставя его. Потому, что „протест против аннексий есть не что иное, как признание права самоопределения“. В понятие аннексии входят обычно: 1) понятие насилия (насильственное присоединение); 2) понятие чуженационального гнета (присоединение „чужой“ области и т. п.) и — иногда — 3) понятие нарушения status quo. И это мы указали в тезисах, и это наше указание не встретило критики.

Спрашивается, могут ли быть с.-д. вообще против насилия? Ясно, что нет. Значит, мы не потому против аннексий, что они суть насилие, а почему-то другому. Точно так же не могут быть с.-д. и за status quo. Как ни вертитесь, вы не минуете вывода: аннексия есть нарушение самоопределения нации, есть установление границ государства вопреки воле населения.

Быть против аннексии значит быть за право самоопределения. Быть „против насильственного удержания любой нации в границах данного государства“ (мы нарочно употребили и эту чуточку видоизмененную формулировку той же самой мысли в § 4 наших тезисов, и польские товарищи ответили здесь нам вполне ясно, заявив в своем § I, 4, вначале, что они „против насильственного удержания угнетенных наций в границах аннексирующего государства“) — это то же самое, что быть за самоопределение нации.

О словах спорить мы не хотим. Если есть партия, которая скажет в своей программе (или в обязательной для всех

резолюции, дело не в форме), что она против аннексий *), против насильственного удержания угнетенных наций в границах ее государства, то мы заявляем полное принципиальное согласие с такой партией. За слово „самоопределение“ было бы нелепо держаться. И если в нашей партии найдутся люди, которые захотят изменить в этом духе слова, формулировку § 9 нашей партийной программы, мы сочтем разногласие с такими товарищами совсем не принципиальным!

Дело только в политической ясности и в теоретической продуманности наших лозунгов.

В словесных дискуссиях по этому вопросу — важности которого особенно теперь, в связи с войной, никто не отрицает — встречался такой довод (мы не нашли его в печати): протест против известного зла не обязательно означает признание положительного понятия, исключающего зло. Довод явно несостоятельный и поэтому, очевидно, нигде и не воспроизведенный в печати. Если социалистическая партия заявляет, что она „против насильственного удержания угнетенной нации в границах аннексирующего государства“, то эта партия тем самым обязуется отказаться от насильственного удержания, когда она будет у власти.

Мы ни минуты не сомневаемся, что если завтра Гинденбург полупобедит Россию, и выражением этой полупобеды явится (в связи с желанием Англии и Франции немного ослабить царизм) новое государство польское, вполне „осуществимое“ с точки зрения экономических законов капитализма и империализма, и если затем послезавтра победит социалистическая революция в Питере, Берлине и Варшаве, то польское социалистическое правительство, подобно русскому и немецкому, откажется от „насильственного удержания“, скажем, украинцев, „в границах польского государства“. Если в этом правительстве будут члены редакции „Газеты Роботничей“, они, несомненно, принесут свои „тезисы“ в жертву и этим опровергнут ту „теорию“, что „к социалистическому обществу неприменимо право самоопределения“. Если бы мы думали иначе, мы поставили бы на очередь дня не товарищескую дискуссию с с.-д. Польши, а беспощадную борьбу с ними, как шовинистами.

Допустим, я выхожу на улицу любого европейского города и заявляю публично, повторяю потом в газетах „протест“ про-

*) „Против старых и новых аннексий“ — сформулировал это К. Радек в одной из своих статей в „Berner Tagwacht“.

тив того, что мне не позволяют купить человека в рабство. Нет сомнения, что меня вправе будут счесть рабовладельцем, сторонником принципа или системы, как хотите, рабства. Что мои симпатии к рабству облечены в отрицательную форму протеста, а не в положительную („я за рабство"), это никого не обманет. Политический „протест" в п о л н е равносилен политической программе, это до того очевидно, что как-то неловко даже быть вынужденным разъяснять это. Во всяком случае, мы твердо уверены, что со стороны, по крайней мере, циммервальдских левых, — не говорим обо всех циммервальдцах, ибо там есть Мартов и другие каутскианцы, — мы не встретим „протеста", если скажем, что в III Интернационале не будет места для людей, способных отделять политический протест от политической программы, противопоставлять одно другому и т. п.

Не желая спорить о словах, мы позволим себе выразить твердую надежду, что польские с.-д. постараются вскоре формулировать официально как свое предложение удалить § 9 из нашей (и их тоже) партийной программы, а равно из программы Интернационала (резолюция Лондонского конгресса 1896 г.), так и с в о е определение соответствующих политических мыслей о „старых и новых аннексиях" и о „насильственном удержании угнетаемой нации в границах аннексирующего государства". — Перейдем к следующему вопросу.

4. За аннексии или против аннексий?

В § 3-м первого отдела своих тезисов польские товарищи со всей определенностью заявляют, что они против всяких аннексий. К сожалению, в § 4-м того же отдела мы встречаем утверждения, которые приходится признать аннексионистскими. Начинается этот § следующей... как бы помягче сказать?.. странной фразой:

„Исходный пункт борьбы с.-д. против аннексий, против насильственного удержания угнетенных наций в границах аннексирующего государства составляет о т к л о н е н и е в с я к о й з а щ и т ы о т е ч е с т в а (курсив авторов), которая в эру империализма является защитой прав собственной буржуазии на угнетение и ограбление чужих народов"...

Что это? Как это?

„Исходным пунктом борьбы против аннексий является отклонение в с я к о й защиты отечества"... Но ведь „защитой отечества" можно назвать и до сих пор общепринято было называть всякую национальную войну и всякое национальное вос-

стание! Мы против аннексий, но... мы понимаем это так, что мы против войны аннексированных за их освобождение от аннексировавших, мы против восстания аннексированных с целью освобождения от аннексировавших. Разве это не аннексионистское утверждение?

Авторы тезисов мотивируют свое... странное утверждение тем, что „в эру империализма“ защита отечества есть защита прав своей буржуазии на угнетение чужих народов. Но это верно только по отношению к империалистской войне, т.-е. войне между империалистскими державами, или группами держав, когда обе воюющие стороны не только угнетают „чужие народы“, но и ведут войну из-за того, кому больше угнетать чужих народов!

Повидимому, авторы ставят вопрос о „защите отечества“ совсем не так, как ставит его наша партия. Мы отвергаем „защиту отечества“ в империалистской войне. Это яснее ясного сказано и в манифесте ЦК нашей партии, и в бернских резолюциях, перепечатанных в брошюре „Социализм и война“, которая вышла и по-немецки, и по-французски. Мы подчеркнули это дважды и в наших тезисах (примечания к § 4 и к § 6). Повидимому, авторы польских тезисов отвергают защиту отечества вообще, т.-е. и для национальной войны, считая, может быть, национальные войны „в эру империализма“ невозможными. Говорим: „может быть“, потому что в своих тезисах польские товарищи такого взгляда не изложили.

Такой взгляд ясно выражен в тезисах немецкой группы „Интернационал“ и в брошюре Юниуса [172]), который мы посвящаем особую статью. Заметим в дополнение к сказанному там, что национальное восстание аннексированной области или страны против аннексировавшей могут назвать именно восстанием, а не войной (мы слышали такое возражение и потому приводим его, хотя считаем этот терминологический спор несерьезным). Во всяком случае, отрицать то, что аннексированные Бельгия, Сербия, Галиция, Армения назовут свое „восстание“ против аннексировавшего „защитой отечества“, и назовут правильно, едва ли кто решится. Выходит, что польские товарищи против такого восстания на том основании, что в этих аннексированных странах есть тоже буржуазия, которая тоже угнетает чужие народы, или, вернее: может угнетать, ибо речь идет только о „праве ее на угнетение“. Для оценки данной войны или данного восстания берется, след., не его действительное социальное содержание (борьба угнетенной нации против

угнетающей за свое освобождение), а возможное осуществление угнетенной ныне буржуазией ее „права на угнетение“. Если Бельгия, скажем, в 1917 году будет аннексирована Германией, а в 1918 году восстанет за свое освобождение, то польские товарищи будут против восстания на том основании, что бельгийская буржуазия имеет „право на угнетение чужих народов“!

Ни марксистского, ни революционного вообще в этом рассуждении нет ни грана. Не изменяя социализму, мы должны поддерживать всякое восстание против нашего главного врага, буржуазии крупных государств, если это не восстание реакционного класса. Отказываясь от поддержки восстания аннексированных областей, мы — объективно — становимся аннексионистами. Именно в „эру империализма“, которая есть эра начинающейся социальной революции, пролетариат поддержит с особой энергией сегодня восстание аннексированных областей, чтобы завтра же или одновременно напасть на ослабляемую таким восстанием буржуазию „великой“ державы.

Однако, польские товарищи идут еще дальше в своем аннексионизме. Они не только против восстания аннексированных областей, они против всякого восстановления их независимости, хотя бы мирного! Слушайте:

„С.-д. отклоняя всякую ответственность за последствия угнетательской политики империализма, борясь с ними самым резким образом, никоим образом не выступает за установление новых пограничных столбов в Европе, за восстановление снесенных империализмом“ (курсив авторов).

Сейчас „империализмом снесены пограничные столбы“ между Германией и Бельгией, между Россией и Галицией. Международная с.-д. должна быть, видите ли, против их восстановления вообще, каким бы то ни было образом. В 1905 г., „в эру империализма“, когда автономный сейм Норвегии провозгласил отделение от Швеции, а война Швеции против Норвегии, проповедывавшаяся реакционерами Швеции, не удалась как в силу сопротивления шведских рабочих, так и в силу международной империалистской ситуации, — с.-д. должна была бы быть против отделения Норвегии, ибо это означало, несомненно, „установление новых пограничных столбов в Европе“!!

Это уже прямой, открытый аннексионизм. Опровергать его нет надобности, он сам себя опровергает. Ни одна социалистическая партия не решится принять этой позиции: „мы против аннексий вообще, но для Европы мы санкционируем аннексии или миримся с ними, раз только они произведены“...

Остановиться надо лишь на теоретических источниках ошибки, доведшей наших польских товарищей до такой самоочевиднейшей... „невозможности“. О неосновательности выделения „Европы“ мы скажем ниже. Следующие две фразы из тезисов поясняют другие источники ошибки:

„...Там, где колесо империализма прошло над образовавшимся уже капиталистическим государством, давя его, там в зверской форме империалистского угнетения происходит политическая и экономическая концентрация капиталистического мира, подготовляющая социализм“...

Это оправдание аннексий есть струвизм, а не марксизм. Русские с.-д., помнящие 1890-е годы в России, хорошо знают эту манеру извращения марксизма, общую г.г. Струве, Куновым, Легинам и К°. Как раз насчет немецких струвистов, так называемых „социал-империалистов“, в другом тезисе (II, 3) польских товарищей читаем:

...(Лозунг самоопределения) „дает социал-империалистам возможность, доказывая иллюзионный характер этого лозунга, представлять нашу борьбу против национального угнетения исторически неправомерной сантиментальностью и тем подрывать доверие пролетариата к научной обоснованности с.-д. программы“...

Это значит, что позицию немецких струвистов авторы считают „научной“! Поздравляем.

Только одна „мелочь“ разрушает этот удивительный аргумент, грозящий нам тем, что Ленчи, Куновы, Парвусы п р а в ы против нас: именно, эти Ленчи — последовательные по-своему люди, и в номере 8 — 9 шовинистского немецкого „Колокола“ — мы нарочно процитировали эти именно номера в наших тезисах — Ленч доказывает о д н о в р е м е н н о и „научную необоснованность“ лозунга самоопределения (польские с.-д. признали, видимо, э т у аргументацию Ленча неотразимой, как явствует из приведенного нами рассуждения в их тезисах...), *и* „научную необоснованность“ лозунга: против аннексий!!

Ибо Ленч прекрасно понял ту простую истину, на которую мы указали польским коллегам, не пожелавшим ответить на наше указание: нет разницы, ни „экономической, ни политической“, ни вообще логической, между „признанием“ самоопределения и „протестом“ против аннексий. Если польские товарищи считают доводы Ленчей против самоопределения неотразимыми, то нельзя же не признать ф а к т а: в с е эти доводы Ленчи направляют и против борьбы с аннексиями.

Теоретическая ошибка, лежащая в основе всех рассуждений наших польских коллег, довела их до того, что они оказались непоследвательными аннексионистами.

5. Почему с.-д. против аннексий?

С нашей точки зрения, ответ ясен: потому, что аннексия нарушает самоопределение наций, или, иначе, составляет одну из форм национального гнета.

С точки зрения польских с.-д., приходится особо выяснять, почему мы против аннексий, и эти разъяснения (I, 3 в тезисах) запутывают авторов неминуемо в новый ряд противоречий.

Два довода приводятся ими в „оправдание“ того, почему мы (вопреки „научно-обоснованным“ аргументам Ленчей) против аннексий. Первый:

„...Утверждению, что аннексии в Европе необходимы для военного обеспечения победоносного империалистского государства, с.-д. противопоставляет тот факт, что аннексии только усиливают антагонизмы и тем увеличивают опасность войны“.

Это недостаточный ответ Ленчам, ибо их главный довод не военная необходимость, а экономическая прогрессивность аннексий, означающих концентрацию при империализме. Где же тут логика, если польские с.-д. в одно и то же время признают прогрессивность такой концентрации, отказываясь в Европе восстановлять снесенные империализмом пограничные столбы, и возражают против аннексий?

Далее. Опасность каких войн усиливают аннексии? Не империалистских, ибо они порождаются другими причинами; главные антагонизмы в настоящей империалистской войне, бесспорно, суть антагонизмы Англии с Германией, России с Германией. Аннексий тут не было и нет. Речь идет об усилении опасности национальных войн и национальных восстаний. Но как же можно, с одной стороны, объявлять национальные войны „в эру империализма“ невозможными, а с другой стороны, выдвигать „опасность“ национальных войн? Это нелогично.

Второй довод. Аннексии „создают пропасть между пролетариатом господствующей и угнетенной нации“... „пролетариат угнетающей нации соединился бы с своей буржуазией и видел врага в пролетариате господствующей нации. На место интернациональной классовой борьбы пролетариата против интернациональной буржуазии наступил бы раскол пролетариата, его идейное развращение“...

Эти доводы мы вполне разделяем. Но логично ли по одному и тому же вопросу в одно и то же время выдвигать взаимно исключающие доводы? В § 3 отдела I тезисов, мы читаем приведенные доводы, видящие раскол пролетариата в аннексиях, а рядом, в § 4, нам говорят, что в Европе надо быть против отмены совершонных уже аннексий, за „воспитание рабочих масс угнетенных и угнетающих наций к солидарной борьбе“. Если отмена аннексий — реакционная „сантиментальность“, тогда нельзя аргументировать так, что аннексии роют „пропасть“ между „пролетариатом“ и создают „раскол“ его, тогда надо, наоборот, видеть в аннексиях условие сближения пролетариата разных наций.

Мы говорим: для того, чтобы мы были в силах совершить социалистическую революцию и низвергнуть буржуазию, рабочие должны соединиться теснее, и этому тесному соединению служит борьба за самоопределение, т.-е. против аннексий. Мы остаемся последовательны. Польские же товарищи, признавая „неотменяемость“ европейских аннексий, признавая „невозможность“ национальных войн, побивают сами себя, когда спорят „против“ аннексий именно доводами от национальных войн! Именно доводами такого рода, что аннексии затрудняют сближение и слияние рабочих разных наций!

Другими словами: чтобы возразить против аннексий, польским с.-д. приходится брать доводы из такого теоретического багажа, который они же принципиально отвергают.

Еще и еще нагляднее это на вопросе о колониях.

6. Можно ли противополагать колонии „Европе“ в данном вопросе?

В наших тезисах сказано, что требование немедленного освобождения колоний так же „неосуществимо“ (т.-е. неосуществимо без ряда революций и непрочно без социализма) при капитализме, как и самоопределение наций, выбор чиновников народом, демократическая республика и пр., а с другой стороны, что требование освобождения колоний есть не что иное, как „признание самоопределения наций“.

Польские товарищи не ответили ни на один из этих аргументов. Они-то пытались провести различие между „Европой“ и колониями. Только для Европы они становятся непоследовательными аннексионистами, отказываясь отменять аннексии, раз они уже совершены. Для колоний же они провозглашают безусловное требование: „прочь из колоний!“

Русские социалисты должны требовать: „прочь из Туркестана, из Хивы, из Бухары и пр.“, но они впадут, дескать, в „утопизм“, „ненаучную“ „сантиментальность“ и проч., если такой же свободы отделения потребуют для Польши, Финляндии, Украины и пр. Английские социалисты должны требовать: „прочь из Африки, из Индии, из Австралии“, но не из Ирландии. Какими теоретическими основаниями можно объяснить такое бьющее в глаза своей неверностью различие? Обойти этот вопрос нельзя.

Главная „база“ противников самоопределения: „неосуществимость“. Ту же мысль с небольшим оттенком выражает ссылка на „экономическую и политическую концентрацию“.

Ясно, что концентрация происходит *и* посредством присоединения колоний. Экономическое различие между колонями и европейскими народами — по крайней мере, большинством последних — состояло прежде в том, что колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии. Вырвать их из зависимости от европейского финансового капитала нельзя. С военной точки зрения, как и с точки зрения экспансии (расширения), отделение колоний осуществимо, по общему правилу, лишь с социализмом, а при капитализме или в виде исключения, или ценой ряда революций и восстаний как в колонии, так и в метрополии.

В Европе большей частью зависимые нации капиталистически развитее (хотя не все: албанцы, многие инородцы России), чем в колониях. Но именно это вызывает большой отпор национальному гнету и аннексиям! Именно в силу этого развитие капитализма обеспеченнее в Европе при всяких политических условиях, в том числе и при отделении, чем в колониях... „Там, — говорят польские товарищи про колонии (I, 4), — капитализму предстоит еще задача самостоятельного развития производительных сил“... В Европе это еще заметнее: капитализм в Польше, Финляндии, Украине, Эльзасе, несомненно, развивает производительные силы и сильнее, и быстрее, и самостоятельнее, чем в Индии, Туркестане, в Египте и др. колониях чистейшего типа. Ни самостоятельное, ни вообще какое бы то ни было развитие в обществе товарного производства невозможно без капитала. В Европе у зависимых наций есть и свой капитал, и легкая возможность на разнообразнейших условиях

добыть его. В колониях своего капитала нет или почти нет, добывать его иначе, как на условиях политического подчинения, в обстановке финансового капитала, колония не может. Что же значит, в силу всего этого, требование немедленно и безусловно освободить колонии? Не ясно ли, что оно гораздо „утопичнее“ в том вульгарном, карикатурно-„марксистском“ смысле слова „утопия“, в котором его употребляют гг. Струве, Ленчи, Куновы, а за ними, к сожалению, и польские товарищи? Под „утопизмом“ здесь понимается собственно отступление от обывательски-обычного, в том числе все революционное. Но революционные движения всех видов — в том числе и национальные — в европейской обстановке возможнее, осуществимее, упорнее, сознательнее, труднее победимы, чем в колониях.

„Социализм, — говорят польские товарищи (I, 3), — сумеет дать неразвитым народам в колониях бескорыстную культурную помощь, не господствуя над ними“. Совершенно справедливо. Но где же основание думать, что большая нация, большое государство, перейдя к социализму, не сумеет привлечь маленькой угнетенной нации в Европе посредством „бескорыстной культурной помощи“? Именно свобода отделения, которую польские с.-д. „дают“ колониям, и привлечет к союзу с большими социалистическими государствами малые, но культурные и политически-требовательные угнетенные нации Европы, ибо крупное государство при социализме будет значить: столько-то часов работы в день меньше, на столько-то заработка в день больше. Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями ради этой „культурной помощи“, лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить „свое“ государство. При капитализме этот „опыт“ означает войны, обособление, замкнутость, узкий эгоизм привилегированных мелких наций (Голландия, Швейцария). При социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто-экономическим вышеуказанным мотивам, а разнообразие политических форм, свобода выхода из государства, опыт государственного строительства — все это будет, пока не отомрет всякое государство вообще, основой богатой культурной жизни, залогом ускорения процесса добровольного сближения и слияния наций.

Выделяя колонии и противополагая их Европе, польские товарищи впадают в такое противоречие, которое сразу разрушает всю их ошибочную аргументацию.

7. Марксизм или прудонизм?

Нашу ссылку на отношение Маркса к отделению Ирландии польские товарищи парируют, в виде исключения, не косвенно, а прямо. В чем же состоит их возражение? Ссылки на позицию Маркса 1848—1871 г.г. не имеют, по их мнению, „ни малейшей ценности". Это необыкновенно сердитое и решительное заявление мотивируется тем, что Маркс „одновременно" выступал против стремлений к независимости „чехов, южных славян и т. п.".

Мотивировка именно потому особенно сердита, что она особенно несостоятельна. У польских марксистов вышло, что Маркс был просто путаником, который „одновременно" говорил противоположные вещи! Это совсем неверно, и это совсем не марксизм. Как раз требование „конкретного" анализа, которое польские товарищи выдвигают, чтобы не применять его, обязывает нас рассмотреть, не вытекало ли различное отношение Маркса к различным конкретным „национальным" движениям из одного и того же социалистического мировоззрения.

Как известно, Маркс стоял за независимость Польши с точки зрения интересов европейской демократии в ее борьбе против силы и влияния,—можно сказать: против всесилия и преобладающего реакционного влияния—царизма. Правильность этой точки зрения получила самое наглядное и фактическое подтверждение в 1849 г., когда русское крепостное войско раздавило национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии. И с тех пор до смерти Маркса, даже позже, до 1890 года, когда грозила реакционная война царизма в союзе с Францией против не империалистской, а национально-независимой Германии, Энгельс стоял прежде всего и больше всего за борьбу с царизмом. Поэтому, и только поэтому, Маркс и Энгельс были против национального движения чехов и южных славян. Простая справка с тем, что писали Маркс и Энгельс в 1848—49 г., покажет всякому, кто интересуется марксизмом не для того, чтобы отмахиваться от марксизма, что Маркс и Энгельс противополагали тогда прямо и определенно „целые реакционные народы", служащие „русскими форпостами" в Европе, „революционным народам": немцам, полякам, мадьярам. Это—факт. И этот факт был тогда бес-

бесспорно верно указан: в 1848 г. революционные народы бились за свободу, главным врагом которой был царизм, а чехи и т. п. действительно были реакционными народами — форпостами царизма.

Что же говорит нам этот конкретный пример, который надо разобрать конкретно, если хотеть быть верным марксизму? Только то, что: 1) интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций; 2) что требование демократии надо брать в общеевропейском — теперь следует сказать: мировом — масштабе, а не изолировано.

Ничего больше. Ни тени опровержения того элементарного социалистического принципа, который забывают поляки, и которому всегда был верен Маркс: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Если конкретная ситуация, перед которой стоял Маркс в эпоху преобладающего влияния царизма в международной политике, повторится, напр., в такой форме, что несколько народов начнут социалистическую революцию (как в 1848 г. в Европе начали буржуазно-демократическую революцию), а другие народы окажутся главными столпами буржуазной реакции, — мы тоже должны быть за революционную войну с ними, за то, чтобы „раздавить" их, за то, чтобы разрушить все их форпосты, какие бы мелко-национальные движения здесь ни выдвигались. След., вовсе не отбрасывать должны мы примеры тактики Маркса, — это значило бы на словах исповедывать марксизм, на деле рвать с ним, — а из их конкретного анализа выводить неоценимые уроки для будущего. Отдельные требования демократии, в том числе самоопределение, не абсолют, а частичка общедемократического (ныне: общесоциалистического) мирового движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее. Возможно, что республиканское движение в одной из стран является лишь орудием клерикальной или финансово-монархической интриги других стран, — тогда мы должны не поддерживать это данное конкретное движение, но было бы смешно на таком основании выбрасывать из программы международной с.-д. лозунг республики.

Как именно изменилась конкретная ситуация с 1848—71 но 1898—1916 г.г. (беру крупнейшие вехи империализма, как периода от испано-американской империалистской войны до европейской империалистской войны)? Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-первых, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом,

особенно Франции, во-вторых, в силу 1905 года. Тогда система крупных национальных государств — демократий Европы — несла миру демократию и социализм вопреки царизму *). До империализма Маркс и Энгельс не дожили. Теперь сложилась система горстки (5 — 6 числом) „великих“ империалистских держав, из коих каждая угнетает чужие нации, при чем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма, искусственной поддержки оппортунизма и социал-шовинизма господствующих над миром империалистских наций. Тогда западно-европейская демократия, освобождающая крупнейшие нации, была против царизма, использующего в целях реакции отдельные маленькие национальные движения. Теперь союз царистского с передовым капиталистическим европейским империализмом, на базе всеобщего угнетения ими ряда наций, стоит против социалистического пролетариата, расколотого на шовинистский, „социал-империалистский“ и на революционный.

Вот в чем конкретное изменение ситуации, как раз игнорируемое польскими с.-д., вопреки их обещанию быть конкретными! Отсюда конкретное изменение в приложении тех же социалистических принципов: тогда в первую голову „против царизма“ (и против используемых им в антидемократическом направлении некоторых мелко-национальных движений), за крупно-национальные революционные народы запада. Теперь — против единого выровнявшегося фронта империалистских держав, империалистской буржуазии, социал-империалистов, за использование в целях социалистической революци всех национальных движений против империализма. Чем чище теперь борьба пролетариата против общеимпериалистского фронта, тем насущнее, очевидно, интернационалистский принцип: „не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы“.

Прудонисты, во имя доктринерски-понятой социальной революции, игнорировали международную роль Польши и от-

*) Рязанов опубликовал в „Архиве по истории социализма“ Грюнберга (1915, 1) интереснейшую статью Энгельса 1866 г. по польскому вопросу. Энгельс подчеркивает необходимость для пролетариата признать политическую независимость и „самоопределение“ (right to dispose of itl sef) крупных великих наций Европы, отмечая нелепость „принципа национальностей“ (особенно в его бонапартистском использовании), т.-е. приравнивания любой мелкой нации к этим крупным. „Россия, говорит Энгельс, есть владелец громадного количества украденной собственности“ (т.-е. угнетенных наций), „которую ей придется отдать назад в день расчета“. И бонапартизм и царизм используют мелко-национальные движения в свою выгоду, против европейской демократии.

махивались от национальных движений. Совершенно так же доктринерски поступают польские с.-д., разбивающие интернациональный фронт борьбы с социал-империалистами, помогая (объективно) этим последним своими колебаниями по вопросу об аннексиях. Ибо именно интернациональный фронт пролетарской борьбы видоизменился в отношении конкретной позиции мелких наций: тогда (1848 — 71) мелкие нации имели значение, как возможный союзник либо „западной демократии“ и революционных народов, либо царизма; теперь (1898 — 1914) мелкие нации потеряли такое значение; их значение ныне — один из питательных источников паразитизма и, след., социал-империализма „великодержавных наций“. Не то важно, освободится ли до социалистической революции $^1/_{50}$ или $^1/_{1000}$ мелких наций, а то важно, что пролетариат в империалистскую эпоху, в силу объективных причин, разделился на два международных лагеря, из коих один развращен крохами, падающими со стола великодержавной буржуазии, — между прочим, и от двойной или тройной эксплоатации мелких наций, — а другой не может освободиться сам, не освобождая мелких наций, не воспитывая массы в анти-шовинистском, т.-е. анти-аннексионистском, т.-е. „самоопределенческом“ духе.

Эту самую главную сторону дела игнорируют польские товарищи, смотрящие на вещи не с центральной, в эпоху империализма, позиции, не с точки зрения двух лагерей международного пролетариата.

Вот еще наглядные примеры их прудонизма: 1) отношение к ирландскому восстанию 1916 г., о чем речь ниже; 2) заявление в тезисах (II, 3, в конце § 3), что лозунг социалистической революции „не должен быть ничем прикрыт“. Это как раз глубоко антимарксистская идея, будто можно „прикрыть“ лозунг социалистической революции, связывая его с последовательно-революционной позицией во всяком, в том числе и национальном, вопросе.

Нашу программу польские с.-д. находят „национально-реформистской“. Сопоставьте два практических предложения: 1) за автономию (польские тезисы III, 4) и 2) за свободу отделения. Ведь этим, и только этим, отличаются наши программы! И не ясно ли, что реформистской является именно первая в отличие от второй? Реформистское изменение есть такое, которое не подрывает основ власти господствующего класса, будучи лишь уступкой его, при сохранении его господства. Революционное подрывает основу власти. Реформистское в националь-

ной программе не отменяет всех привилегий господствующей нации, не создает полного равноправия, не устраняет всякого национального гнета. „Автономная“ нация не равноправна с „державной“ нацией; польские товарищи не могли бы не заметить этого, если бы не игнорировали упорно (точно наши старые „экономисты“) анализа политических понятий и категорий. Автономная Норвегия пользовалась, как часть Швеции, до 1905 г. самой широкой автономией, но равноправна Швеции она не была. Лишь ее свободное отделение проявило на деле и доказало ее равноправие (при чем — добавим в скобках — именно этот свободный отход создал базу для более тесного, более демократического сближения, основанного на равенстве прав). Пока Норвегия была только автономна, шведская аристократия имела одну лишнюю привилегию, и эта привилегия была не „ослаблена“ (сущность реформизма в ослаблении зла, а не уничтожении его), а отделением устранена совершенно (основной признак революционного в программе).

Кстати сказать: автономия, как реформа, принципиально отлична от свободы отделения, как революционной меры. Это несомненно. Но реформа — всем известно — часто есть на практике лишь шаг к революции. Именно автономия позволяет нации, насильственно удерживаемой в границах данного государства, окончательно конституироваться как нация, собрать, узнать, сорганизовать свои силы, выбрать вполне подходящий момент для заявления... в „норвежском“ духе: мы, автономный сейм нации такой-то или края такого-то, объявляем, что император всероссийский перестал быть королем польским и т. п. На это „возражают“ обычно: такие вопросы решаются войнами, а не декларациями. Справедливо: в громадном большинстве случаев войнами (как вопросы о форме правления крупных государств в громадном большинстве случаев решаются лишь войнами и революциями). Однако, не мешает подумать, логично ли подобное „возражение“ против политической программы революционной партии? Разве мы против войн и революций за справедливое и полезное для пролетариата, за демократию и за социализм?

„Но не можем же мы стоять за войну между великими народами, за избиение 20-ти миллионов людей ради проблематического освобождения маленькой нации, может быть состоящей из 10 — 20 миллионов населения“! Конечно, не можем! Но не потому, что мы выкидываем из своей программы полное

национальное равенство, а потому, что интересы демократии одной страны надо подчинять интересам демократии нескольких и всех стран. Представим себе, что между двумя большими монархиями находится одна маленькая, королек который родственными и иными узами „связан“ с монархами обеих соседних стран. Представим себе, далее, что провозглашение республики в маленькой стране, изгнание ее монарха, означало бы на практике войну между двумя соседними большими странами из-за восстановления того или иного монарха маленькой страны. Нет сомнения, что вся международная с.-д., как и действительно интернационалистская часть с.-д. маленькой страны, была бы против замены монархии республикой в данном случае. Замена монархии республикой — не абсолют, а одно из демократических требований, подчиненное интересам демократии (и еще более, конечно, социалистического пролетариата) в целом. Наверное, такой случай не вызвал бы ни тени разногласий между с.-д. любых стран. Но если бы на этом основании какой-либо с.-д. предложил выкинуть из программы международной с.-д. вообще лозунг республики, — его, наверное, сочли бы сумасшедшим. Ему сказали бы: нельзя все же забывать элементарное логическое отличие особенного от общего.

Этот пример подводит нас, несколько с другой стороны, к вопросу об интернационалистском воспитании рабочего класса. Может ли это воспитание — о необходимости и настоятельнейшей важности которого немыслимы разногласия в среде циммервальдских левых — быть конкретно одинаково в нациях больших и угнетающих и в нациях маленьких, угнетаемых? В нациях аннексирующих и нациях аннексируемых?

Очевидно, нет. Путь к одной цели: к полному равноправию, теснейшему сближению и дальнейшему слиянию всех наций идет здесь, очевидно, различными конкретными дорогами, — все равно, как путь, скажем, к точке, находящейся в середине данной страницы, идет налево от одного бокового края ее и направо от противоположного края. Если социал-демократ большой, угнетающей, аннексирующей нации, исповедуя вообще слияние наций, забудет хоть на минуту о том, что „его“ Николай II, „его“ Вильгельм, Георг, Пуанкаре и пр. тоже за слияние с мелкими нациями (путем аннексий), — Николай II за „слияние“ с Галицией, Вильгельм II за „слияние“ с Бельгией и пр., — то подобный с.-д. окажется

смешным доктринером в теории, пособником империализма на практике.

Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетенных стран. Без этого нет интернационализма. Мы вправе и обязаны третировать всякого с.-д. угнетающей нации, которой не ведет такой пропаганды, как империалиста и как негодяя. Это — безусловное требование, хотя бы случай отделения был возможен и „осуществим“ до социализма всего в 1 из 1000 случаев.

Мы обязаны воспитывать рабочих в „равнодушии“ к национальным различиям. Это бесспорно. Но не в равнодушии аннексионистов. Член угнетающей нации должен быть „равнодушен“ к вопросу о том, принадлежат ли маленькие нации его государству, или соседнему, или сами себе, смотря по их симпатиям: без такого „равнодушия“ он не с.-демократ. Чтобы быть соц.-демократом-интернационалистом, надо думать не о своей только нации, а выше ее ставить интересы всех, их всеобщую свободу и равноправие. В „теории“ все с этим согласны, но на практике проявляют как раз аннексионистское равнодушие. Здесь корень зла.

Наоборот. С.-д. маленькой нации должен центр тяжести своей агитации класть на втором слове нашей общей формулы: „добровольное соединение“ наций. Он может, не нарушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть *и* за политическую независимость своей нации, *и* за ее включение в соседнее государство X, Y, Z и пр. Но во всех случаях он должен бороться против мелко-национальной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего.

Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят „противоречивым“, чтобы с.-д. угнетающих наций настаивали на „свободе отделения“, а с.-д. угнетенных наций на „свободе соединения“. Но небольшое размышление показывает, что иного пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели от данного положения нет и быть не может.

И здесь мы подошли к особому положению голландской и польской социал-демократии.

8. Особое и общее в позиции голландских и польских с.-д.-интернационалистов.

Нет ни малейшего сомнения, что стоящие против самоопределения голландские и польские марксисты принадлежат к лучшим революционным и интернационалистским элементам международной с.-д. Как же это *может* быть, что их теоретические рассуждения представляют из себя, как мы видели, сплошную сеть ошибок? Ни одного правильного общего рассуждения, ничего, кроме „империалистского экономизма"!

Дело объясняется вовсе не особо дурными субъективными качествами голландско-польских товарищей, а *особыми* объективными условиями их стран. Обе страны: 1) маленькие и беспомощные в современной „системе" великих держав; 2) обе географически расположены между наиболее остро соперничающими империалистскими хищниками гигантской силы (Англия и Германия; Германия и Россия); 3) в обеих страшно сильны воспоминания и традиции тех времен, когда обе были *сами* „великодержавными": Голландия была более сильной, чем Англия, колониальной великой державой; Польша была более культурной и более сильной великой державой, чем Россия и Пруссия; 4) обе сохранили до сих пор привилегии, состоящие в угнетении чужих народов: голландский буржуа владеет богатейшей голландской Индией; польский помещик угнетает украинского и белорусского „хлопа", польский буржуа — еврея и т. п.

Такого своеобразия, которое состоит в сочетании этих четырех особых условий, вы не найдете в положении Ирландии, Португалии (она была одно время аннексией Испании), Эльзаса, Норвегии, Финляндии, Украины, края латышского, белорусского и мн. др. И вот в этом-то своеобразии *вся суть* дела! Когда голландские и польские с.-д. рассуждают против самоопределения при помощи аргументов *общих*, т.-е. касающихся империализма вообще, социализма вообще, демократии вообще, национального гнета вообще, у них, поистине можно сказать, ошибка на ошибке едет и ошибкой погоняет. Но стоит только отбросить эту явно ошибочную *оболочку* общих аргументов и посмотреть на *суть* дела с точки зрения своеобразия *особых* условий Голландии и Польши, как становится *понятной* и вполне законной их своеобразная позиция. Можно сказать, не боясь впасть в парадокс, что когда голландские и польские марксисты с пеной у рта восстают против самоопределения,

они не совсем то говорят, что хотят сказать, или, иначе: они хотят сказать не совсем то, что они говорят *).

Один пример приведен уже нами в наших тезисах. Гортер против самоопределения своей страны, но за самоопределение угнетенной „его“ нацией Голландской Индии! Удивительно ли, что мы видим в нем более искреннего интернационалиста и более близкого к нам единомышленника, чем в людях, которые так признают самоопределение — так словесно, так лицемерно признают самоопределение, — как Каутский у немцев, Троцкий и Мартов у нас? Из общих и коренных принципов марксизма безусловно вытекает долг бороться за свободу отделения наций, угнетаемых „моей собственной“ нацией, но вовсе не вытекает необходимость ставить во главу угла независимость именно Голландии, которая страдает всего более от узкой, заскорузлой, корыстной и отупляющей замкнутости: пусть весь свет горит, наша хата с краю, „мы“ довольны нашей старой добычей и ее богатейшим „остаточком“ Индией, больше „нам“ ни до чего дела нет!

Другой пример. Карл Радек, польский с.-д., который снискал себе особенно большую заслугу своей решительной борьбой за интернационализм в германской с.-д. после начала войны, в статье „Право нации на самоопределение“ („Lichtsrahlen“ — запрещенный прусской цензурой леворадикальный ежемесячник, редактируемый Ю. Борхардтом — 1915, 5 дек., III год, № 3) восстает яро против самоопределения, приводя, между прочим, только голландские и польские авторитеты в свою пользу и выдвигая в числе других такой аргумент: самоопределение питает ту мысль, „будто обязанностью с.-д. является поддержка всякой борьбы за независимость“.

С точки зрения общей теории, этот аргумент прямо возмутителен, ибо он явно нелогичен: во-первых, ни единого частного требования демократии нет и быть не может, которое бы не порождало злоупотреблений, если не подчинять частное общему; мы не обязаны поддерживать ни „всякой“ борьбы за независимость, ни „всякое“ республиканское или анти-поповское движение. Во-вторых, нет и быть не может ни одной формулировки борьбы против национального гнета, которая не страдала бы тем же „недостатком“. Сам Радек в „Berner Tagwacht“ употребил формулу (1915, № 253): „против ста-

*) Напомним, что в своей циммервальдской декларации все польские с.-д. признали самоопределение вообще, только в чуточку иной формулировке.

рых и новых аннексий". Любой польский националист законно „выведет" из этой формулы: „Польша есть аннексия, я против аннексии, то есть я за независимость Польши". Или Роза Люксембург, помнится, в статье 1908 г., высказала мнение, что достаточно формулы: „против национального угнетения". Но любой польский националист скажет — и с полным правом, — что аннексия есть один из видов национального угнетения, а, следовательно, и т. д.

Возьмите, однако, вместо этих общих доводов особые условия Польши: ее независимость теперь „неосуществима" без войн или революции. Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши — это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны. А ведь именно таковы, напр., „фраки" (П. П. С. правица) [174]), которые социалисты только на словах, и против которых тысячу раз правы польские с.-д. Ставить лозунг независимости Польши теперь, в обстановке данного соотношения империалистских соседних держав, значит действительно гоняться за утопией, впадать в узкий национализм, забывать предпосылку общеевропейской или, по крайней мере, русской и немецкой революций. Точно так же ставить, как самостоятельный лозунг, лозунг свободы коалиций в России 1908 — 1914 г.г. значило гоняться за утопией, объективно помогая столыпинской рабочей партии (ныне потресовско-гвоздевской, что, впрочем, одно и то же). Но было бы сумасшествием удалять вообще требование свободы коалиции из программы с.-д.!

Третий и, пожалуй, самый важный пример. В польских тезисах (III, § 2, в конце) мы читаем против идеи независимого польского государства-буфера, что это „пустая утопия маленьких бессильных групп. Будучи осуществлена, эта идея означала бы создание маленького польского обломка — государства, которое было бы военной колонией той или другой группы великих держав, игрушкой их военных и экономических интересов, областью эксплоатации чужого капитала, полем битвы в будущих войнах". Все это очень верно против лозунга независимости Польши теперь, ибо даже революция в одной Польше ничего бы тут не изменила, внимание польских масс отвлечено было бы от главного: от связи их борьбы с борьбой русского и немецкого пролетариата. Это не парадокс, а факт, что польский пролетариат, как таковой, может помочь теперь делу социализма и свободы, в том числе и поль-

ской, лишь борьбой совместно с пролетариями соседних стран против узко-польских националистов. Невозможно отрицать исторически-крупной заслуги польских с.-д. в борьбе против этих последних.

Но те же самые аргументы, верные с точки зрения особых условий Польши в данную эпоху, явно неверны в той общей форме, которая им придана. Полем битв в войнах между Германией и Россией Польша останется всегда, пока будут войны, это не довод против большей политической свободы (и след., политической независимости) в периоды между войн. То же относится и к соображению об эксплоатации чужим капиталом, о роли игрушки чужих интересов. Польские с.-д. не могут ставить теперь лозунга независимости Польши, ибо как пролетарии-интернационалисты-поляки ничего сделать для этого не могут, не впадая, подобно „фракам“, в низкое прислужничество одной из империалистских монархий. Но русским и немецким рабочим не безразлично, будут ли они участниками аннексии Польши (это означает воспитание немецких и русских рабочих и крестьян в духе самого подлого хамства, примирения с ролью палача чужих народов), или Польша будет независима.

Положение безусловно очень запутанное, но из него есть выход, при котором все участники остались бы интернационалистами: русские и немецкие с.-д., требуя безусловной „свободы отделения“ Польши; польские с.-д., борясь за единство пролетарской борьбы в маленькой и в больших странах без выставления для данной эпохи или для данного периода лозунга независимости Польши.

9. Письмо Энгельса к Каутскому.

В своей брошюре „Социализм и колониальная политика“ (Берлин 1907) Каутский, тогда еще бывший марксистом, опубликовал письмо к нему Энгельса от 12 сентября 1882 г., представляющее громадный интерес по интересующему нас вопросу; вот главная часть этого письма:

„...По моему мнению, собственно колонии, т.-е. земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, пролетариату придется на-время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может-быть,

сделает революцию, даже вероятно, и, так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, при чем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться и в других еще местах, напр., в Америке и в Египте, и для нас это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только реорганизованы Европа и Северная Америка, это даст такую колосальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется этим не исключаются никоим образом, оборонительные войны различного рода“...

Энгельс вовсе не полагает, чтобы „экономическое“ само собою и непосредственно уладило все трудности. Экономический переворот побудит все народы потянуться к социализму, но при этом возможны и революции — против социалистического государства — и войны. Приспособление политики к экономике произойдет неизбежно, но не сразу и не гладко, не просто, не непосредственно. Как „несомненное“ Энгельс выставляет лишь один, безусловно интернационалистский, принцип, который он применяет ко всем „чужим народам“, т.-е. не только к колониальным: навязывать им осчастливление значило бы подрывать победу пролетариата.

Пролетариат не сделается святым и застрахованным от ошибок и слабостей только оттого, что он совершит социальную революцию. Но возможные ошибки (и корыстные интересы — попытаться усесться на чужой спине) приведут его неизбежно к сознанию этой истины.

Мы все, циммервальдские левые, убеждены в том, в чем был убежден, напр., и Каутский до своего поворота в 1914 г. от марксизма к защите шовинизма, именно, что социалистическая революция вполне возможна в самом близком будущем, „с сегодня на завтра“, как однажды выразился тот же Каутский. Национальные антипатии так быстро не исчезнут; ненависть —

и вполне законная — у нации угнетаемой к угнетающей останется на-время; она испарится лишь после победы социализма и после окончательного установления вполне демократического отношения между нациями. Если мы хотим быть верными социализму, мы должны уже теперь вести интернационалистское воспитание масс, невозможное в угнетающих нациях без проповеди свободы отделения для угнетенных наций.

10. Ирландское восстание 1916 года.

Наши тезисы писаны до этого восстания, которое должно послужить материалом для проверки теоретических взглядов.

Взгляды противников самоопределения ведут к тому выводу, что жизненность мелких наций, угнетенных империализмом, уже исчерпана, никакой роли против империализма сыграть они не могут, поддержка их чисто-национальных стремлений ни к чему не поведет и т. п. Опыт империалистской войны 1914 — 16 г.г. дает фактическое опровержение подобных выводов.

Война явилась эпохой кризиса для западно-европейских наций, для всего империализма. Всякий кризис отбрасывает условное, срывает внешние оболочки, отметает отжившие, вскрывает более глубокие пружины и силы. Что же вскрыл он с точки зрения движения угнетенных наций? В колониях ряд попыток восстания, которые, конечно, угнетающие нации при содействии военной цензуры всячески старались скрыть. Известно, тем не менее, что англичане зверски расправлялись в Сингапуре с восстанием своих индийских войск; что были попытки восстания в французском Аннаме (см. „Наше Слово“) и в немецком Камеруне (см. брошюру Юниуса); что в Европе, с одной стороны, восстала Ирландия, которую казнями усмиряли „свободолюбивые“ англичане, не посмевшие привлечь ирландцев к всеобщей воинской повинности; а с другой стороны, австрийское правительство осуждало на казнь депутатов чешского сейма „за измену“ и расстреливало за то же „преступление“ целые чешские полки.

Разумеется, этот перечень далеко и далеко не полон. И все же он доказывает, что огоньки национальных восстаний в связи с кризисом империализма вспыхивали *и* в колониях, *и* в Европе, что национальные симпатии и антипатии проявили себя вопреки драконовским угрозам и мерам репрессий. А ведь кризис империализма был далек еще от высшей точки своего развития: могущество империалистской буржуазии было еще не подорвано (война „до истощения“ может довести до этого, но еще не довела); пролетарские движения внутри империалистских

держав совсем еще слабы. Что же будет тогда, когда война доведет до полного истощения или когда хотя бы в одной державе под ударами пролетарской борьбы власть буржуазии закачается так, как власть царизма в 1905 году?

В газете „Berner Tagwacht“, органе циммервальдистов вплоть до некоторых левых, появилась 9 мая 1916 г. по поводу ирландского восстания статья за инициалами К. Р. под заглавием: „Песня спета“. Ирландское восстание объявлялось—не много, не мало—„путшем“, ибо де „ирландский вопрос был аграрный вопрос“, крестьяне были успокоены реформами, националистическое движение теперь было „чисто-городским, мелкобуржуазным движением, за которым, несмотря на большой шум, который оно производило, социально стояло немногое“.

Неудивительно, что эта чудовищная по своему доктринерству и педантству оценка совпала с оценкой русского националиберала, кадета г. А. Кулишера („Речь“, 1916, № 102, 15 апр.), который тоже обозвал восстание „дублинским путшем“.

Позволительно надеяться, что по пословице „нет худа без добра“, многим товарищам, не понимавшим того, в какое болото скатываются они, отрицая „самоопределение“ и пренебрежительно относясь к национальным движениям мелких наций, откроются глаза теперь под влиянием этого „случайного“ совпадения оценки представителя империалистской буржуазии с оценкой с.-д.!!

О „путше“, в научном смысле слова, говорить можно только тогда, когда попытка восстания ничего, кроме кружка заговорщиков или нелепых маниаков, не обнаружила, никаких симпатий в массах не вызвала. Ирландское национальное движение, имея за собой века, проходя через различные этапы и сочетания классовых интересов, выразилось, между прочим, в массовом ирландском национальном конгрессе в Америке (Vorwärts“, 20, III. 1916), высказавшемся за независимость Ирландии,— выразилось в уличных битвах части городской мелкой буржуазии и части рабочих, после долговременной массовой агитации, демонстраций, запрещения газет и т. п. Кто называет такое восстание путшем, тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию как живое явление.

Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движений несознательных пролетарских

и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит отрекаться от социальной революции. Должно-быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: „мы за социализм", а в другом—другое, и скажет: „мы за империализм", и это будет социальная революция! Только с подобной педантски-смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание „путшем".

Кто ждет „чистой" социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот—революционер на словах, не понимающий действительной революции.

Русская революция 1905 года была буржуазно-демократической. Она состояла из ряда битв всех недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. д. Объективно движение масс ломало царизм и расчищало дорогу для демократии, поэтому сознательные рабочие руководили им.

Социалистическая революция в Европе не может быть не чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу „очистится" от мелкобуржуазных шлаков.

С.-д. — читаем в польских тезисах (I, 4) — „должна использовать направленную против европейского империализма борьбу молодой колониальной буржуазии для обострения революционного кризиса в Европе". (Курсив авторов.)

Не ясно ли, что в этом отношении противополагать Европу колониям всего менее позволительно? Борьба угнетенных наций в Европе, способная доходить до восстаний и уличных

сражений, до нарушения железной дисциплины войска и осадного положения, эта борьба неизмеримо сильнее „обострит революционный кризис в Европе“, чем гораздо более развившееся восстание в отдаленной колонии. Удар одинаковой силы; нанесенный власти английской империалистской буржуазии восстанием в Ирландии, имеет во сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке.

Недавно французская шовинистская пресса сообщила, что в Бельгии вышел 80-й номер нелегального журнала „Свободная Бельгия“. Конечно, шовинистская пресса Франции лжет очень часто, но это сообщение похоже на правду. В то время, как шовинистская и каутскианская немецкая с.-д. за два года войны не создала себе свободной печати, холопски снося иго военной цензуры (только лево-радикальные элементы издавали, к чести их, брошюры и прокламации без цензуры), — в это время угнетенная культурная нация на неслыханные свирепства военного угнетения отвечает созданием органа революционного протеста! Диалектика истории такова, что мелкие нации, бессильные, как самостоятельный фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену настоящей силы против империализма, именно социалистического пролетариата.

Генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников: немцы — ирландское восстание, французы — чешское движение и т. п. И с своей точки зрения они поступают вполне правильно. Нельзя серьезно относиться к серьезной войне, не используя малейшей слабости противника, не ловя всякого шанса, тем более, что нельзя знать наперед, в какой именно момент и с какой именно силой „взорвет“ здесь или там тот или иной склад пороха. Мы были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать всякого народного движения против отдельных бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса. Если бы мы стали, с одной стороны, заявлять и повторять на тысячи ладов, что мы „против“ всякого национального гнета, а с другой стороны, называть „путшем“ геройское восстание наиболее подвижной и интеллигентной части некоторых классов угнетенной нации против угнетателей, — мы низвели бы себя до уровня столь же тупого, как каутскианцы.

Несчастье ирландцев в том, что они восстали несвоевременно, — когда европейское восстание пролетариата еще не созрело. Капитализм не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач и поражений. Наоборот, именно разновременность, разнородность, разноместность восстаний ручается за широту и глубину общего движения; только в опыте революционных движений, несвоевременных, частных, раздробленных и потому неудачных, массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев, и подготовят тем общий натиск, как отдельные стачки, демонстрации городские и национальные, вспышки в войске, взрывы в крестьянстве и т. д. подготовили общий натиск в 1905 году.

11. Заключение.

Требование самоопределения наций играло, вопреки неверному утверждению польских с.-д., не меньшую роль в нашей партийной агитации, чем, напр., вооружение народа, отделение церкви от государства, выбор чиновников народом и др. так называемые обывателями „утопические“ пункты. Наоборот, оживление национальных движений после 1905 г. вызвало естественно оживление и нашей агитации: ряд статей в 1912 — 13 г.г., резолюцию нашей партии 1913 г., давшую точное и „анти-каутскианское“ (т.-е. непримиримое по отношению к чисто-словесному „признанию“) определение сути дела.

Уже тогда обнаружился факт, обходить который непозволительно: оппортунисты разных наций, украинец Юркевич, бундовец Либман, российский прислужник Потресова и К° — Семковский выступил за доводы Розы Люксембург против самоопределения! То, что у польской социал-демократки было только неправильным теоретическим обобщением особых условий движения в Польше, то оказалось сразу на деле, в более широкой обстановке, в условиях не маленького государства, а большого, в масштабе интернациональном, а не узко-польском, оказалось объективно оппортунистической поддержкой великорусского империализма. История течений политической мысли (в отличие от взглядов лиц) подтвердила правильность нашей программы.

И теперь откровенные социал-империалисты, вроде Ленча, прямо восстают и против самоопределения, и против отрицания

аннексий. А каутскианцы лицемерно признают самоопределение, — у нас, в России, по этому пути идут Троцкий и Мартов. На словах о б а за самоопределение, как и Каутский. А на деле? У Троцкого — возьмите его статьи „Нация и хозяйство“ в „Нашем Слове“ — видим обычный его эклектизм: с одной стороны, хозяйство сливает нации, с другой стороны, национальный гнет разъединяет. Вывод? Вывод тот, что царящее лицемерие остается неразоблаченным, агитация безжизненной, не затрогивающей главного, коренного, существенного, близкого к практике: отношения к нации, угнетаемой „моей“ нацией. Мартов и другие заграничные секретари предпочли просто забыть — выгодная забывчивость! — борьбу их коллеги и сочлена, Семковского, против самоопределения. В легальной печати гвоздевцев („Наш Голос“) Мартов писал з а самоопределение, доказывая ту бесспорную истину, что в империалистской войне оно е щ е не обязывает к участию и пр., но обходя главное — он обходит это и в нелегальной, свободной печати! — именно, что Россия и в о в р е м я м и р а побила всемирный рекорд угнетения наций на основе империализма, гораздо более грубого, средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического. Русский с.-д., который „признает“ самоопределение наций приблизительно так, как признают его г.г. Плеханов, Потресов и К°, т.-е. не борясь за свободу отделения угнетенных царизмом наций, н а д е л е есть империалист и лакей царизма.

Каковы бы ни были субъективные „благие“ намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм. Империалистская эпоха превратила все „великие“ державы в угнетателей ряда наций, и развитие империализма неминуемо приведет к более отчетливому делению течений по этому вопросу и в международной соц.-демократии.

Октябрь 1916 г.

О брошюре Юниуса [170])

Наконец-то в Германии вышла нелегально, без приспособления к подлой юнкерской цензуре, соц.-дем. брошюра, посвященная вопросам войны! Автор, принадлежащий, очевидно, к „лево-радикальному“ крылу партии, подписался „Юниус“ (что значит по-латыни: младший) и назвал свою брошюру: „Кризис социал-демократии“. В приложении напечатаны те

„тезисы о задачах международной с.-д.“, которые были уже внесены в Бернскую И. С. К. (Интернац. Соц. Комиссию) и напечатаны в № 3 ее бюллетеня; они принадлежат группе „Интернационал“, издавшей весной 1915 г. один номер журнала под этим заглавием (со статьями Цеткиной, Меринга, Р. Люксембург, Тальгеймера, Дункер, Штребеля и др.) и устроившей зимой 1915 — 1916 г.г. совещание с.-д. из всех частей Германии, принявшее эти тезисы.

Брошюра написана в апреле 1915 г., как говорит автор в введении, помеченном 2 января 1916 года, и печаталась „без всяких изменений“. Издать ее раньше помешали „внешние обстоятельства“. Посвящена она не столько „кризису с.-д.“, сколько анализу войны, опровержению легенды об ее освободительном, национальном характере, доказательству того, что это — империалистская и со стороны Германии, и со стороны других великих держав война, затем революционной критике поведения официальной партии. Написанная чрезвычайно живо, брошюра Юниуса, несомненно, сыграла и сыграет крупную роль в борьбе против перешедшей на сторону буржуазии и юнкеров бывшей с.-д. партии Германии, и мы от всей души приветствуем автора.

Русскому читателю, который знаком с с.-д. литературой, напечатанной по-русски заграницей в 1914—16 г.г., брошюра Юниуса не дает принципиально ничего нового. Когда читаешь эту брошюру, сопоставляя с аргументами немецкого революционного марксиста то, что было изложено, напр., в манифесте ЦК нашей партии (сентябрь-ноябрь 1914 г.), в бернских резолюциях (март 1915 г.) и в многочисленных комментариях к ним, приходится убедиться только в большой неполноте аргументов Юниуса и в двух ошибках его. Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала. Брошюра Юниуса в общем и целом—прекрасная марксистская работа, и вполне возможно, что ее недостатки носят до известной степени случайный характер.

Главным недостатком брошюры Юниуса и прямым шагом назад по сравнению с легальным (хотя и запрещенным тотчас после выхода) журналом „Интернационал“ является умолчание о связи социал-шовинизма (автор не употребляет ни этого термина, ни менее точного выражения: социал-патриотизм) с оппор-

тунизмом. Автор вполне правильно говорит о „капитуляции“ и крахе германской с.-д. партии, об „измене“ „официальных вождей“ ее, но далее не идет. А между тем уже журнал „Интернационал“ дал критику „центра“, т.-е. каутскианства, вполне справедливо осыпав насмешками его бесхарактерность, проституирование им марксизма, лакейство перед оппортунистами. И тот же журнал начал разоблачение действительной роли оппортунистов, опубликовав, напр., важнейший факт, что 4-го августа 1914 года оппортунисты явились с ультиматумом, с готовым решением голосовать во всяком случае за кредиты. Ни в брошюре Юниуса, ни в тезисах не говорится ни об оппортунизме, ни о каутскианстве! Это теоретически неверно, ибо нельзя объяснить „измены“, не поставив ее в связь с оппортунизмом, как направлением, имеющим за собой длинную историю, историю всего II Интернационала. Это практически-политически ошибочно, ибо нельзя ни понять „кризиса с.-д.“, ни преодолеть его, не выяснив значения и роли двух направлений: открыто-оппортунистического (Легин, Давид и т. д.) и прикрыто-оппортунистического (Каутский и К°). Это шаг назад по сравнению, напр., с исторической статьей Отто Рюлэ в „Vorwärts“ от 12 января 1916 г., где он прямо, открыто доказывает неизбежность раскола с.-д. партии Германии (редакция „Vorwärts'а“ ответила ему повторением слащавых и лицемерных каутскианских фраз, не найдя ни единого аргумента по существу против того, что на-лицо уже две партии, и что примирить их нельзя). Это—поразительно непоследовательно, ибо в 12-ом тезисе „Интернационала“ говорится прямо о необходимости создать „новый“ Интернационал в виду „измены“ и „перехода на почву буржуазно-империалистской политики“ „официальных представителей социалистических партий руководящих стран“. Ясно, что говорить об участии в „новом“ Интернационале старой с.-д. партии Германии, или партии, мирящейся с Легином, Давидом и К°, просто смешно.

Чем объясняется этот шаг назад группы „Интернационал“, мы не знаем. Величайшим недостатком всего революционного марксизма в Германии является отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму и по отношению к каутскианству. Это тем более необходимо, что у немецких революционных с.-д. отняты две последних ежедневных газеты: бременская („Bremer

Bürger-Zeitung“) и брауншвейгская („Volksfreund“), которые обе перешли к каутскианцам. Только группа „Интернацион. Социалисты Германии“ (I. S. D.) остается на своем посту — ясно и определенно для всех.

Некоторые члены группы „Интернационала“, видимо, скатились опять в болото беспринципного каутскианства. Напр., Штребель дошел до того, что в „Neue-Zeit“ расшаркивался перед Бернштейном и Каутским! А совсем на-днях, 15 августа 1916 г., он поместил в газетах статью „Пасифизм и с.-д.“ с защитой пошлейшего каутскианского пасифизма. Что касается Юниуса, он восстает против каутскианского прожектерства в духе „разоружения“, „уничтожения тайной дипломатии“ и т. п. самым решительным образом. Возможно, что в группе „Интернационал“ есть два течения: революционное и колеблющееся в сторону каутскианства.

Из ошибочных положений Юниуса первое закреплено в 5-ом тезисе группы „Интернационал“... „В эпоху (эру) этого разнузданного империализма не может более быть никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу — империализму“... Начало 5-го тезиса, который оканчивается этим положением, посвящено характеристике данной войны, как империалистской. Возможно, что отрицание национальных войн вообще есть либо недосмотр, либо случайное увлечение при подчеркивании совершенно правильной мысли, что данная война есть империалистская, а не национальная. Но так как возможно и обратное, так как ошибочное отрицание всяких национальных войн по случаю облыжного представления данной войны в виде национальной замечается у различных с.-д., то на этой ошибке нельзя не остановиться.

Юниус совершенно прав, когда подчеркивает решающее влияние „империалистской обстановки“ в данной войне, когда он говорит, что за Сербией стоит Россия, „за сербским национализмом стоит русский империализм“, что участие, напр., Голландии в войне было бы тоже империалистским, ибо она, во-первых, защищала бы свои колонии, а во-вторых, была бы союзницей одной из империалистских коалиций. Это бесспорно по отношению к данной войне. И когда Юниус подчеркивает при этом особенно то, что для него в первую голову важно: борьбу с „фантомом национальной войны“, „который в настоящее время господствует над с.-д. политикой“ (стр. 81),

то нельзя не признать рассуждения его и правильными, и вполне уместными.

Ошибкой было бы лишь преувеличение этой истины, отступление от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений против империализма. Единственным доводом в защиту тезиса: „национальных войн больше быть не может", является тот, что мир поделен между горсткой „великих" империалистских держав, что поэтому всякая война, хотя бы она была вначале национальной, превращается в империалистскую, задевая интересы одной из империалистских держав или коалиций (стр. 81 у Юниуса).

Неправильность этого довода очевидна. Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло при известных условиях превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно. Пример: войны великой французской революции начались, как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся крупных жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона.

Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа данного в его обстановке и в его развитии.

Что данная империалистская война, 1914—16 г.г., превратится в национальную, это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие вперед, является пролетариат, который объективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а затем еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно, и международ-

ный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржузию. Но невозможным такое превращение объявить нельзя: если бы пролетариат Европы оказался лет на 20 бессильным; если бы данная война кончилась победами вроде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств; если бы внеевропейский империализм (японский и американский в первую голову) тоже лет 20 продержался, не переходя в социализм, напр., в силу японо-американской войны, тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы назад на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это *не* невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно.

Далее. Не только вероятны, но неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1.000 миллионов человек, т.-е. больше половины населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и назревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны с их стороны против империализма. Такие войны могут повести к империалистской войне теперешних „великих“ империалистских держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств.

Пример: Англия и Франция воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т.-е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства, и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высокоразвитого капитализма). Франция побеждена и теряет часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-Американских Штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних С. Штатов, из вражды к Англии, т.-е. из своих империалистских интересов, заключают дружественный договор с восставшими против Англии Штатами. Французские войска вместе с американцами бьют англичан. Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения элементом, — обратное тому, что мы видим в войне 1914 — 16 г.г.

(национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значения по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием). Отсюда видно, как нелепо было бы применять понятие империализм шаблонным образом, выводя из него „невозможность" национальных войн. Национально-освободительная война, напр., союза Персии, Индии и Китая против тех или иных империалистских держав вполне возможна и вероятна, ибо она вытекает из национально-освободительного движения этих стран, при чем превращение такой войны в империалистскую войну между теперешними империалистскими державами будет зависеть от очень многих конкретных обстоятельств, ручаться за наступление которых было бы смешно.

В-третьих, даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. „Эпоха империализма" сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав, но эта „эпоха" нисколько не исключает национальных войн, например, со стороны маленьких (допустим, аннексированных или национально-угнетенных) государств **против** империалистских держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы. Про Австрию, напр., Юниус судит очень здраво, учитывая не одно только „экономическое", а и своеобразно-политическое, отмечая „внутреннюю нежизнеспособность Австрии", признавая, что „габсбургская монархия есть не политическая организацяя буржуазного государства, а лишь слабо связанный синдикат нескольких клик общественных паразитов", и что „ликвидация Австро-Венгрии исторически есть лишь продолжение распада Турции и вместе с ним является требованием исторического процесса развития". С некоторыми балканскими государствами и с Россией дело обстоит не лучше. И при условии сильного истощения „великих" держав в данной войне или при условиях победы революции в России вполне возможны национальные войны, даже победоносные. Вмешательство империалистских держав осуществимо на практике **не** при всех условиях, это—с одной стороны. А с другой стороны, когда рассуждают „с кондачка": война маленького государства против гиганта безнадежна, то на это приходится заметить, что безнадежная война есть тоже война; а затем, известные явления внутри „гигантов"—например, начало революции—могут „безнадежную" войну сделать очень „надежной".

Мы остановились подробно на неверности положения, будто „больше не может быть национальных войн“, не только потому, что оно явно ошибочно теоретически. Было бы, конечно, глубоко печально, если бы „левые“ стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе невульгаризованного марксизма. Но и в практически-политическом отношении эта ошибка очень вредна: из нее выводят нелепую пропаганду „разоружения“, ибо будто бы никаких войн, кроме реакционных, быть не может; из нее выводят еще более нелепое и прямо реакционное равнодушие к национальным движениям. Такое равнодушие становится шовинизмом, когда члены европейских „великих“ наций, т.-е. наций, угнетающих массу мелких и колониальных народов, заявляют с якобы ученым видом: „национальных войн более быть не может!“ Национальные войны п р о т и в империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и п р о г р е с с и в н ы, р е в о л ю ц и о н н ы, х о т я, конечно, для у с п е х а их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов во взятом нами примере Индии и Китая), либо о с о б о благоприятное сочетание условий интернационального положения (напр., парализованность вмешательства империалистских держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо о д н о в р е м е н н о е восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата).

Надо заметить, однако, что было бы несправедливо обвинять Юниуса в равнодушии к национальным движениям. Он отмечает, по крайней мере, в числе грехов социал-демократической фракции ее молчание по поводу казни за „измену“ (очевидно, за попытку восстания по случаю войны) одного вождя туземцев в Камеруне, подчеркивая в другом месте специально (для г.г. Легинов, Ленчей и т. п. негодяев, числящихся „социал-демократами“), что колониальные нации суть тоже нации. Он заявляет с полнейшей определенностью: „социализм признает за каждым народом право на независимость и свободу, на самостоятельное распоряжение своими судьбами“; „международный социализм признает право свободных, независимых, равноправных наций, но только он может создать такие нации, только он может осуществить право наций на самоопределение. И этот лозунг соцализма, — справедливо замечает автор, — служит, как

и все остальные, не к оправданию существующего, а как указатель пути, как стимул к революционной, преобразующей, активной политике пролетариата" (стр. 77 и 78). Глубоко ошиблись бы, следовательно, те, кто подумал бы, что все левые немецкие с.-д. впали в ту узость и карикатуру на марксизм, до которой дошли некоторые голландские и польские с.-д., отрицая самоопределение наций даже при социализме. Впрочем, о специальных голландско-польских источниках этой ошибки мы говорим в другом месте.

Другое ошибочное рассуждение Юниуса связано с вопросом о защите отечества. Это — кардинальный политический вопрос во время империалистской войны. И Юниус подкрепил нас в том убеждении, что наша партия дала единственно правильную постановку этого вопроса: пролетариат против защиты отечества в этой империалистской войне в виду ее грабительского, рабовладельческого, реакционного характера, в виду возможности и необходимости противопоставить ей (и стремиться превратить ее в) гражданскую войну за социализм. Юниус же, с одной стороны, прекрасно вскрыл империалистский характер данной войны, в отличие от национальной, а с другой стороны, впал в чрезвычайно странную ошибку, пытаясь за волосы притянуть национальную программу к данной, не национальной войне! Это звучит почти невероятно, но это факт.

Казенные с.-д., как легиновского, так и каутскианского оттенка, лакействуя перед буржуазией, которая всего более кричала об иностранном „нашествии", чтобы обмануть народные массы насчет империалистского характера войны, повторяли с особенным усердием этот довод о „нашествии". Каутский, уверяющий теперь наивных и доверчивых людей (между прочим, через российского окиста Спектатора), что он с конца 1914 года перешел к оппозиции, продолжает ссылаться на этот „довод"! Стараясь опровергнуть этот довод, Юниус приводит поучительнейшие исторические примеры, чтобы доказать, что „нашествие и классовая борьба в буржуазной истории являются не противоречием, как гласит официальная легенда, а одно является средством и проявлением другого". Примеры: Бурбоны во Франции вызывали иностранное нашествие против якобинцев, буржуа в 1871 г. — против Коммуны. Маркс писал в „Гражданской войне во Франции":

„Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказы-

вается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах".

„Классическим примером всех времен является, — пишет Юниус, ссылаясь на 1793 г., — Великая Французская Революция". Из всего этого делается вывод: „Вековой опыт доказывает, следовательно, что не осадное положение, а беззаветная классовая борьба, которая пробуждает самоуважение, героизм и нравственную силу народных масс, является лучшей защитой, лучшей обороной страны против внешнего врага".

Практический вывод Юниуса: „Да, с.-д. обязаны защищать свою страну во время великого исторического кризиса. И как раз в том и состоит тяжкая вина с.-д. фракции рейхстага, что она торжественно провозгласила в своей декларации 4 августа 1914 г.: „В час опасности мы не оставим без защиты нашей родины", а в то же самое время отреклась от своих слов. Она оставила родину без защиты в час величайшей опасности. Ибо первым долгом ее перед родиной в этот час было: показать родине истинную подкладку данной империалистской войны, разорвать сеть патриотической и дипломатической лжи, которой было опутано это посягательство на родину; громко и ясно заявить, что для немецкого народа в этой войне и победа, и поражение одинаково губительны; сопротивляться до последней крайности удушению родины посредством осадного положения; провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и предоставления народу решать вопрос о войне и мире; требовать со всей решительностью перманентного (беспрерывного) заседания народного представительства на все время войны, чтобы обеспечить бдительный контроль народного представительства за правительством и народа за народным представительством; требовать немедленной отмены всех политических правоограничений, ибо только свободный народ может с успехом защищать свою страну; наконец, противопоставить империалистической программе войны, — программе, направленной к сохранению Австрии и Турции, т.-е. к сохранению реакции в Европе и в Германии, — старую истинно-национальную программу патриотов и демократов 1848 г., программу Маркса, Энгельса и Лассаля: лозунг единой великой немецкой республики. Таково было знамя, которое следовало бы развернуть перед страной, которое было бы истинно-национальным, истинно-

освободительным, находилось бы в соответствии с лучшими традициями Германии и международной классовой политики пролетариата“... „Таким образом, тяжелая дилемма между интересами родины и международной солидарностью пролетариата, трагический конфликт, который побудил наших парламентариев „с тяжким сердцем“ встать на сторону империалистской войны, есть чистое воображение, буржуазно-националистическая фикция. Напротив, между интересами страны и классовыми интересами пролетарского Интернационала существует и во время войны, и во время мира полная гармония: и война, и мир требуют самого энергичного развития классовой борьбы, самого решительного отстаивания с.-д. программы“.

Так рассуждает Юниус. Ошибочность его рассуждений бьет в глаза, и если наши открытые и прикрытые лакеи царизма, господа Плехановы и Чхенкели, а может быть, даже г.г. Мартов и Чхеидзе, с злорадством ухватятся за слова Юниуса, помышляя не о теоретической истине, а о том, чтобы вывернуться, замести следы, набросать песку в глаза рабочим, то нам надо остановиться подробнее на выяснении теоретических источников ошибки Юниуса.

Империалистской войне он предлагает „противопоставить“ национальную программу. Передовому классу он предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему! В 1793 и в 1848 гг. и во Франции, и в Германии, и во всей Европе объективно стояла на очереди буржуазно-демократическая революция. Этому объективному историческому положению вещей соответствовала „истинно-национальная“, т.-е. национально-буржуазная программа тогдашней демократии, которую в 1793 г. осуществили наиболее революционные элементы буржуазии и плебейства, а в 1848 г. провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодально-династическим войнам противопоставлялись тогда, объективно, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи.

Теперь для передовых, крупнейших государств Европы объективное положение иное. Развитие вперед — если не иметь в виду возможных, временных, шагов назад — осуществимо лишь к социалистическому обществу, к социалистической революции. Империалистски-буржуазной войне, войне высокоразвитого капитализма объективно может противостоять, с точки зрения развития вперед, с точки зрения передового класса, только война против буржуазии, т.-е.

прежде всего гражданская война пролетариата с буржуазией за власть, — война, без которой серьезного движения вперед быть не может, а затем — лишь при известных, особых условиях, — возможная война в защиту социалистического государства против буржуазных государств. Поэтому те большевики (к счастью, совсем единичные и немедленно сданные нами призывцам), которые готовы были стать на точку зрения условной обороны, — обороны отечества под условием победоносной революции и победы республики в России, — оставались верны букве большевизма, но изменяли духу его; ибо втянутая в империалистскую войну передовых европейских держав Россия и в республиканской форме вела бы тоже империалистскую войну!

Говоря, что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, Юниус применил марксову диалектику лишь наполовину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, — это верно *и* по отношению к буржуазии, свергающей феодализм, *и* по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко всякому классовому угнетению, это слишком обще и потому недостаточно по отношению к данному особому случаю. Гражданская война против буржуазии есть тоже один из видов классовой борьбы, и только данный вид классовой борьбы избавил бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествий. „Велико-германская республика", если бы она существовала в 1914—16 г.г., вела бы такую же империалистскую войну.

Юниус вплотную подошел к правильному ответу на вопрос и к правильному лозунгу: гражданская война против буржуазии за социализм, и, точно побоявшись сказать всю правду до конца, повернул назад, к фантазии „национальной войны" в 1914, 15, 16 годах. Если взглянуть на вопрос не с теоретической, а с чисто-практической стороны, то ошибка Юниуса станет не менее ясна. Все буржуазное общество, все классы Германии, вплоть до крестьянства, стояли за войну (в России, по всей вероятности, тоже, — по крайней мере, большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты находилось, видимо, под обаянием буржуазного империализма). Буржуазия была вооружена до зубов. При таком положении „провозгласить" программу республики, перманентного парламента, выбора офицеров народом („вооружение

народа") и пр. значило бы на практике „провозгласить" революцию (с неверной революционной программой!).

Юниус говорит здесь же, вполне правильно, что революции „сделать" нельзя. Революция стояла на очереди в 1914—16 г.г., таясь в недрах войны, вырастая из войны. Надо было „провозгласить" это от имени революционного класса, указать до конца безбоязненно его программу: социализм, невозможный в эпоху войны без гражданской войны против архиреакционной, преступной, осуждающей народ на несказанные бедствия буржуазии. Надо было обдумать систематические, последовательные, практические, безусловно осуществимые при всяком темпе развития революционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции. Эти действия указаны в резолюции нашей партии: 1) голосование против кредитов; 2) разрыв „ гражданского мира"; 3) создание нелегальной организации; 4) братание солдат; 5) поддержка всех революционных выступлений масс. Успех всех этих шагов неминуемо ведет к гражданской войне.

Провозглашение великой исторической программы имело несомненно, гигантское значение; только не старой и устаревшей для 1914—16 г.г. национально - германской программы, а пролетарски - интернациональной и социалистической. Вы, буржуа, воюете для грабежа; мы, рабочие всех воюющих стран, объявляем войну вам, войну за социализм, — вот содержание речи, с которой должны были выступить 4 августа 1914 года в парламентах социалисты, не изменившие пролетариату, как Легины, Давиды, Каутские, Плехановы, Гэды, Самба и т. д.

Повидимому, двоякого рода ошибочные соображения могли вызвать ошибку Юниуса. Несомненно, Юниус решительно против империалистской войны и решительно за революционную тактику: этого факта не устранят никакие злорадства г.г. Плехановых по поводу „оборончества" Юниуса. На возможные и вероятные клеветы этого рода необходимо ответить сразу и прямо.

Но Юниус, во-первых, не освободился вполне от „среды" немецких, даже левых с.-д., боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги *). Это — ошибочная

*) Та же ошибка в рассуждениях Юниуса на тему, что лучше — победа или поражение? Его вывод: оба одинаково плохи (разорение, рост вооружений и т. д.). Это не точка зрения революционного пролетариата, а пасифистского мелкого буржуа. Если говорить о „революционном вмешательстве" пролетариата, — а об этом, хотя, к сожалению, слишком обще, говорит и Юниус,

боязнь, и левые с.-д. Германии должны будут избавиться и избавятся от нее. Ход их борьбы с социал-шовинистами приведет к этому. А они борются с своими социал-шовинистами решительно, твердо, искренне, в этом их громадное принципиальное, коренное отличие от г.г. Мартовых и Чхеидзе, которые одной рукой (à la Скобелев) развертывают знамя с приветом „Либкнехтам всех стран", а другой рукой нежно обнимают Чхенкели и Потресова!

Во-вторых. Юниус хотел, повидимому, осуществить нечто вроде меньшевистской, печальной памяти, „теории стадий", хотел начать проводить революционную программу с ее „наиболее удобного", „популярного", приемлемого для мелкой буржуазии конца. Нечто вроде плана „перехитрить историю", перехитрить филистеров. Дескать, против лучшей обороны истинного отечества никто не может быть: а истинное отечество есть велико-германская республика, лучшая оборона есть милиция, перманентный парламент и пр. Будучи раз принята, такая программа само собою повела бы, дескать, к следующей стадии: социалистической революции.

Вероятно, подобные рассуждения сознательно или полусознательно определили тактику Юниуса. Нечего и говорить, что они ошибочны. В брошюре Юниуса чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой недостаток—было бы глубоко неправильно забывать это—не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, „дружелюбия" к оппортунистам. Сторонники Юниуса сумели, несмотря на свое одиночество, приступить к изданию нелегальных листков и к войне с каутскианством. Они сумеют пойти и дальше вперед по верному пути.

Октябрь 1916 г.

и тезисы группы „Интернационала", — то обязательно было поставить вопрос с иной точки зрения: 1) возможно ли „революционное вмешательство" без риска поражения? 2) возможно ли свергать буржуазию и правительство своей страны без того же риска? 3) не говорили ли мы всегда, и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?

О лозунге „разоружения“ [171]).

В целом ряде стран, преимущественно маленьких и стоящих в стороне от теперешней войны, напр., в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, раздаются голоса в пользу замены старого пункта с.-д. программы-минимум: „милиция“ или „вооружение народа“ новым: „разоружение“. В органе международной организации молодежи „Jugend-Internationale“ („Интернационал молодежи“) помещена в № 3 редакционная статья за разоружение. В „тезисах“ Р. Гримма по военному вопросу, составленных для съезда швейцарской с.-д. партии, находим уступку идее „разоружения“. В швейцарском журнале „Neues Leben“ („Новая Жизнь“) за 1915 г. Роланд-Гольст [172]) выступает, якобы, за „примирение“ обоих требований, на деле за такую же уступку. В органе международной левой „Vorbote“ („Предвестник“) помещена в № 2 статья голландского марксиста Вейнкопа за старое требование вооружения народа. Скандинавские левые, как видно из печатаемых ниже статей, принимают „разоружение“, признавая иногда, что в нем есть элемент пасифизма.

Присмотримся к позиции защитников разоружения.

I.

Одной из основных посылок в пользу разоружения является не всегда высказываемое прямо соображение: мы против войны, вообще против всякой войны, а самое определенное, ясное, недвусмысленное выражение этого нашего взгляда и есть требование разоружения.

На неправильности этого соображения мы остановились в статье о брошюре Юниуса, куда и отсылаем читателя. Социалисты не могут быть против всякой войны, не переставая быть социалистами. Нельзя давать себя ослеплять теперешней империалистской войной. Для империалистской эпохи типичны именно такие войны между „великими“ державами, но вовсе не невозможны и демократические войны и восстания, напр., угнетенных наций против угнетающих их за освобождение от гнета. Неизбежны гражданские войны пролетариата против буржуазии за социализм. Возможны войны победившего социализма в одной стране против других, буржуазных или реакционных стран.

Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, след., осуществится разоружение. Но

тот не социалист, кто ждет осуществления социализма помимо социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие. Насилие в эпоху XX века, — как и вообще в эпоху цивилизации, — это не кулак и не дубина, а войско. Поставить в программу „разоружение“ значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом так же нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия!

Заметим, что международная дискуссия по данному вопросу велась, главным образом, если не исключительно, на немецком языке. А по-немецки употребляются два слова, различие между которыми нелегко передать по-русски. Одно значит собственно „разоружение“ и употребляется, напр., Каутским и каутскианцами в смысле сокращения вооружений. Другое значит собственно „обезоружение“ и употребляется преимущественно левыми в смысле отмены милитаризма, отмены всякой милитаристской (военной) системы. Мы говорим в этой статье о втором, обычном среди некоторых революционных с.-д. требовании.

Каутскианская проповедь „разоружения“, обращенная именно к теперешним правительствам империалистских великих держав, есть пошлейший оппортунизм, буржуазный пасифизм, служащий на деле — вопреки „благим пожеланиям“ сладеньких каутскианцев — отвлечению рабочих от революционной борьбы. Ибо рабочим внушается подобной проповедью та мысль, будто теперешние буржуазные правительства империалистских держав не опутаны тысячами нитей финансового капитала и десятками или сотнями соответственных (т.-е. грабительских, разбойничьих, готовящих империалистскую войну) тайных договоров между собою.

II.

Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных пасифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе, и что из него нет и быть не может иного выхода, кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса.

Во всяком классовом обществе, — будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде, — угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее

постоянное войско, но и теперешняя милиция — даже в самых демократических буржуазных республиках, напр., в Швейцарии — есть вооружение буржуазии *против* пролетариата. Это — такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска (республикански-демократической милиции в том числе) против стачечников,—явление, общее всем без исключения капиталистическим странам. Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества.

И перед лицом такого факта революционным с.-д. предлагать, чтобы они выставили „требование“ „разоружения“! Это равносильно полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это — единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего *объективного развития* капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь *после* того, как пролетариат обезоружил буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но — только тогда, никоим образом не раньше.

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа *только* ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и пр., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является *ужасом без конца*. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготовляет *конец с ужасом*, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему объективному значению, „требование“ разоружения — вернее сказать: мечтание о разоружении — в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготовляется единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистской буржуазии.

Кто скажет, что это — оторванная от жизни теория, тому мы напомним два всемирно-исторических факта: роль трестов и фабричной работы женщин, с одной стороны, Коммуну 1871 г. и декабрьское восстание 1905 г. в России, с другой.

Дело буржуазии развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не „требуем“ такого развития, не „поддерживаем“ его, мы боремся против него. Но *как* боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим итти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр., и дальше них к социализму!

Это рассуждение, учитывающее *объективный* ход развития, применимо, с соответственными изменениями, и к теперешней милитаризации народа. Сегодня империалистская буржуазия милитаризует не только весь народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по поводу этого: тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма! Как могут с.-д. давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны? Это не „оторванная от жизни теория“, не мечта, а факт. И было бы поистине совсем уже плохо, если бы с.-д., вопреки всем экономическим и политическим фактам, начали сомневаться в том, что империалистская эпоха и империалистские войны неизбежно должны вести к повторению таких фактов.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: „Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!“ Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны на-ряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций, — вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами, — вырастет, несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно, интернациональный союз „ужасных наций“ революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира, — он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных, и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все

военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

„Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне, и как советуют тебе делать изменники социализма, а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее".

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше вовсе не говорить больших слов о международной революционной с.-д., о социалистической революции, о войне против войны.

III.

Сторонники разоружения выступают против программного пункта „вооружение народа", между прочим, потому, что это последнее требование будто бы легче ведет к уступкам оппортунизму. Мы рассмотрели выше самое важное: отношение разоружения к классовой борьбе и к социальной революции. Рассмотрим теперь вопрос об отношении требования разоружения к оппортунизму. Одной из важнейших причин неприемлемости этого требования является именно то, что оно и порождаемые им иллюзии неизбежно ослабляют и обессиливают нашу борьбу с оппортунизмом.

Нет сомнения, эта борьба — главный очередной вопрос Интернационала. Борьба против империализма, не связанная неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая фраза или обман. Один из главных недостатков Циммервальда и Кинталя, одна из основных причин возможного фиаско (неудачи, краха) этих зародышей III Интернационала состоит как раз в том, что вопрос о борьбе с оппортунизмом не был даже поставлен открыто, не говоря уже о решении его в смысле необходимости разрыва с оппортунистами. Оппортунизм победил — на-время — внутри европейского рабочего движения. Во всех крупнейших странах образовалось два главных оттенка оппортунизма: во-первых, откровенный, циничный и поэтому менее опасный со-

циал-империализм господ Плехановых, Шейдеманов, Легионов, Альберов Тома и Самба, Вандервельдов, Гайндманов, Гендерсонов и пр. Во-вторых, прикрытый, каутскианский: Каутский — Гаазе и „с.-д. трудовая группа“ в Германии; Лонгэ, Прессман, Майерас и пр., во Франции; Рамсэй Макдональд и др. вожди „Незав. Раб. Партии“ в Англии; Мартов, Чхеидзе и пр. в России; Тревес и др. так называемые левые реформисты в Италии.

Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающихся революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами, как бы ни были различны формы этого союза, начиная от участия в министерстве и кончая участием в военно-промышленных комитетах. Прикрытые оппортунисты, каутскианцы, гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первым при помощи благовидно звучащих тоже-„марксистских“ словечек и пасифистских лозунгов. Борьба против этих обеих форм господствующего оппортунизма должна быть проведена на всех поприщах пролетарской политики: парламентаризм, профсоюзы, стачки, военное дело и т. д.

В чем же состоит главная особенность, отличающая обе эти формы господствующего оппортунизма?

В том, что замалчивается, прикрывается или трактуется с оглядкой на полицейские запреты конкретный вопрос о связи теперешней войны с революцией и другими конкретными вопросами революции. И это — несмотря на то, что перед войной бесчисленное количество раз указывалось на связь именно этой грядущей войны с пролетарской революцией и неофициально, и в базельском манифесте официально.

Главный же недостаток требования разоружения состоит именно в том, что здесь обходятся все конкретные вопросы революции. Или сторонники разоружения стоят за совершенно новый вид безоружной революции?

IV.

Далее. Мы никоим образом не против борьбы за реформы. Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживет — на худой конец — еще вторую империалистскую войну, если революция не вырастет из данной войны, несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия. Мы — сторонники такой программы реформ, которая тоже должна быть направлена против оппортунистов. Оппортунисты были

бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные выси какого-нибудь „разоружения“, спасаясь бегством из печальной действительности. „Разоружение“ есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее:

Кстати: один из крупных недостатков в постановке вопроса, напр., о защите отечества у некоторых левых, состоит в недостаточной конкретности ответа. Гораздо вернее теоретически и неизмеримо важнее практически сказать, что в данной империалистской войне защита отечества есть буржуазно-реакционный обман, чем выдвинуть „общее“ положение против „всякой“ защиты отечества. Это и неверно, и не „бьет“ непосредственного врага рабочих внутри рабочих партий: оппортунистов.

По вопросу о милиции мы должны были бы сказать, вырабатывая конкретный и практически необходимый ответ: мы не за буржуазную милицию, а только за пролетарскую. Поэтому „ни одного гроша и ни одного человека“ не только на постоянное войско, но и на буржуазную милицию, даже в таких странах как С. Штаты или Швейцария, Норвегия и т. п. Тем более, что мы видим в самых свободных республиканских странах, (напр., в Швейцарии) все большее и большее опруссачение милиции, проституирование ее для мобилизации войска против стачечников. Мы можем требовать: выбора офицеров народом, отмены всякой военной юстиции, уравнения в правах заграничных рабочих и туземных (особенно важный пункт для тех империалистических государств, которые подобно Швейцарии все в большем числе и все бесстыднее эксплоатируют иностранных рабочих, оставляя их бесправными), далее: права каждой, скажем, сотни жителей данной страны образовывать свободные союзы для изучения всего военного дела, со свободным выбором инструкторов, с оплатой их труда на казенный счет и т. д. Только при таких условиях пролетариат мог бы изучать военное дело действительно для себя, а не для своих рабовладельцев, и такого изучения безусловно требуют интересы пролетариата. Русская революция доказала, что всякий успех, хотя бы даже и частичный успех революционного движения, — напр., завоевание известного города, известного фабричного поселка, известной части армии, — неизбежно заставит победивший пролетариат осуществить именно такую программу.

Наконец, с оппортунизмом нельзя бороться, само собою разумеется, посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно про-

водились в жизнь. Самая крупная, роковая ошибка обанкротившегося II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к бессовестной революционной фразе (см. теперешнее отношение Каутского и К° к Базельскому манифесту). Подходя с этой стороны к требованию разоружения, мы должны прежде всего поставить вопрос об его объективном значении. Разоружение, как социальная идея, т.-е. такая, которая порождается известной социальной обстановкой и может действовать на известную социальную среду, а не остается личной и кружковой причудой, порождена, очевидно, особыми, в виде исключения, „спокойными" условиями жизни отдельных мелких государств, которые стояли в сторонке довольно долгое время от кровавой мировой дороги войн и надеются так и остаться в сторонке. Чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься, напр., в аргументацию норвежских сторонников разоружения: „мы-де — страна маленькая, войско у нас маленькое, мы ничего не можем поделать против великих держав" (а поэтому также бессильны против насильственного вовлечения в империалистский союз о той или иной группой великих держав!), „мы хотим остаться в покое в своем уголке-захолустье и продолжать вести захолустную политику, требовать разоружения, обязательных третейских судов, постоянной нейтральности и т. п." („постоянной", должно быть, вроде бельгийской?).

Мелкое стремление мелких государств остаться в сторонке, мелкобуржуазное желание быть подальше от великих битв мировой истории, использовать свое сравнительно-монопольное положение для пребывания в заскорузлой пассивности — вот объективная общественная обстановка, которая может обеспечивать идее разоружения известный успех и известное распространение в некоторых маленьких государствах. Разумеется, это стремление реакционно и покоится сплошь на иллюзиях, ибо империализм так или иначе втягивает мелкие государства в водоворот всемирного хозяйства и мировой политики.

Поясним это на примере Швейцарии. Ее империалистская обстановка объективно предписывает ей две линии рабочего движения. Оппортунисты стремятся в союзе с буржуазией к тому, чтобы сделать из Швейцарии республикански-демократический монопольный союз для получения прибыли от туристов империалистской буржуазии, и чтобы это „спокойное" монопольное положение использовать как можно выгоднее и как можно спокойнее. На деле эта политика есть политика союза неболь-

шого привилегированного слоя рабочих небольшой, поставленной в привилегированное положене страны с буржуазией своей страны *против* масс пролетариата. Действительные с.-д. Швейцарии стремятся к тому, чтобы использовать сравнительную свободу Швейцарии, ее „международное“ положение (соседство наиболее высококультурных стран), затем то обстоятельство, что Швейцария говорит, слава богу, не на „своем самостоятельном“ языке, а на трех мировых языках, для расширения, упрочения, укрепления *революционного* союза революционных элементов пролетариата всей Европы. Поможем своей буржуазии удержаться подольше в монопольном положенни архиспокойной торговли прелестями Альп, авось, нам тоже перепадет копеечка, — вот *объективное* содержание политики швейцарских оппортунистов. Поможем союзу революционного пролетариата среди французов, немцев, итальянцев для свержения буржуазии, — вот объективное содержание политики швейцарских революционных с.-д. К сожалению, эта политика проводится „левыми“ в Швейцарии далеко еще недостаточно, и прекрасное решение съезда их партии в Аарау 1915 года (признание революционной массовой борьбы) остается пока больше на бумаге. Но речь идет у нас сейчас не об этом.

Интересующий нас сейчас вопрос стоит так: соответствует ли требование разоружения революционному направлению среди швейцарских с.-д.? Очевидно, нет. Объективно „требование“ разоружения соответствует оппортунистической, узко-национальной, ограниченной кругозором маленького государства линии рабочего двжения. Объективно „разоружение“ есть самая национальная, специфически-национальная программа мелких государств, отнюдь не интернациональная программа интернациональной революционной с.-д.

P. S. В последнем номере английского „Социалистического Обозрения“ — „The Socialist Review“ (сентябрь 1916), органа оппортунистической „Независимой Рабочей Партии“, мы находим, на стр. 287, резолюцию Ньюкастльской конференции этой партии: отказ от поддержки *какой бы то ни было* войны со стороны *какого бы то ни было* правительства, хотя бы „номинально“ это и была война „оборонительная“. А на стр. 205 встречаем следующее заявление в редакционной статье: „Мы не одобряем восстания син-фениев“ (ирландского восстания 1916 года). „Мы не одобряем никакого во руженного восстания, как не одобряем мы никакой другой формы милитаризма и войны“.

Надо ли доказывать, что эти „антимилитаристы", подобные сторонники разоружения не в маленькой, а в большой державе, суть злейшие оппортунисты? А ведь теоретически они вполне правы, когда они рассматривают вооруженное восстание тоже как „одну из форм" милитаризма и войны.

Декабрь 1916 г.

Письмо от 30 марта 1917 г. [173])

30 — III — 1917. Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издательству „Колокола", я, конечно, не могу. Сегодня я телеграфировал вам, что единственная надежда вырваться отсюда — это обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных. Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона [174]) и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда. Ясно, что злейшего врага, хуже английских империалистов, русская пролетарская революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков и К° способны пойти на все, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму. Единственная, единственная без преувеличения, надежда для нас попасть в Россию — это послать как можно скорее надежного человека в Россию, чтобы путем давления Совета Рабочих Депутатов добиться от правительства обмена всех швейцарских эмигрантов на немецких интернированных. Действовать надо архи-энергично, каждый шаг протоколируя, не жалея денег на телеграммы, собирая документы против Милюкова и К°, способных затягивать дело, кормить обещаниями, надувать и т. д. Вы можете представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время.

Далее. Посылка надежного человека в Россию еще нужнее по принципиальным соображениям. Последние известия заграничных газет все яснее указывают, что правительство при прямой помощи Керенского и благодаря непростительным

(выражаясь мягко) колебаниям Чхеидзе надувает (и не безуспешно надувает) рабочих, выдавая „империалистскую“ войну за „оборонительную“. В телеграмме СПБ. Тел. Агентства, от 30—III—1917 г., Чхеидзе вполне дал себя обмануть этому лозунгу, принятому, — если верить этому источнику, конечно, вообще ненадежному, — и Советом Рабочих Депутатов. Во всяком случае, если даже это известие неверно, все же опасность подобного рода обмана, несомненно, громадна. Все усилия партии должны быть направлены на борьбу с ними. Наша партия опозорила себя бы навсегда, политически убила бы себя, если бы пошла на такой обман. Судя по одному сообщению, Муранов вместе со Скобелевым вернулся из Кронштадта. Если Муранов ездил туда по поручению Временного Правительства Гучковых — Милюковых, я очень прошу вас передать (через надежного человека) и напечатать, что я осуждаю это безусловно, что всякое сближение с колеблющимися в сторону социал-патриотизма и стоящими на глубоко ошибочной, глубоко вредной социал-пасифистской каутскианской позиции Чхеидзе и К°, по моему глубочайшему убеждению, вредно для рабочего класса, опасно и недопустимо.

Я надеюсь, вы получили мои „Письма издалека“ [175]) №№ 1 — 4, где я развил теоретические и политические основы этих взглядов. Если эти письма пропали или не дошли до Питера, прошу телеграфировать мне, и я вышлю копии.

Нет сомнения, что в Питерском Совете Раб. и Солд. Депутатов многочисленны и даже, повидимому, преобладают: 1) сторонники Керенского, опаснейшего агента империалистской буржуазии, проводящего империализм, т.-е. защиту и оправдание грабительской, завоевательной со стороны России войны под прикрытием моря звонких фраз и пустых посулов; 2) сторонники Чхеидзе, колеблющегося безбожно в сторону социал-патриотизма и разделяющего всю пошлость, всю нелепость каутскианства. С обоими течениями наша партия обязана бороться самым упорным, самым настойчивым, самым беспощадным образом. И я лично ни на секунду не колеблюсь заявить, и заявить печатно, что я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступлю социал-патриотизму Керенского и К° или социал-патриотизму и каутскианству Чхеидзе и К°.

Во что бы то ни стало я должен требовать переиздания в Питере, хотя бы под заглавием „Из истории последних лет царизма“, здешнего „С.-Д.“, брошюры Ленина и Зиновьева

о войне и социализме", „Коммуниста" и „Сборника С.-Д.". А больше всего и прежде всего тезисов из № 47 „С.-Д.", от 13/X 1915 года. Эти тезисы теперь архиверны.

Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за $1^1/_2$ года до революции.

Эти тезисы замечательно буквально подтверждены революцией.

Война не перестала быть империалистской со стороны России, не может перестать, пока: 1) у власти помещики и капиталисты, представители класса буржуазии; 2) пока у власти такие прямые агенты и слуги этой буржуазии, как Керенский и другие социал-патриоты; 3) пока договоры царизма с англо-французскими империалистами остаются в силе (правительство Гучкова — Милюкова прямо заявило за границей, — не знаю, сделало ли оно это в России, — что оно верно этим договорам), — договоры эти грабительские, о захвате Галиции, Армении, Константинополя и т. д., и т. д.; 4) пока эти договоры не опубликованы и не отменены; 5) пока не порван весь вообще союз России с англо-французскими, буржуазными, империалистскими правительствами; 6) пока государственная власть в России не перешла от империалистской буржуазии (простые обещания и „пасифистские" заявления, сколь бы ни верили им глупенькие Каутский, Чхеидзе и К°, не превращают буржуазию в не-буржуазию) в руки пролетариата, который один способен при условии поддержки его беднейшей частью крестьянства порвать не на словах, а не деле с интересами капитала, с империалистской политикой, порвать с грабежами других стран, освободить угнетенные великороссами народы полностью, вывести войска из Австрии и Галиции тотчас и т. д.; 7) один пролетариат способен, если он избавится от влияния своей национальной буржуазии, внушить истинное доверие пролетариям всех воюющих стран и с ними вступить в переговоры о мире; 8) эти пролетарские условия мира, изложенные точно и ясно, и в № 47 „С.-Д.", и у меня в письме № 4.

Отсюда ясно, что лозунг: „мы защищаем теперь республику в России, мы ведем теперь „оборонительную войну", мы будем воевать с Вильгельмом, мы воюем за свержение Вильгельма", есть величайший обман, величайшее надувательство рабочих. Ибо Гучков — Львов — Милюков и К° суть помещики и капиталисты, представители класса помещиков и капиталистов, империалисты, воюющие за те же грабительские цели, на

основе тех же грабительских договоров царизма, в союзе с той же империалистской, грабительской буржуазией Англии, Франции и Италии.

Призыв немцам со стороны буржуазной и империалистской республики в России: „свергните Вильгельма", есть повторение лживого лозунга французских социал-шовинистов, изменников социализма, Жюля Гэда, Самба и К°.

Надо очень популярно, очень ясно, без ученых слов излагать рабочим и солдатам, что свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это — во-первых. А второе и главное — свергать надо буржуазное правительство и начать с России, ибо иначе мира нельзя получить. Возможно, что правительство Гучкова — Милюкова мы не можем сейчас же „свергнуть". Пусть так. Но это не довод за то, чтобы говорить неправду. Говорить рабочим надо правду. Надо говорить, что правительство Гучкова — Милюкова и К° есть империалистское правительство, что рабочие и крестьяне должны сначала (теперь ли, или после выборов в учредительное собрание, если с ними на надуют народа, не оттянут выборы до после войны, вопрос о моменте отсюда решать нельзя), сначала должны передать всю государственную власть в руки рабочего класса, врага капитала, врага империалистской войны, и лишь тогда они в праве звать к свержению всех королей и всех буржуазных правительств.

Ради бога постарайтесь доставить все это в Питер и в „Правду", и Муранову, и Каменеву, и др. Ради бога приложите все усилия, чтобы с надежным человеком послать это. Лучше всего было бы, если бы поехал надежный умный парень, вроде Кобы [176]) (он оказал бы важную услугу всемирному рабочему движению) и помог бы питерским нашим друзьям... Надеюсь, вы сделаете это. Сделайте все возможное.

Условия в Питере архитрудные. Патриоты республиканцы напрягают все усилия. Нашу партию хотят залить помоями и грязью („дело" Черномазова [177]), — посылаю о нем документы) и т. д., и т. д. Доверять ни Чхеидзе и К°, ни Суханову ни Стеклову и пр. нельзя. Никакого сближения с другими партиями, ни с кем. Ни тени доверия и поддержки правительству Гучкова — Милюкова и К°. Непримиримая пропаганда интернационализма и борьба с республиканским шовинизмом всюду, и в прессе, и внутри Сов. Раб. Депутатов, организация нашей партии, — в этом суть. Каменев должен понять, что на него ложится всемирно историческая ответственность.

На сношения Питера с Стокгольмом не жалейте денег.

Очень прошу, дор. тов., телеграфировать мне во всех отношениях.

Надеюсь, помогут в этом и шведские друзья. Крепко жму руку.

Прощальное письмо к швейцарским рабочим [178]).

Товарищи швейцарские рабочие!

Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Р. С.-Д. Р. П., объединенной Центральным Комитетом, в отличие от другой партии, носящей то же самое название, но объединенной „Организационным Комитетом", шлем вам братский привет и выражения глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если открытые социал-патриоты и оппортунисты, швейцарские грютлианцы, перешедшие, как и социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди открыто приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение, если прикрытые социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии, вели в прикрытой форме такую же политику, то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистической точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекли для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны в выступлениях по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые в числе едва ли большем, чем 10 — 15 человек, были членами швейцарской рабочей партии, считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного и социалистического движения решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения „циммервальдской левой", решительно бороться не только против социал-патриотизма, но и против направления так называемого „центра", к которому принадлежит Р. Гримм, Ф. Шнейдер, Я. Шмидт и друг. в Швейцарии, Каутский, Гаазе, „Арбейтсгемейншафт" в Германии, Лонге, Прессман и др. во Франции, Сноуден, Рамсэй Макдональд и друг. в Англии, Турати, Тревес и их друзья в Италии, названная выше партия

„Организационного Комитета“ (Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Скобелев и др.) в России.

Мы работали солидарно с теми революционными с.-д. Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала „Фрейе-Югенд“, которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, которые вносили на цюрихском кантональном съезде в Tôss резолюцию молодых и „левых“ по военному вопросу, которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на немецком и французском языке „Наши условия мира“ и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука-об руку как единомышленники.

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистское правительство Англии ни за что не пропустит в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников продолжения Россией империалистской войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем необходимым сделать это, что через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор благами мира и сравнительно наибольшей политической свободой.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в центральном органе нашей партии, в газете „Социал-Демократ“, издававшейся в Женеве, в № 47, от 13 октября 1915 г. Мы сказали там, что если в России победит революция, и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистскую войну, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д., и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем против „защиты отечества“ в такой войне.

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие решающие посты принадлежат монархистам Львову и Гуч-

кову, это правительство пытается обмануть рабочих посредством лозунга: „немцы должны свергнуть Вильгельма“ (правильно, но отчего бы не добавить: англичане, итальянцы и др. — своих королей, а русские — своих монархистов Львова и Гучкова?). Это правительство пытается посредством такого лозунга и не публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и пр., и которые подтверждены правительством Гучкова — Милюкова — Керенского, выдать за „оборонительную“ (т.-е. справедливую, законную, даже с точки зрения пролетариата) свою империалистскую войну с Германией, выдать за „защиту“ республики (которой в России еще нет и которую Львовы и Гучковы даже и не пообещали еще учредить) защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и пр.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде Плеханова, Засулич, Потресова и т. д.) и партией „центра“, партией „Организационного Комитета“, партией Чхеидзе, Скобелева и пр. произошло нечто вроде сближения на почве лозунга: „пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной“, — если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы раньше всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова — Милюкова. Обманывает народ тот, кто говорит, что такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно гучковское правительство вело уже переговоры о восстановлении монархии в России. Только вооружение и организация пролетариата способны помешать Гучкову и К° восстановить монархию в России. Только остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России и всей Европы способен избавить человечество от ужасов империалистской войны.

Мы не закрываем себе глаз на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистическим авангардом пролетариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны самые крутые и быстрые перемены. В № 47 „Социал-Демократа“ мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы рево-

люция поставила ее у власти тотчас? Мы ответили: 1) мы немедленно предложили бы мир всем воюющим народам; 2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении всех колоний и всех угнетенных и неполноправных народов; 3) мы немедленно начали бы и довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великоруссами; 4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы неприемлемы не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, и не только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную борьбу против немецкой — и не одной только немецкой — буржуазии. Мы повели бы ее. Мы не пацифисты. Мы — противники империалистских войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма.

Задача, которую мы обрисовали в № 47 „Соц.-Дем.“, гигантски велика. Она может быть решена только в длинном ряде великих классовых битв между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а объективные условия, созданные империалистской войной, завели все человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру, или передать власть во всех цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций, с объективной неизбежностью порожденных империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, быть-может, очень короткое, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны,

при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г. может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней.

В борьбе за эти идеи, всецело подтвержденные и опытом 1905 г., и весной 1917 г., сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи мы будем бороться впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса может довести неизбежный и назревший аграрный переворот до конфискации и всего необъятного помещичьего землевладения. Этот лозунг выставляли мы всегда и его выставили теперь в Петерб. и Ц.К. нашей партии, и газета нашей партии „Правда".

За этот лозунг будет бороться пролетариат, нисколько не закрывая глаз на неизбежность ожесточенных классовых столкновений между сельскохозяйственными наемными рабочими и примыкающими к ним беднейшими крестьянами и зажиточными крестьянами, которых усилила столыпинская (1907—1914) аграрная „реформа". Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата в первой Думе (1906) и во второй (1907) выдвинули революционный аграрный проект, требующий национализации всех земель и распоряжения ими через местные комитеты, выбранные на основе полного демократизма.

Подобный переворот сам по себе отнюдь не был бы еще социалистическим. Но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позицию социалистического переворота в России и его влияние на сельскохозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революционные организации, как Советы рабочих депутатов, заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести под давлением невыносимо тяжелой империалистской войны и ее последствий ряд революционных мер для контроля за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее. Он может облегчить обстановку для всту-

пления в решительные битвы своего главного, самого надежного сотрудника европейского и американского социал. пролетариата.

Пусть маловеры предаются отчаянию по поводу временной победы в европ. социализме таких отвратительных лакеев империалистской буржуазии, как Шейдеманы, Легины, Давиды и К° в Германии, Самба, Гэд, Ренодель и К° во Франции, фабианцы и „лабуристы" в Англии. Мы твердо убеждены, что эту грязную пену на всемирном рабочем движении сметут быстро волны революции.

В Германии уже кипит настроение пролетарской массы, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной организационной работой в течение долгих десятилетий европейского „затишья" 1871 — 1914 г.г. Будущее германского социализма представляют не изменники Шейдеманы, Легины, Давиды и К° и не такие колеблющиеся, придавленные рутиной „мирного" периода политики, как Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало группу „Спартакуса" [179]), которое вело пропаганду в бременской „Арбейтерполитик".

Объективные условия империалистской войны служат порукою в том, что революция не ограничится первым этапом русской революции, что революция не ограничится Россией.

Немецкий пролетариат — вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 г. лозунг „превращения империалистской войны в гражданскую войну" угнетенных против угнетателей за социализм, — этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием с.-д. „центра". Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его „сумасшедшим", а представитель русского и англо-французского социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, г. Плеханов назвал его „грезофарсом" (Mittelding zwischen Traum und Komödie). А представители „центра" отделывались молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой „прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве".

Теперь, после марта 1917 г., только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в гражданскую становится фактом.

Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей членов Р. С.-Д. Р. Партии (объединенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля н. ст. 1917 г.

Н. Ленин.

Империализм и раскол социализма [180]).

Есть ли связь между империализмом и той чудовищно-отвратительной победой, которую одержал оппортунизм (в виде социал-шовинизма) над рабочим движением в Европе?

Это — основной вопрос современного социализма. И после того, как мы вполне установили в нашей партийной литературе, во-первых, империалистский характер нашей эпохи и данной войны; во-вторых, неразрывную историческую связь социал-шовинизма с оппортунизмом, а равно их идейно-политическое одинаковое содержание, можно и должно перейти к разбору этого основного вопроса.

Начать приходится с возможно более точного и полного определения империализма. Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта троякая: империализм есть: 1) монополистический капитализм; 2) паразитический или загнивающий капитализм; 3) умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, суть империализма. Монополизм проявляется в пяти главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3 — 5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников сырья трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями начался. Таких международных картелей, владеющих всем мировым рынком и делящих его „полюбовно“ — пока война не переделила его — насчитывают уже свыше ста! Вывоз капитала, как особенно характерное явление в отличие от вывоза товаров при немонополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мира; 5) раздел мира территориальный (колонии) закончился.

Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898 — 1914 г.г. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1900 — 1902), русско-японская (1904 — 1905) и экономический кризис в Европе 1900 года, — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории.

Что империализм есть паразитический или загнивающий капитализм, это проявляется, прежде всего, в тенденции к загниванию, отличающей всякую монополию при частной собственности на средства производства. Разница между республикански-демократической и монархически-реакционной империалистской буржуазией стирается именно потому, что та и другая гниет заживо (чем нисколько не устраняется поразительно быстрое развитие капитализма в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, в отдельные периоды). Во-вторых, загнивание капитализма проявляется в создании громадного слоя рантье, капиталистов, живущих „стрижкой купонов". В четырех передовых империалистских странах, Англии, Сев. Америке, Франции и Германии, капитал в ценных бумагах составляет по 100 — 150 миллиардов франков, что означает ежегодный доход не менее 5—8 миллиардов на страну. В-третьих, вывоз капитала есть паразитизм в квадрате. В-четвертых, „финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе". Политическая реакция по всей линии — свойство империализма. Продажность, подкуп в гигантских размерах, панама всех видов. В-пятых, эксплоатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплоатация колоний горсткой „великих" держав, все больше превращает „цивилизованный" мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Римский пролетарий жил на счет общества. Теперешнее общество живет на счет современного пролетария. Это глубокое замечание Сисмонди Маркс особенно подчеркивал. Империализм несколько изменяет дело. Привилегированная прослойка пролетариата империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов.

Понятно, почему империализм есть умирающий капитализм, переходный к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть уже умирание капитализма, начало перехода его в социализм. Гигантское обобществление труда империализмом (то, что апологеты — буржуазные экономисты зовут „переплетением") означает то же самое.

Выставляя это определение империализма, мы приходим в полное противоречие с К. Каутским, который отказывается видеть в империализме „фазу капитализма“ и определяет империализм, как политику, „предпочитаемую“ финансовым капиталом, как стремление „промышленных“ стран аннексировать „аграрные“ страны *). Это определение Каутского теоретически насквозь фальшиво. Особенность империализма — господство как, раз не промышленного, а финансового капитала, стремление к аннексиям как раз не только аграрных, а всяких стран. Каутский открывает политику империализма от его экономики, отрывает монополизм в политике от монополизма в экономике, чтобы расчистить дорогу для своего пошлого буржуазного реформизма вроде „разоружения“, „ультра-империализма“ и тому подобного вздора. Смысль и цель этой теоретической фальши всецело сводятся к тому, чтобы затушевать самые глубокие противоречия империализма и оправдать таким образом теорию „единства“ с апологетами империализма, откровенными социал-шовинистами и оппортунистами.

На этом разрыве Каутского с марксизмом мы уже достаточно останавливались и в „Социал-Демократе“, и в „Коммунисте“ [181]). Наши российские каутскианцы, „окисты“ с Аксельродом и Спектатором во главе, не исключая Мартова и в значительной степени Троцкого, предпочли обойти молчанием вопрос о каутскианстве как направлении. Защищать то, что писал Каутский во время войны, они побоялись, отделываясь, либо простым восхвалением Каутского (Аксельрод в своей немецкой брошюре, которую О.К. обещал напечатать по-русски), либо частными письмами Каутского (Спектатор), где он уверяет, что принадлежит к оппозиции, и иезуитски пробует свести на-нет свои шовинистские заявления.

Заметим, что в своем „понимании“ империализма, которое равносильно подкрашиванию его, Каутский идет назад не только по сравнению с „Финансовым капиталом“ Гильфердинга (как бы усердно сам Гильфердинг ныне ни защищал Каутского и „единство“ с социал-шовинистами!), но и по сравнению с социал-либералом Дж. А. Гобсоном. Этот английский экономист, не имеющий и тени претензий на звание марксиста,

*) „Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении всякой промышленной капиталистической нации подчинять и присоединять себе все больше и больше аграрных областей, без отношения к тому, какой нацией населены они“. (Каутский в „Neue Zeit“, 11/IX 1914).

гораздо глубже определяет империализм и вскрывает его противоречия в своем сочинении 1902 г. *). Вот что писал этот писатель (у которого можно найти почти все пасифистские и „примирительные“ пошлости Каутского) по особенно важному вопросу о паразитизме империализма:

Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению Гобсона, силу старых империй: 1) „экономический паразитизм“ и 2) составление войска из зависимых народов. „Первое обстоятельство есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными“.

Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет:

„Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма“ (в устах социал-либерала Гобсона эти песенки о „слепоте“ империалистов уместнее, чем у „марксиста“ Каутского) „является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами“.

Перспектива раздела Китая вызывала у Гобсона такую экономическую оценку: „Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькие кучки богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки“. „Вот какие возможности открывает перед нами

*) J. A. Hobson, „Imperialism“, London, 1902.

более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав; она не только не двигала бы вперед дела всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки, и при помощи этой дани содержать большие приученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой, под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории" (надо было сказать: перспективы), „как незаслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю подобных групп финансистов, „поместителей капитала" (рантье), их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это и любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении, и если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они будут работать в направлении именно такого завершения процесса".

Социал-либерал Гобсон не видит того, что это „противодействие" может оказать только революционный пролетариат и только в виде социальной революции. На то он и социал-либерал! Но он превосходно подошел еще в 1902 году к вопросу и о значении „Соед. Штатов Европы" (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают лицемерные каутскианцы разных стран, именно: что оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией как-раз в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки, что оппортунисты объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, подкупленную на средства империалистской сверх-прибыли, превращенную в сто-

рожевых псов капитализма, в развратителей рабочего движения.

На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистской буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом, мы указывали неоднократно, не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос! Мартов, напр., еще в своих рефератах пускал в ход софизм, который в „Известиях загр. секр. О.К". (№ 4, от 10-го апреля 1916 года) выражен следующим образом:

„...Дело революционной с.-д. было бы очень плохо, даже безнадежно, если бы наиболее приблизившиеся по умственному развитию к „интеллигенции" и наиболее квалифицированные группы рабочих фатально уходили от нее к оппортунизму"...

Посредством глупенького словечка „фатально" и некоторой „подтасовочки" обойден тот факт, что известные прослойки рабочих отошли к оппортунизму и к империалистской буржуазии! А софистам О.К. только и надо обойти этот факт! Они отделываются тем „казенным оптимизмом", которым ныне щеголяет и каутскианец Гильфердинг и многие другие: дескать, объективные условия ручаются за единство пролетариата и за победу революционного течения! Дескать, мы — „оптимисты" насчет пролетариата!

А на самом-то деле они, все эти каутскианцы, Гильфердинг, окисты, Мартов и К°,—оптимисты... насчет оппортунизма. В этом суть!

Пролетариат есть детище капитализма—мирового, а не только европейского и не только империалистского. В мировом масшабе, 50 лет раньше или 50 лет позже—с точки зрения этого масштаба вопрос частный,—„пролетариат", конечно, „будет" един, и в нем „неизбежно" победит революционная с.-д. Не в этом вопрос, г.г. каутскианцы, а в том, что вы сейчас в империалистских странах Европы лакействуете перед оппортунистами, которые чужды пролетариату, как классу, которые суть слуги, агенты, проводники влияния буржуазии, и без освобождения от которых рабочее движение остается буржуазным рабочим движением. Ваша проповедь „единства" с оппортунистами, с Легинами и Давидами, Плехановыми или Чхенкели и Потресовыми и т. д., есть, объективно, защита порабощения рабочих империалистской буржуазией

через посредство ее лучших агентов в рабочем движении. Победа революционной с.-д. в мировом масштабе абсолютно неизбежна, но она идет и пойдет, происходит и произойдет, только *против* вас, будет победой *над* вами.

Те две тенденции, даже *две* партии в современном рабочем движении, которые так явно разошлись во всем мире в 1914—1916 г.г., были *прослежены Энгельсом и Марксом в Англии* в течение ряда *десятилетий*, приблизительно с 1858 по 1892 год.

Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистской эпохи всемирного капитализма, которая начинается не раньше, как в 1898—1900 годах. Но особенностью Англии было уже с половины XIX века то, что, по крайней мере, *две* крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились на-лицо: 1) необъятные колонии и 2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали *связь* его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении.

В письме к Марксу от 7 октября 1858 г. Энгельс писал: „Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело, в конце-концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплоатирует весь мир, это до известной степени правомерно". В письме к Зорге [182]) от 21 сентября 1872 г. Энгельс сообщает, что Хэйльз (Hales) поднял в федеральном совете Интернационала великий скандал и провел вотум порицания Марксу за его слова, что „английские рабочие вожди продались". Маркс пишет к Зорге от 4 апреля 1874 г.: „Что касается городских рабочих здесь (в Англии), то приходится пожалеть, что вся банда вождей не попала в парламент. Это был бы вернейший путь к освобождению от этой сволочи". Энгельс говорит в письме к Марксу от 11 августа 1881 г. о „худших английских трэд-юнионах, которые позволяют руководить собою людям, купленным буржуазией или, по крайней мере, оплачиваемым ею". В письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: „Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое,

что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке".

7 декабря 1889 г. Энгельс пишет Зорге. „...Самое отвратительное здесь (в Англии) — перешедшая рабочим в плоть и кровь буржуазная „почтенность" (respectability)... даже Том Мэн, которого я считаю наилучшим из всех, говорит охотно о том, что он будет завтракать с лордом-мэром. Когда сравниваешь с этим французов, видишь, что значит революция". В письме от 19 апреля 1890 г.: „Движение (рабочего класса в Англии) идет вперед под поверхностью, захватывает все более широкие слои и притом большей частью среди неподвижной доселе самой низшей (курсив Энгельса) массы, и не далек уже день, когда эта масса найдет сама себя, когда ей ясно станет, что именно она сама является этой колоссальной двигающейся массой".

5 марта 1891 г.: неудача распавшегося союза докеров, „старые, консервативные трэд-юнионы, богатые и именно потому трусливые, остаются одни на поле битвы"... 14 ноября 1891 г.: на нью-кастльском конгрессе трэн-юнионов побеждены старые юнионисты, противники восьмичасового рабочего дня, „и буржуазные газеты признают поражение буржуазной рабочей партии" (курсив везде Энгельса)...

Что эти мысли Энгельса, повторяемые в течение десятилетий, высказывались им и публично, в печати, доказывает предисловие его ко второму изданию „Положения рабочего класса в Англии", 1892 года. Здесь говорится об „аристократии в рабочем классе", о „привилегированном меньшинстве рабочих" в противоположность „широкой массе рабочих". Маленькое, привилегированное, охраняемое меньшинство" рабочего класса одно только имело „длительные выгоды" от привилегированного положения Англии в 1848—1868 г.г. „широкая масса в лучшем случае пользовалась лишь кратковременным улучшением"... „С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение"... Члены „новых" юнионов, союзов необученных рабочих, „имеют одно неизмеримое преимущество: их психика является еще девственной почвой, совершенно свободной от унаследованных „почтенных" буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы лучше поставленных „старых юнионистов"... „Так называемыми рабочими представителями"

называют в Англии людей, „которым прощают их принадлежность к рабочему классу, потому что они сами готовы утопить это свое свойство в океане своего либерализма“...

Мы нарочно привели довольно подробные выписки из прямых заявлений Маркса и Энгельса, чтобы читатели могли в целом изучить их. А их необходимо изучить, в них стоит внимательно вдуматься. Ибо здесь гвоздь той тактики в рабочем движении, которая предписывается объективными условиями империалистской эпохи.

Каутский и здесь уже попытался „замутить воду“ и подменить марксизм сладеньким примиренчеством с оппортунистами. В полемике с открытыми и наивными социал-империалистами (вроде Ленча), которые оправдывают войну со стороны Германии, как разрушение монополии Англии, Каутский „исправляет“ эту очевидную фальшь посредством другой столь же очевидной фальши. На место циничной фальши он ставит слащавую фальшь! Промышленная монополия Англии давно сломана, говорит он, давно разрушена, ее нечего и нельзя разрушать.

В чем фальшь этого аргумента?

В том, что, во-первых, обойдена колониальная монополия Англии. А Энгельс, как мы видели, уже в 1882 году, 34 года тому назад, вполне ясно, указал на нее! Если промышленная монополия Англии, разрушена, то колониальная не только осталась, но чрезвычайно обострена, ибо вся земля уже поделена! Посредством своей сладенькой лжи Каутский протаскивает буржуазно-пасифистскую и оппортунистически-мещанскую идейку, что, де, „воевать не из-за чего“. Напротив, капиталистам теперь не только есть из-за чего воевать, но и нельзя не воевать, если хотеть сохранить капитализм! Ибо без насильственного передела колоний новые империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистские державы.

Во-вторых. Почему монополия Англии объясняет победу оппортунизма (на-время) в Англии? Потому, что монополия даст сверх-прибыль, т.-е. избыток прибыли сверх нормальной, обычной во всем свете капиталистической прибыли. Из этой сверх-прибыли капиталисты могут выбросить частичку (и даже не малую!), чтобы подкупить своих рабочих, создать нечто вроде союза (вспомните знаменитые „аллианцы“ английских трэд-юнионов с своими хозяевами, описанные Уэббами) — союза рабочих данной нации со своими капиталистами против осталь-

ных стран. Промышленная монополия Англии разрушена еще в конце XIX века. Это бесспорно. Но как произошло это разрушение? Так ли, что всякая монополия исчезла?

Если бы это было так, то примиренческая (с оппортунизмом) „теория" Каутского получала бы известное оправдание. Но в том-то суть, что это не так. Империализм есть монополистический капитализм. Каждый картель, трест, синдикат, каждый гигантски-крупный банк есть монополия. Сверх-прибыль не исчезла, а осталась. Эксплоатация одною, привилегированною, финансово богатою, страною всех остальных осталась и усилилась. Горстка богатых стран, — их всего четыре, если говорить о самостоятельном и действительно гигантски-крупном, „современном" богатстве: Англия, Франция, С. Штаты и Германия, — эта горстка развила монополии в необъятных размерах, получает сверх-прибыль в количестве сотен миллионов, если не миллиардов, „едет на спине" сотен и сотен миллионов населения других стран, борется между собою за дележ особенно роскошной, особенно жирной, особенно спокойной добычи.

В этом как раз экономическая и политическая суть империализма, глубочайшие противоречия коего Каутский притушевывает, а не вскрывает.

Буржуазия „великой" империалистской державы экономически может подкупать верхние прослойки „своих" рабочих, бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо ее сверх-прибыль составляет, вероятно, около миллиарда. И вопрос о том, как делится эта маленькая подачка между рабочими-министрами, „рабочими-депутатами" (вспомните великолепный анализ этого понятия у Энгельса), рабочими — участниками военно-промышленных комитетов, рабочими-чиновниками, рабочими, организованными в узко-цеховые союзы, служащими и т. д. и т. д., — это уже вопрос второстепенный.

В 1848 — 1868 г.г. и частью позже монополиею пользовалась только Англия; поэтому в ней мог на десятилетия победить оппортунизм; других стран ни с богатейшими колониями, ни с промышленной монополией не было.

Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистской эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких, очень немногих, великих держав. (В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала). Из этой разницы вытекает

то, что монополия Англии могла быть неоспоренной десятилетия. Монополия современного финансового капитала бешено оспаривается; началась эпоха империалистских войн. Тогда рабочий класс одной страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй даже невозможно, но зато меньшие (чем в Англии 1848 — 1868 г.г.) прослойки „рабочей аристократии“ подкупить может и подкупает каждая империалистская „великая“ держава. Тогда „буржуазная рабочая партия“, по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране, ибо только одна имела монополию, но зато надолго. Теперь „буржуазная рабочая партия“ неизбежна и типична для всех империалистских стран, но в виду их отчаянной борьбы за дележ добычи невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран. Ибо тресты, финансовая олигархия, дороговизна и проч., позволяя подкупать горстки верхов, все сильнее давят, гнетут, губят, мучают массу пролетариата и полупролетариата.

С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в „вечных“ паразитов на теле остального человечества, „почить на лаврах“ эксплоатации негров, индейцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция масс, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистских войн, скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет развертываться теперь история рабочего движения. Ибо первая тенденция не случайна, а экономически „обоснована“. Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе „буржуазные рабочие партии“ социал-шовинистов во всех странах. Различия между оформленной партией, напр., Биссолати в Италии, партией вполне социал-империалистской, и, скажем, полуоформленной почти партией Потресовых, Гвоздевых, Булкиных, Чхеидзе, Скобелевых [183]) и К°, — эти различия несущественны. Важно, то, что экономически откол слоя рабочей аристократии к буржуазии назрел и завершился, а политическую форму себе, ту или иную, этот экономический факт, эта передвижка в отношениях между классами найдет без особого „труда“.

На указанной экономической основе политические учреждения новейшего капитализма — пресса, парламент, союзы,

съезды и пр. — создали соответствующие экономическим привилегиям и подачкам для почтительных, смирненьких, реформистских и патриотических служащих и рабочих политические привилегии и подачки. Доходные и спокойные местечки в министерстве или в военно-промышл. комитете, в парламенте и в разных комиссиях, в редакциях „солидных“ легальных газет или в правлениях не менее солидных и „буржуазно-послушных“ рабочих союзов — вот чем привлекает и награждает империалистская буржуазия представителей и сторонников „буржуазных рабочих партий“.

Механика политической демократии действует в том же направлении. Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма нельзя вести за собой без широко развлетвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии. Я бы назвал эту систему ллойд-джорджизмом, по имени одного из самых передовых и ловких представителей этой системы в классической стране „буржуазной рабочей партии“, английского министра Ллойд-Джорджа. Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие угодно, даже революционные, речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.), Ллойд-Джордж служит буржуазии великолепно *), и служит ей именно среди рабочих, проводит ее влияние именно в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы.

А велика ли разница между Ллойд-Джорджем и Шейдеманами, Легинами, Гендерсонами и Гайдманами, Плехановыми, Реноделями [184]) и К°? Из последних, возразят нам, некоторые вернутся к революционному социализму Маркса. Это возможно, но это — ничтожная разница в степени, если брать вопрос в политическом, т.-е. массовом, масштабе. Отдельные лица из нынешних социал-шовинистских вождей могут вернуться к про-

*) Недавно в одном английском журнале я встретил статью тори, политического противника Ллойд-Джорджа: „Ллойд-Джордж с точки зрения тори“. Война открыла глаза этому противнику на то, какой превосходный приказчик буржуазии этот Ллойдж-Джордж! Тори помирились с ним!

летариату. Но течение социал-шовинистское или (что то же) оппортунистическое не может ни исчезнуть, ни „вернуться“ к революционному пролетариату. Где популярен среди рабочих марксизм, там это политическое течение, эта „буржуазная рабочая партия“ будет клясться и божиться именем Маркса. Запретить им этого нельзя, как нельзя торговой фирме запретить употребление любого ярлыка, любой вывески, любой рекламы. В истории всегда бывало, что имена популярных среди угнетенных классов революционных вождей после их смерти враги их пытались присвоить себе для обмана угнетенных классов.

Факт тот, что „буржуазные рабочие партии“, как политическое явление, создались уже во всех капиталистических передовых странах, что без решительной, беспощадной борьбы по всей линии против этих партий — или, все равно, групп, течений и т. п. — не может быть и речи ни о борьбе с империализмом, ни о марксизме, ни о социалистическом рабочем движении. Фракция Чхеидзе, „Наше Дело“, „Голос Труда“ в России и „окисты“ за границей — не более, как разновидность одной из таких партий. Мы не имеем ни тени оснований думать, что эти партии могут исчезнуть до социальной революции. Напротив, чем ближе будет эта революция, чем могущественнее разгорится она, чем круче и сильнее будут переходы и скачки в процессе ее, тем большую роль будет играть в рабочем движении борьба революционно-массового потока против оппортунистическо-мещанского. Каутскианство не представляет никакого самостоятельного течения, не имея корней ни в масах, ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое. Но опасность каутскианства в том, что оно, пользуясь идеологией прошлого усиливается примирить пролетариат с „буржуазной рабочей партией“, отстоять единство его с ней, поднять тем авторитет ее. За открытыми социал-шовинистами массы уже не идут: Ллойд-Джорджа освистали в Англи на рабочих собраниях, Гайдман ушел из партии, Реноделей и Шейдеманов, Потресовых и Гвоздевых защищает полиция. Прикрытая защита социал-шовинистов каутскианцами всего опаснее.

Один из самых распространенных софизмов каутскианства — ссылка на „массы“. Мы-де не хотим оторваться от масс и массовых организаций! Но вдумайтесь в постановку этого вопроса Энгельсом. „Массовые организации“ английских трэд-юнионов были в XIX веке на стороне буржуазной рабочей партии. Маркс и Энгельс не мирились с ней на этом основании, а разоблачали ее. Они не забывали (1), что организации трэд-юнио-

нов непосредственно обнимают меньшинство пролетариата. И в Англии тогда, и в Германии теперь не более 1/5 пролетариата состоит в организациях. Серьезно думать о том, что при капитализме возможно включить в организации большинство пролетариев, не доводится. Во-вторых, — и это главное, — вопрос не столько в числе членов организации, сколько в реальном, объективном, значении ее политики: массы ли представляет эта политика, массам ли служит, т.-е. освобождению масс от капитализма, или представляет интересы меньшинства, его применение с капитализмом? Именно последнее было верно для Англии в XIX веке, — верно теперь для Германии и пр.

От „буржуазной рабочей партии" старых трэд-юнионов, от привилегированного меньшинства Энгельс отличает „низшую массу", действительное большинство, апеллирует к нему, не зараженному „буржуазной почтенностью". Вот в чем суть марксистской тактики!

Мы не можем — и никто не может — усчитать, какая именно часть пролетариата идет и пойдет за социал-шовинистами и оппортунистами. Это покажет только борьба, это решит окончательно только социалистическая революция. Но мы знаем с достоверностью, что „защитники отечества" в империалистской войне представляют лишь меньшинство. И наш долг поэтому, если мы хотим остаться социалистами, итти ниже и глубже, к настоящим массам: в этом все значение борьбы с оппортунизмом и все содержание этой борьбы. Разоблачая, что оппортунисты и социал-шовинисты на деле предают и продают интересы масс, что они отстаивают временные привилегии меньшинства рабочих, что они проводят буржуазные идеи и влияние, что они на деле союзники и агенты буржуазии, — мы тем самым учим массы распознавать их действительные политические интересы, бороться за социализм и за революцию через все долгие и мучительные перипетии империалистских войн и империалистских перемирий.

Разъяснять массам неизбежность и необходимость раскола с оппортунизмом, воспитывать их к революции беспощадной борьбой с ним, учитывать опыт войны для вскрытия всех мерзостей национал-либеральной рабочей политики, а не для прикрытия их, — вот единственная марксистская линия в рабочем движении мира.

В следующей статье мы попытаемся подытожить главные отличительные особенности этой линии в противовес каутскианству.

Декабрь 1916 года.

Гос. Центр. ИСТОРИЧЕСКАЯ Библиотека

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. **Статья „Положение и задачи социалистического Интернационала“** — написана Вл. Ил. Лениным в 1914 году, вскоре после объявления мировой войны, и напечатана в № 33 „Социал-Демократа“ (от 1 ноября 1914 г.), издававшегося в Швейцарии. В 1918 году статья эта была перепечатана в сборнике „Против течения“, куда вошли статьи В. И. Ленина и Г. Зиновьева, написанные ими за период войны и посвященные, главным образом, краху II Интернационала.

2. **II Интернационал** — Международное объединение рабочих, возникшее в первой половине 80-х годов, спустя несколько лет после распада I Интернационала. Первая конференция, связывающая I Интернационал со II, состоялась в 1883 году в Париже. В ней принимали участие, кроме французской рабочей партии, английские трэд-юнионисты, итальянская и испанская рабочие партии. На обсуждении конференции были поставлены следующие вопросы: 1) международное фабричное законодательство, 2) урегулирование труда иностранных рабочих и 3) способы устранения законов, препятствующих непрерывному общению рабочих между собою. Конференцию эту, однако, нельзя признать интернациональной, так как в ее работах не принимали участия крупные социалистические партии ряда стран и такая мощная в то время партия как германская. Более крупное значение имела вторая международная конференция, происходившая в Париже 23—30 августа. На конференции этой были представлены 87 профессиональных союзов, участвовали представители Англии, Швеции, Норвегии, Германии, Австрии, Венгрии и Австралии. В повестке дня этой конференции стояли следующие вопросы: 1) международное рабочее законодательство и установление нормального рабочего дня, 2) общее специальное обучение, 3) национальное и интернациональное кооперативное объединение рабочих и его результаты, 4) политическое и экономическое положение рабочих в различных странах. Конференции эти, особенно первая, носили трэд-юнионистский характер.

Первый конгресс, положивший начало II Интернационалу, состоялся в Париже 14—20 июля 1889 года. Конгресс заседал в „Salle Petrelle“. В его работах принимали участие 395 депутатов, представлявших следующие страны: Францию — 221, Германию — 81, Англию — 22, Бельгию — 14, Австрию — 10, Венгрию — 3, Нидерланды — 4, Россию — 6, Швецию — 2, Норвегию — 3, Данию — 3, Швейцарию — 3, Польшу — 5, Испанию — 2, Румынию — 5, Америку — 5, Богемию — 1, Болгарию — 1, Аргентину — 1 и Финляндию — 1.

В первые дни конгресса (17 — 19 июля) были заслушаны доклады по истории развития социализма и социального движения в разных странах. В качестве докладчиков выступали: Бебель — Германия, Лавров и Плеханов — Россия, Гэд — Франция, Моррис и Кейр-Гарди — Англия, Адлер — Австрия, Вольдер — Бельгия, Гибес — чешское движение, Янковская — Польша, Брандт — немецкая Швейцария, Беш и Кирхнер — Северная Америка, Гуэ — романская Швейцария, Мани — Румыния, Ирлингер — Венгрия, Ньювенгуйс — Голландия, Петерсен и Кристерсен — Дания, Иеннесен — Норвегия, Пальмгрен — Швеция, Мерлино — Италия, Иглезиас — Испания.

Кардинальным вопросом, подлежавшим обсуждению конгресса, был вопрос о международном законодательстве в защиту труда рабочих. Конгресс

принял обширную резолюцию, в которой требовал установления 8-часового рабочего дня, воспрещения труда для детей моложе 14 лет, воспрещения ночного труда за исключением отраслей промышленности, требующих непрерывного производства, воспрещения женского труда в отраслях, в которых работа может вредно отразиться на здоровье женщины, воспрещение ночного труда для женщин и работниц моложе 18 лет и т. д.

По предложению Вильгельма Либкнехта, конгресс принял резолюцию об ежегодном праздновании рабочими всех стран 1-го мая.

2-й конгресс II Интернационала состоялся в Брюсселе в 1891 году, 3-й — в Цюрихе в 1893 году, 4-й — в Лондоне в 1896 году, 5-й — в Париже в 1900 году, 6-й — в Амстердаме в 1904 году, 7-й — в Штутгарте в 1907 году, 8-й — в Копенгагене в 1910 году и, наконец, 9-й — в Базеле в 1912 году.

Базельский конгресс был созван в период балканской войны, когда наиболее ярко проявились признаки предстоящей мировой бойни. Почти во всех резолюциях, принятых конгрессами, выражено враждебное отношение рабочего класса к милитаризму. Наиболее яркое выражение отношение социалистических партий к милитаризму и империалистическим войнам нашло в резолюции Базельского конгресса, заседавшего в период, когда империализм достиг своего апогея. В резолюции этой, между прочим, говорилось:

„Социалистический Интернационал призывает рабочих всех стран противопоставить капиталистическому империализму силу международной солидарности пролетариата. Он предостерегает правящие классы всех государств не увеличивать еще более военными действиями тех несчастий, которые терпит рабочий класс, благодаря капиталистическим способам производства. Он определенно требует мира. Пусть не забывают правительства всех стран, что при современном состоянии Европы и настроении умов рабочего класса возникновение войны окажется небезопасным для них самих. Пусть они вспомнят, что франко-прусская война привела к революционному взрыву, к Коммуне, пусть они помнят, что русско-японская война вызвала революционное движение среди населяющих Россию народов, что военные и морские вооружения, результат взаимного соперничества государств, придали классовой борьбе в Англии и на континенте характер необычайной обостренности и привели к колоссальным забастовкам. Безумием было бы со стороны правительства не понимать этого, когда одна лишь мысль о чудовищности мировой войны пробуждает у пролетариата всех стран чувство негодования. Пролетариат считает преступлением стрелять друг в друга во имя прибылей капиталистов, соревнования династий или процветания тайных дипломатических договоров.

Если правительства, удушая всякую возможность нормальной эволюции, толкнут пролетариат на путь отчаянных действий, то на них падет и вся ответственность за последствия вызванной ими войны".

Однако, в 1914 году, когда вспыхнула мировая война, вожди II Интернационала, стоявшие во главе национальных партий воюющих стран, изменили заветам Интернационала, а Базельский манифест запрятали под спуд, как опасный и вредный документ. Лидеры германской, французской и английской социалистических партий выдвинули новый лозунг: „Защита отечества!". Призывая рабочих к гражданскому миру внутри страны, они в то же время звали их к борьбе с „внешними врагами" во имя интересов империалистов, прикрытых лозунгом обороны отечества. К хору социал-патриотических голосов, раздававшихся во Франции, Англии и Германии, присоединились голоса и русских меньшевиков-оборонцев. Измена социалистических партий, поддержка ими войны, знаменовали собой крах международного революционного объединения социалистов, крах II Интернационала. Лишь небольшая группа русских большевиков, во главе с Вл. Ил. Лениным, да левые социалисты Италии, Голландии, Англии и небольшая группа социал-демократов Германии (Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Ф. Меринг и др.) остались верными заветам Интернационала. Они выступили непримиримыми противниками империалистской войны и социал-шовинизма. Вл. Ил. Ленин первый указал на крах II Интернационала в своих статьях, помещенных им в цен-

тральном органе большевистской фракции „Социал-Демократе“ и выдвинул проект организации III Интернационала.

После войны обанкротившиеся вожди II Интернационала пытались возродить его, и с этой целью в феврале 1919 года созвали в Берне международную конференцию, на которой присутствовало 98 делегатов различных стран. Коммунисты и лево-социалистические партии от участия в Бернской конференции уклонились. В числе вопросов, подлежавших обсуждению съехавшихся социал-патриотов, были: 1) вопрос о виновниках войны, 2) территориальный, 3) о рабочем законодательстве и 4) об отношении к русской революции. Первые два вопроса вызвали страстные прения между делегатами Франции и Германии, пытавшимися свалить ответственность за войну на правительство чужой страны. По колониальному вопросу конференция приняла резолюцию К. Каутского, доказывавшего, что „эксплоатация колоний капиталистическими странами неизбежна, и что социалисты должны бороться лишь за смягчение ее форм“. При обсуждении вопроса об отношении к русской революции П. Аксельрод от имени меньшевиков и Рубанович от эс-эровской партии, при поддержке Каутского и Бернштейна, пытались добиться осуждения „октябрьского переворота“, но энергичный отпор, который они встретили со стороны части оппозиционных депутатов, заставил большинство Бернской конференции благоразумно отказаться от вынесения какой бы то ни было резолюции по русскому вопросу. Высказано было только пожелание об отправке в Советскую Россию делегации с целью „изучения ее хозяйственного и государственного строя“.

3. **Вальян, М.** — французский революционер, член Парижской Коммуны 1871 года. Версальцы приговорили Вальяна к смертной казни, но ему удалось бежать в Лондон, где он вошел в совет I Интернационала. Вернувшись во Францию по амнистии 1884 года, Вальян занял видное положение во французском социалистическом движении.

4. **Жюль Гэд** — один из основателей марксистской партии во Франции. Вождь и теоретик французских рабочих. До войны вел борьбу с ревизионистами как во II Интернационале, так и во французском социалистическом движении. В годы войны занимал крайне-оборонческую позицию, вошел в состав французского буржуазного министерства, в качестве министра без портфеля. Один из крупных вождей II Интернационала.

5. **Плеханов, Г. В.** — выдающийся русский публицист и ученый, один из основателей российской социал-демократической рабочей партии, оказавший огромное влияние на развитие марксизма в России. Г. В. Плеханов примкнул к революционному движению в 70-х гг. прошлого столетия, сблизившись с бунтарями-народниками. Во время демонстрации перед Казанским собором 6-го декабря 1876 года Плеханов произнес знаменитую речь против русского самодержавия. Перейдя затем на нелегальное положение, он вел революционную работу, как видный член народнической организации „Земля и Воля“, в Петербурге и других городах России. Одновременно он являлся одним из видных сотрудников партийного органа („Земля и Воля“), в котором, между прочим, поместил свою первую статью „Закон экономического развития и задачи социализма в России“. На Воронежском съезде Плеханов выступил решительным противником будущих народовольцев и, выделившись из партии, пытался организовать газету „Черный Передел“, вокруг которой предполагал объединить сторонников широкой боевой партии, ведущей революционную работу преимущественно в городах среди рабочих и интеллигенции. На социально-политической позиции „Черного Передела“ объединились такие видные деятели „Земли и Воли“, как В. И. Засулич, Я. В. Стефанович, М. Р. Попов, Л. Г. Дейч, П. Е. Аксельрод, О. В. Аптекман, Л. Гартман, Е. К. Ковальская и др. Однако, попытка выпустить газету „Черный Передел“ окончилась неудачей: 28-го января 1880 г. первый номер газеты был захвачен жандармами в типографии, где он печатался. После этого провала Плеханов эмигрировал за границу, где в 1883 году, вместе с П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и В. И. Игнатовым, организовал первую русскую социал-

демократическую группу „Освобождение Труда“, издавшую вскоре ряд марксистских брошюр на русском языке, в том числе и брошюру Плеханова „Социализм и политическая борьба“. В 1884 году Г. В. Плеханов выпустил в свет вторую крупную марксистскую работу „Наши разногласия“, в которой подверг резкой критике русское народничество. С этого момента начинается полоса блестящей полемики Плеханова с эс-эрами и их сторонниками. Одна за другой появляются его работы: „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ (под псевдонимом Бельтова), „Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)“ (под псевдонимом А. Волгина) ряд статей в сборниках „Социал-Демократ“ и в „Заре“. Плеханов выступил также и в иностранной печати, поместив ряд статей о русском социалистическом движении, о Чернышевском, Гельвеции, Гольбахе, Марксе и др., выдвинувших его в первые ряды авторитетных марксистских писателей. Параллельно с литературными и научными работами Плеханов принимал также деятельное участие в жизни и борьбе партии. Вместе с Вл. Ил. Лениным он вел решительную борьбу с „экономистами“. С 1901 года по 1904 г. Плеханов — один из редакторов „Искры“ и „Зари“. В 1903 году, после II съезда партии, примкнул к меньшевикам. В период ликвидаторства отстаивал необходимость сохранения подпольных партийных организаций. В начале империалистической войны занял крайне-оборонческую позицию, чем вызвал против себя резкие, полные негодования статьи Вл. Ил. Ленина в „Социал-Демократе“. Вернувшись в Россию во время февральской революции 1917 года, Плеханов отстаивал попрежнему оборонческую позицию и необходимость соглашения с буржуазией в интересах успешного ведения войны. Основатель Р.С-Д.Р.П. имел теперь за собой небольшую группу сторонников (группа „Единство“), не пользовавшуюся никаким влиянием среди рабочих. Плеханов умер в 1918 году.

6. **Эрве, Г.** — французский анархист-синдикалист, крайний антимилитарист, редактор газеты „Социальная Война“. В день объявления Францией войны резко изменил позицию, стал крайним социал-патриотом и, переименовав свой орган в „Победу“, настаивал на полном разгроме Германии. Ярый враг Советской России.

7. **Гайндман, Г. М.** — вождь и основатель британской социалистической партии, марксист-теоретик. В начале империалистической войны занимал крайне резкую социал-патриотическую позицию. В 1915 году был исключен из партии, примкнувший в 1920 году к III Интернационалу и переименовавшейся в 1921 году в коммунистическую. Гайндман один из видных вождей II Интернационала.

8. **Макдональд, Рамсей** — вождь английской независимой рабочей партии, один из вдохновителей Амстердамского объединения профессиональных союзов. В годы войны входил в парламентский блок с либералами. На последних выборах рабочая партия получила большинство в парламенте, и Макдональд при молчаливой поддержке либералов образовал рабочее правительство, в котором занял пост премьер-министра.

9. **Кейр-Гарди** — английский социалист, член независимой рабочей партии, примыкающей к ее правому крылу, участник почти всех конгрессов II Интернационала.

10. **Каутский** — старейший член германской социал-демократической партии. Крупный теоретик марксизма и историк. В годы войны занимал „центристскую“ позицию. Ныне — правый социалист, сторонник „чистой демократии“, враг Советской власти.

11. **Франц Меринг** — родился в 1846 году в прусской буржуазной семье. В начале принадлежал к либеральным демократам, но в конце 80-х годов примкнул к социал-демократической партии. Крупный публицист и историк, Ф. Меринг занял в рядах германской социал-демократии выдающееся положение. Во время борьбы с бернштейнианством он вместе с Карлом Каутским энергично выступал против ревизионистов. Участвуя в „Лейпцигской Народной Газете“, Ф. Меринг содействовал ее крупному успеху среди пролетарских читателей. В то время „Лейпцигская Народная Газета“ считалась лучшей

социал-демократической газетой в мире. Позднее Ф. Меринг входил в состав редакционной коллегии немецкого теоретического журнала „Нейе Цейт“. Во время войны Ф. Меринг примкнул к группе Розы Люксембург, Клары Цеткин и Карла Либкнехта. Участвовал в издании манифеста, в котором группа эта приветствуя английский пролетариат и рабочих других стран, призывала к борьбе с капиталистами собственных стран. За редактирование журнала „Интернационал“ Ф. Меринг, несмотря на свой 70-летний возраст, был заключен в тюрьму. После освобождения он деятельно участвовал в нелегальном органе союза „Спартак“, являясь одним из главных теоретиков этой группы. Ф. Меринг один из первых приветствовал победу русских рабочих в октябре 1917 года, как первую победу международного пролетариата в борьбе за социальную революцию. Вступив в ряды Германской коммунистической партии, он продолжал вести неустанную борьбу с социал-соглашателями. Скончался в 1919 г. Перу Франца Меринга принадлежит ряд крупных научных и публицистических работ. Главнейшие из них — „История германской социал-демократии“, „Жизнь Карла Маркса“ и ряд историко-критических работ по немецкой литературе („Легенда о Лессинге“, о Шиллере и др.).

12. **Панекук, А.** — голландский социалист, выступавший в годы войны против социал-шовинизма. организатор газеты „Трибуна“. Ныне коммунист, примыкающий к левому крылу Голландской коммунистической партии. (См. Н. Ленин. „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“).

13. **Карл Либкнехт** — германский социал-демократ, сын основателя германской социал-демократической партии Вильгельма Либкнехта, депутат рейхстага. В годы империалистической войны ярый враг затеянной буржуазной бойни, открыто выступал в парламенте против военных кредитов и вел в рабочих и солдатских массах агитацию против войны за социальную революцию. Правительство Вильгельма заключило Либкнехта в тюрьму, но он не прерывал революционную пропаганду. Поскольку позволяли условия тюремного режима, К. Либкнехт руководил борьбой своих единомышленников, остававшихся на свободе. Карл Либкнехт — один из основателей союза германских революционных социал-демократов „Спартак“, примкнувшего затем к коммунистам. В 1919 году К. Либкнехт зверски убит немецкими реакционерами.

14. **Биссолати** — один из вождей итальянской социалистической партии неоднократно занимавший пост редактора центрального органа партии „Avanti“, депутат парламента. Во время войны лидер крайне правого крыла социалистической партии. Входил в состав буржуазного министерства. Умер в 1919 году.

15. **„Avanti“** — „Вперед“ — орган итальянской социалистической партии „левоцентристского“ направления. Выходил двумя изданиями в Милане и Гурине.

16. **П. П. Маслов** — один из старых русских социал-демократов, меньшевик, литератор-экономист, автор известных работ по истории народного хозяйства и по аграрному вопросу. Литературную деятельность свою он начал в 1896 году в „Самарском Вестнике“, первой марксистской легальной газете. В 1906 году участвовал в Стокгольмском съезде Р.С-Д.Р.П, на котором выдвинул оппортунистическую аграрную программу — „муниципализацию земли“ — против ленинской „национализации“. Программа Маслова была принята съездом с поправками Г. В. Плеханова. В 1907 году П. Маслов работал в качестве сведущего лица в социал-демократической фракции II государственной думы. В годы войны — крайний социал-патриот, редактор журнала „Дело“, в котором доказывал необходимость для русского пролетариата победы над Германией.

17. **Е. Смирнов** (Эм. Гуревич) — социал-демократ, ревизионист, в годы войны патриот, во время февральской революции 1917 года руководил газетой „Власть Народа“.

18. **Алексинский** — социал-демократ, примкнувший в 1905 году к большевикам, работал в Московской с.-д. организации. В 1906 году прошел по рабочей курии Ленинграда во II государственную думу, где завоевал видное положение, как крупный оратор социал-демократической фракции. Участник Лондонского съезда. В годы войны — патриот-оборонец. Ныне скатился в болото монархизма.

19. **„Голос“** — газета, издававшаяся в Париже в 1914—1915 г.г. социал-демократами-интернационалистами. В газете участвовали: Урицкий, Антонов-Овсеенко, Лозовский, Мартов, В. Мещеряков и другие. Газета была закрыта французским правительством по настоянию русского посла Извольского. Всего вышло 108 №№.

Последний номер датирован 17 января 1915 года.

20. **„Vorwärts“** („Вперед“) — центральный орган германской социал-демократической партии. В годы войны отстаивал крайнюю социал-шовинистскую позицию большинства с.-д. партии, руководимого Шейдеманом.

21. **Ледер** — польский социалист, сторонник участия поляков в войне против Германии и Австрии.

22. **„Neue Zeit“** („Новое Время“) — научный марксистский журнал германских социал-демократов, основанный в 1885 году. Редактором „Neue Zeit“ со дня основания и до первых годов империалистической войны состоял Карл Каутский. Журнал был посвящен, главным образом, научному освещению вопросов социального движения и пролетарской тактики. Во время мировой войны, когда наметился раскол германской социал-демократии, редакция „Neue Zeit“ стала на сторону течения, образовавшего затем партию независимых. Однако, в руках Карла Каутского „Neue Zeit“ занимал позицию неопределенную. В 1917 году Ц. К. германской с.-д. партии назначил редактором „Neue Zeit“ Генриха Кунова, в руках которого журнал, сыгравший крупную роль в истории международной марксистской печати, совершенно захирел. Новый редактор пытался не больше, не меньше как подвести „научные основы“ под соглашательскую политику социал-патриотических верхов партии. В 1923 году журнал, покинутый своими лучшими сотрудниками, прекратил свое существование.

23. **К. М.** — „Коммунистический манифест“ Карла Маркса и Фридриха Энгельса, изданный ими впервые в 1847 году.

24. **Идет речь** о резолюции, принятой Штутгартским международным социалистическим конгрессом в 1907 году, в которой говорилось о непримиримом отношении рабочего класса к милитаризму и империалистическим бойням.

25. **Идет речь** о резолюции, принятой чрезвычайным международным социалистическим конгрессом в Базеле в 1912 году. (См. прим. 2).

26. **„Голос“** — см. прим. 19.

27. **„Мертвый шовинизм и живой социализм“** — статья написана Вл. Ил. Лениным в декабре 1914 года и напечатана была в „Социал-Демократе“, в № 35 от 12 декабря т. г. Перепечатана в XIII томе собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 19.

28. **„Путь к власти“** — брошюра Карла Каутского, писанная им в 1909 году. В ней Каутский отчетливо указал на близость социалистической революции и что рабочий класс вступает „в период борьбы за государственную власть“. Во время империалистической войны и германской революции Каутский изменил этим взглядам. Книга Каутского переведена на русский язык.

29. **„Vorwärts“** („Вперед“) — см. прим. 20.

30. **Л. М.** — Л. Мартов — Ю. О. Цедербаум, один из старейших членов социал-демократической партии в России. В конце 1900 года Мартов вошел вместе с В. И. Ульяновым-Лениным, Г. В. Плехановым, В. И. Засулич и П. Аксельродом в состав редакции „Искры“. В 1903 году на II съезде Р. С-Д. Р. П. Мартов разошелся с большинством съезда по вопросу о составе редакции „Искры“ и о членстве в партии. Редакция параграфа о членстве в партии, предложенная Мартовым, открывала доступ в партию неустойчивым и оппортунистическим элементам; на почве возникших разногласий в рядах российской социал-демократии образовались два основные течения — „большевимское“ и „меньшевистское“ вождем и самым видным публицистом второго ст—г Мартов. Война застала Мартова в рядах меньшевиков-интернационалистов Он участвовал в Циммервальдской конференции (центр) и состоял редакторот „Нашего Слова“, издававшегося в Париже. После февральской революцва

Мартов приехал с целой группой меньшевиков-интернационалистов через Германию, в Россию. В первый период революции Мартов стоял на интернационалистской позиции и часто расходился по целому ряду вопросов с большинством своей партии, занимавшей правую социал-оборонческую позицию. На II съезде Советов отстаивал необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий; остался на съезде после ухода меньшевиков и правых эс-эров. Вскоре, однако, Мартова целиком захлестнул меньшевистский поток, который после Октябрьской революции отбросил его в стан врагов Советской власти. В начале 1921 года он эмигрировал в Берлин, где стал во главе „Социалистического Вестника". Умер в 1923 г.

31. **„Стар. Искра"** „Искра"— заграничная социал-демократическая газета. Первые 51 №№ „Искры" вышли под редакцией В. И. Ленина. С ноября 1903 года по выходе из редакции В. И. Ленина газета становится меньшевистским органом. „Старой Искрой" называют газету, выходившую под руководством В. И.

32. **Жиронда и Гора** — так назывались во время великой французской революции (1789 — 1796) две партии, представлявшие интересы общественных групп, сталкивавшихся во время революции. Жирондисты представляли собой объединение зажиточных умеренно-республиканских слоев французского общества. В конвенте они вели борьбу с Горой, занимавшей крайнюю республиканскую позицию. Левое крыло Горы составляли якобинцы — представители революционной французской мелкой буржуазии. В своей борьбе с Жирондой и консерваторами Гора опиралась на рабочих и мелких ремесленников Парижа. В своей ссылке на № 2 „Искры" Вл. Ил. Ленин имеет в виду статью Г. В. Плеханова, в которой он пророчески указал, что революционный класс XX века будет иметь, подобно революционной буржуазии XVIII века, свою Жиронду и свою Гору. Предсказание это полностью исполнилось в эпоху великой русской революции, когда меньшевики и социалисты-революционеры сыграли роль Жиронды XX века.

33. **Вандервельде, Эм.** — правый бельгийский социалист, председатель II Интернационала, во время империалистической войны министр королевского правительства Бельгии. В 1917 году Вандервельде приезжал в Россию уговаривать русских рабочих продолжать войну во имя интересов буржуазии Антанты. В 1922 г. прибыл в Москву в качестве представителя II Интернационала и защитника на процесс правых эс-эров. По пути следования и в Москве рабочие встречали Вандервельде и его товарищей враждебными демонстрациями.

34. **Самба** — французский социалист-шовинист. В годы войны министр в кабинете Клемансо.

35. **Гаазе** — один из вождей германской социал-демократической партии, друг и единомышленник Августа Бебеля. Во время войны занял колеблющуюся позицию. В 1916 году вышел из официальной партии и примкнул к германским независимцам социал-демократам. В 1918 году после ноябрьской революции входил в состав временного правительства. В 1919 году убит немецким офицером.

36. **Статья „Русские Зюдекумы"** впервые была напечатана В. И. Лениным в „Социал-Демократе" (№ 37 от 1 февраля 1915 г.), а затем перепечатана в сборнике „Против течения". Вошла в XIII том Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 37.

Зюдекум — германский социал-демократ, шовинист.

37. **„Наша Заря"** — орган социал-демократов-меньшевиков ликвидаторского направления, выходивший в Ленинграде в 1912 — 1914 г.г. В годы войны занял замаскированную оборонческую позицию.

38. **Г. Черевании — Ф. А. Либкин** — видный меньшевистский литератор ликвидаторского толка, участник почти всех меньшевистских периодических изданий.

39. **В. Пуришкевич** — бессарабский помещик, член государственной думы нескольких созывов, один из лидеров крайне-правого крыла думы. Последние

годы войны выступал в государственной думе с речами против Григория Распутина, а затем принял активное участие в организации убийства пресловутого старца.

40. **П. Аксельрод** — старейший член РСДРП, один из организаторов группы „Освобождение труда", член редакционной коллегии „Искры". После второго съезда партии (1903 г.) примкнул к меньшевикам. Один из лидеров и крупных теоретиков меньшевизма. В годы империалистской войны занял вначале неясную, по существу оборонческую позицию. После Октябрьской революции в России, выступал за границей, как ярый противник Советского строя и защитник „чистой демократии".

41. **П. Аксельрод.** См. прим. 40.

42. **Братанье** — среди солдат немецкой и французской армии уже в 1915 году имели место, правда, редкие случаи братанья. Оно широко было развито в 1917 году, после русской революции, на русско-германском фронте.

43. **Речь идет** о брошюре Каутского „Путь к власти". См. прим. 28.

44. **А. П — в** — А. Н. Потресов-Старовер, меньшевик, участник II съезда Р. С.-Д. Р. П, член редакционной коллегии „Искры". В годы реакции примыкал к ликвидаторам. Сотрудник „Нашей Зари" и других меньшевистских органов. Во время войны — правый оборонец.

45. **Статья „Как полиция и реакционеры охраняют единство германской с.-д-тии"** напечатана В. И. Лениным в „Социал-Демократе", № 39 от 3 марта 1915 г. Помещена в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 42.

46. **„С.-Д."**, „Социал-Демократ" — орган большевиков, выходивший в годы войны в Швейцарии, под редакцией Вл. Ил Ленина. Единственный орган русской рабочей печати, на страницах которого Вл. Ил. Ленин и Г. Зиновьев горячо отстаивали положения циммервальдской левой против империалистической войны и призывали рабочий класс воюющих стран к гражданской войне с угнетателями и эксплоататорами внутри страны. Большинство статей Вл. Ил. Ленина, печатавшихся в „Социал-Демократе", было посвящено резкой критике социал-шовинизма и его вождей. В 1918 году статьи Вл. Ил. Ленина и Г. Зиновьева вышли отдельным сборником под названием „Против течения", выдержавшим несколько изданий.

47. **Ю. Борхардт** — германский левый социал-демократ издавал во время войны ежемесячник „Лучи Света" интернационалистского направления. Автор сочинения „Капитал Карла Маркса" и др. Ныне коммунист.

48. **Отто Браун** — В 1914 году был членом Ц. К. Германской Социал-Дем. Партии

49. **Ю. Гарденин** — псевдоним В. М. Чернова, лидера эс-эров. В „Мысли", о которой дальше идет речь, с.-д. не участвовали. Это был чисто-эс-эровский орган. Одновременно в Париже выходил „Призыв", где работали эс-эры-оборонцы и социал-демократы — сторонники Плеханова.

50. **„Мысль"** — эс-эровский орган, издававшийся в Париже в годы войны при участии В. М. Чернова.

51. **Чартизм** — революционное движение английских рабочих в средине XIX столетия, выдвинувшее требование демократизации английского парламента. В 1839 году в палату была доставлена хартия (петиция), которую подписали 1.280.000 человек. Петиция требовала избирательного права для всех мужчин, отмены имущественного ценза для депутатов, вознаграждения депутатов и ежегодных выборов. Чартисты ставили себе задачей, после завоевания большинства в парламенте, проведение в стране экономических и социальных реформ. Палата петицию отвергла. „Чартисты" ответили широкими митингами и уличными демонстрациями, заканчивавшимися нередко столкновениями с войсками. В 1848 году „чартисты" подали в палату вторую петицию, а в 1849 году — третью с еще большим количеством подписей, но встретили еще большее сопротивление господствующих классов. Чартистское движение распадалось на два крыла: правое — соглашательское и ле-

вое — революционное. Несмотря на внешнюю свою неудачу, революционное движение „чартистов" значительно подорвало господство феодальных классов Англии и содействовало демократизации избирательной системы.

52. **Идет речь** об июльской революции 1848 года во Франции, когда французские рабочие впервые выступили со своими классовыми требованиями.

53. **Речь идет** о всеобщей октябрьской забастовке, принудившей царское правительство к изданию манифеста 17 октября 1905 года о созыве государственной думы и о московском декабрьском восстании 7 — 19 декабря 1905 года.

54. **Ропшин** — Борис Савинков — один из руководителей студенческого движения в 1899 году. В 1901 году Савинков примкнул к социал-демократическому движению и работал в Ленинграде, как пропагандист. В ссылке примкнул к эсерам, где вскоре выдвинулся как деятельный член боевой дружины. Один из главных организаторов целого ряда террористических актов. Во время войны — офицер русской армии, оборонец. В 1917 — 1919 г.г. — крайне-правый эс-эр, враг рабочей революции и Советской власти. Организатор кулацких восстаний, сторонник интервенции. В августе 1924 года он был арестован на территории С.С.С.Р. и предан суду Верховного Трибунала. На суде Савинков произнес покаянную речь, в которой признал свои выступления против Советской власти ошибкой. Верховный Трибунал приговорил Савинкова к высшей мере наказания. Центральный Исполнительный Комитет Союза Республик, по ходатайству Трибунала, заменил ему смертную казнь 10-летним заключением.

55. **Чернов, В. М.** — один из видных лидеров социалистов-революционеров. Родился в 1876 году. Революционную деятельность начал в 1893 году, как член „Социал-революционной партии народного права". В 1899 г. эмигрировал за границу, где стал во главе партии социалистов-революционеров. Бессменный член Ц. К. эс-эровской партии и редактор центрального органа партии („Революционная Россия"). Участвовал в Циммервальдской конференции. Однако, после февральской революции в России занял оборонческую позицию. Министр земледелия в кабинете Керенского. 5 января 1918 года был избран председателем учредительного собрания. Затем эмигрировал к белым. Организатор чехословацкого восстания в 1918 г.

56. **„Современник"** — ежемесячный журнал, выходил в 1913 — 1917 году в Ленинграде, под редакцией А. Амфитеатрова. В нем участвовали эс-эры и меньшевики-ликвидаторы.

57. **Статья „О лондонской конференции"** напечатана В. И. Лениным в № 38 „Социал-Демократа" 3 марта 1915 года. В статье идет речь о конференции социалистов воюющих стран, созванной с целью „обмена мнений" по вопросу о мирном окончании войны. Конференция ни к чему не привела.

58. **Рубанович** — эс-эр, старый эмигрант, проживавший все время в Париже. Социал-патриот.

59. **Кейр-Гарди** — см. прим. 9.

60. **М. С. Бюро** — Международное Социалистическое бюро.

61. **Максимович** — М. М. Литвинов, проживавший тогда в Лондоне. М. М. Литвинов — старый революционер-большевик. В революционном движении участвует с 1893 года. В начале 900 годов работал в России, как агент „Искры". В Киеве был арестован, но вместе с другими товарищами бежал из тюрьмы. После II съезда партии М. М. Литвинов примкнул к большевистской фракции. Участник III съезда партии от Рижской организации. Ныне заместитель Народного Комиссара по иностранным делам. Крупный дипломат С.С.С.Р.

62. **„Labour Leader"** („Лейбор Лидер") — орган английской рабочей партии, основанный в 1887 году. Издается в Манчестере.

63. **Декларация** тов. Максимовича выражала большевистскую точку зрения на войну и способы ее прекращения. Напечатана в № 40 „Социал-Демократа" от 29 марта 1915 года.

64. **„Temps“** („Время“) — орган французской буржуазии. Основан в 1861 г. Тираж 100.000 экземпляров.

65. **„L'Echo de Paris“** („Эко де Пари“) — ежедневная буржуазная газета бульварного типа. Издается в Париже. Тираж 1.000.000 экземпляров.

66. **„Journal des Débats“** („Журнал де Деба“) — одна из старых французских газет, возникшая в эпоху великой французской революции (1789 г.). Много раз меняла свое направление. Ныне — орган крайних консерваторов.

67. **Косовский** — один из активных работников „Бунда“, еврейского с.-д. союза Литвы, Польши и России. Участник с.-д. съездов.

68. **„Наше Слово“** — газета русских с.-д. интернационалистов, выходившая в Париже в 1915 году, вместо закрытого правительством „Голоса“. Газета издавалась при ближайшем участии Л. Мартова, Лозовского, Мануильского, Антонова-Овсеенко и др.

69. **Статья „К иллюстрации лозунга гражданской войны“**, написана В. И. Лениным в средних числах марта 1915 года, напечатана в „Социал-Демократе“, № 40 от 28 марта 1915 года. Статья эта вошла в XIII том Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 59.

70. **Вопрос об объединении интернационалистов** был поднят редакцией газеты „Наше Слово“ (см. прим. 68) в 1915 году. Статья В. И. Ленина является ответом на ряд вопросов, связанных с проектом объединения интернационалистов. Напечатана она была в „Социал-Демократе“, № 41 от 1 мая 1915 года. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 65.

71. **Ионов** — Ф. М. Койген — один из видных деятелей Бунда, революционную деятельность начал в народовольческих кружках, а в 1892 году примкнул к с.-д. После ареста (2 года) и ссылки (4 года) Ионов вернулся к активной с.-д. работе, но уже в организациях Бунда. С 1903 года — член Ц. К. бунда. Участник объединительного и Лондонского партийных съездов. Во время войны стоял во главе интернационалистского крыла Бунда. Вместе с ним вошел в Р. К. П. Умер 22 октября 1923 года.

72. **„Вопросы Страхования“** — большевистский журнал, издававшийся в Ленинграде в 1913—1915 г.г., при участии Б. Донского.

73. **„Наше Дело“** — журнал социал-демократов оборонцев.

74. **„Страхование Рабочих“** — журнал меньшевиков-ликвидаторов, посвященный вопросам страхования. Выходил небольшими тетрадками в Ленинграде в 1913—1915 г.г.

75. **„Северный Голос“** — газета меньшевиков.

76. **П. Маслов** — см. прим. 16.

77. **„Крах платонического Интернационала“** — статья, напечатанная В. И. Лениным в „Социал-Демократе“, № 42 от 21 мая 1915 года. Статья эта затем была напечатана в сборнике „Против течения“ и в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 70.

78. **Гизо** (1787—1874) — известный французский государственный деятель, историк, монархист-конституционалист, защитник интересов крупной буржуазии. Премьер министр Франции накануне революции 1848 года.

79. **„Наша Заря“** — журнал меньшевиков-ликвидаторов, издававшийся в Ленинграде в 1912—1914 г.г., при ближайшем участии А. Потресова, Ф. Дана, Н. Череванина и др.

80. **Статья „О борьбе с социал-шовинизмом“** написана В. И. Лениным в конце мая 1915 года. Впервые напечатана 1 июня т. г. в № 42 „Социал-Демократа“. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 74.

81. **Трульстра** — голландский социалист-реформист, вождь правого крыла голландской социалистической партии.

82. **„Berner Tagwacht“** („Бернер Тагвахт“) — центральный орган Швейцарской с.-д. партии, основанный в 1881 г. В годы войны проводил точку зрения левого интернационалистского крыла партии.

83. **Статья „О поражении своего правительства в империалистской войне“** напечатана впервые в № 43 „Социал-Демократа“ от 26 июля 1915 г. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 78.

84. **Семковский, С. Ю.** — социал-демократ, меньшевик. В годы войны — оборонец. Ныне работает с коммунистами. Профессор харьковских высших учебных заведений.

85. **Троцкий, Л. Д.** — народный комиссар по военным делам, председатель Рев. Воен. Совета Республики, род. в 1881 году, революционную деятельность начал в рабочих кружках Николаева. В 1898 году был сослан в Сибирь, откуда вскоре бежал за границу. Сотрудник „Искры“. В 1903 году член II съезда Р.С.-Д.Р.П (мандат от сибирского союза). После раскола партии примкнул к меньшевистскому крылу. В 1905 году, после ареста Хрусталева-Носаря, был избран председателем первого Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Арестован вместе с его Исполнительным Комитетом 5-го декабря 1905 года и сослан на вечное поселение в Обдорск, но с дороги бежал и эмигрировал за границу. С начала империалистической войны занял интернационалистскую позицию. Высланный из Франции, Троцкий поселился в Соединенных Штатах. Возвращаясь после февральской революции в Россию, он был арестован англичанами и освобожден только по требованию временного правительства, действовавшего под давлением Ленинградского Совета. В Ленинграде примкнул к организации „межрайонцев“, вместе с которой вошел в большевистскую партию на VI съезде в 1917 году. После июльских дней был арестован правительством Керенского и привлечен к следствию за „руководство восстанием“, но вскоре освобожден под давлением ленинградских рабочих. Деятельный участник Октябрьской революции и организатор Красной армии.

86. **Буквоед** — Рязанов Д. Б. — один из старейших русских социал-демократов, организовал в первой половине 90-х годов рабочие с.-д. кружки в Одессе. После 5-летнего заключения в „Крестах“ эмигрировал за границу, где примыкал к революционному крылу социал-демократии. Участник заграничной с.-д. группы „Борьба“ в начале 900 годов. После первой революции вынужден был вторично эмигрировать за границу, где уделял большую часть своего времени с.-д. движению и работе по изданию сочинений Маркса и Энгельса, и по истории Интернационала. Участник многих русских и немецких партийных изданий. Историк и экономист. Организатор Социалистической Академии и Института К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве, член В.Ц.И.К нескольких созывов.

87. **Чхеидзе, С.** — социал-демократ, лидер меньшевистской фракции в IV гос. Думе. Во время войны шел за оборонцами. После февральской революции 1917 года — председатель Ленинградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

88. **Эд. Давид** — германский социал-демократ бернштейнианец. В годы войны — крайне-правый социал-шовинист. После ноябрьской революции 1918 г. в Германии входил в состав временного правительства.

89. **Статья „О положении дел в российской социал-демократии“** — напечатана В. И. Лениным в „Социал-Демократе“ № 43 от 26 июля 1915 г. Помещена в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 84.

90. **„Речь“** — ежедневная газета — центральный орган кадетской партии. Издавалась в Ленинграде с 1905 года по 1918 год. Редакторы — П. Н. Милюков и Ю. Гессен.

91. **„Северная Рабочая Газета“** — орган с.-д. меньшевиков, издававшийся в Ленинграде в 1913—1914 г.г.

92. **Гинденбург и Жоффр** — первый генерал, главнокомандующий германской армией во время империалистической войны, второй — главнокомандующий французской армией.

93. **„L'Humanité“** („Юманите“) — ежедневная газета Французской социалистической партии, основанная Ж. Жоресом в 1904 году. В годы войны попала в руки оборонцам. Ныне центральный орган Французской коммунистической партии. Тираж — 200.000.

94. **Независимая рабочая партия Англии** — в годы войны занимала колеблющуюся позицию и вела вялую пацифистскую политику. Вышла в 1920 г. из II Интернационала и вступила в 1921 г. в 2½ Интернационал.

95. **Окисты** — члены организационного комитета, образовавшегося на августовской конференции 1912 года. Центральная организация меньшевиков-ликвидаторов.

96. **Статья „О лозунге Соединенных Штатов Европы"** — напечатана была в „Социал-Демократе", № 44 от 23 августа 1915 года. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 130.

97. **„Крах II Интернационала"** — статья напечатана В. И. Лениным в № 1—2 „Коммуниста" за 1915 год. Вошла в XIII том Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 133.

98. **Шарль Дюма** — французский социалист, сторонник Ж. Гэда. Во время войны занимал должность начальника кабинета Гэда.

99. **Роза Люксембург** — выдающийся деятель международного рабочего движения конца XIX и первой четверти XX столетий. Дочь бедного ремесленника, родилась в 1870 году в Польше. Будучи ученицей одной из варшавских гимназий, она примкнула к революционному кружку учащихся, организованному польской партией „Пролетариат". В 1888 г. Роза Люксембург вынуждена была бежать из Польши в Цюрих, где поступила в университет, продолжая в то же время работать и в революционных кружках. Для получения докторского диплома Роза Люксембург представила диссертацию „Развитие польской промышленности", получившую затем широкое распространение в социал-демократических кружках на польском, русском и немецком языках. Эта первая студенческая работа обнаружила в авторе широкую эрудицию и крупный исследовательский талант. При участии Розы Люксембург организована была в 1893 году партия „Социал-демократии Царства Польского", переименованного затем в „Социал-демократию Польши и Литвы". По мандату варшавских рабочих Роза Люксембург участвовала на Цюрихском международном конгрессе. Переехав в 1897 году в Германию, она начала вести усиленную революционную деятельность, главным образом, среди польских рабочих Силезии и Познани. Одновременно она принимала деятельное участие в социал-демократической печати. Как партийный литератор, Роза Люксембург вскоре завоевала себе крупное имя. Наиболее интенсивный период ее литературной деятельности относится ко времени развития бернштейнианства в Германии и министериализма во Франции. Роза Люксембург вела с этим течением энергичную борьбу, горячо отстаивала основные положения революционного марксизма. От польской социал-демократии, с которой Роза Люксембург не прерывала связи, она вошла в международное социалистическое бюро. Во время первой русской революции (1905 г.) Роза Люксембург приехала на революционную работу в Варшаву, где вскоре была арестована. Освобожденная затем под залог, Роза Люксембург вернулась в Германию, где целиком ушла в социал-демократическую работу германской партии. К этому времени относится появление ее крупных теоретических работ: „Курс политической экономии" и „Накопление капитала". Обе эти работы, не считая ряда ценных в теоретическом отношении брошюр, выдвинули Розу Люксембург в первые ряды крупных марксистских теоретиков. В 1913 году за речь, направленную против милитаризма, германский суд приговорил Розу Люксембург к году тюрьмы. С первых дней империалистической войны, когда большинство социал-демократической партии, поддавшись общему шовинистическому угару, пошло за своими вождями-соглашателями, Роза Люксембург заняла революционную, интернационалистскую позицию и повела неустанную борьбу с социал-предателями. Вместе с Ф. Мерингом и К. Цеткин она пыталась выпустить манифест к рабочим, в котором объяснить действительные цели затеянной буржуазией бойни и выяснить, какую позицию должен занять рабочий класс по отношению к войне. Группа Розы Люксембург наметила также издание журнала „Интернационал", но удалось выпустить только один номер. В 1916 году она вновь была заключена в тюрьму, где написала брошюру „Кризис социал-

демократии", изданную под псевдонимом „Юниус". В этой брошюре она указала на крах II Интернационала и предсказала образование Коминтерна. Освобожденная из тюрьмы ноябрьской революцией, Роза Люксембург развила широкую деятельность, выступая горячей защитницей социалистической революции. Арестованная в 1919 году, после январского восстания, Роза Люксембург, вместе с Карлом Либкнехтом, предательски убита немецкими офицерами.

100. **„Интернационал"** — журнал, издававшийся в Германии во время войны группой левых соц.-дем. интернационалистов. Редактор — Ф. Меринг. Ближайшие сотрудники — К. Цеткин, Роза Люксембург, Карл Либкнехт и др.

101. **Кунов** — германский социал-демократ каутскианец. Литератор. Автор ряда работ по истории и истории культуры. После ноябрьской революции 1918 г. в Германии — ярый противник советской системы.

102. **Карл Радек** — член польской с.-д. партии, интернационалист. В немецкой печати помещал статьи за подписью „Parabellum". В 1918 году прибыл в Россию, вступил в Р. К. П. Видный деятель III Интернационала.

103. **Ленч** — германский социал-демократ оборонец.

104. **Гегель (1770—1831)** — знаменитый немецкий философ-идеалист, оказавший большое влияние на развитие общественной мысли. Влияние Гегеля простиралось далеко за пределы Германии; особенной известностью он пользовался среди русской интеллигенции 30 и 40-х годов. В основе философской системы Гегеля лежит мысль о торжестве бытия и мышления, которое раскрывается путем диалектического процесса. Вечная идея — Абсолютный Дух, — по Гегелю, лежит в основании не только законов космического развития, но и законов эволюции человеческого общества. Мировое развитие есть лишь проявление Абсолютного Разума. Отсюда знаменитое гегелевское утверждение: „что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно". Но развитие человеческого знания и всего существующего совершается путем противоречий от положения (тезис) к противоположению (анти-тезису) и к новой высшей форме (синтезу) и т. д.

Философская система Гегеля оказала также сильное влияние на развитие мировоззрения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, но основоположники научного коммунизма, восприняв диалектический метод Гегеля, применили его к материалистическому объяснению истории.

105. **Идет речь** о войне России с Францией, Англией и Турцией, известной под названием Крымской войны (1853—1855 г.г.).

1870—1871 г.г. — франко-прусская война.

1877—1878 г.г. — русско-турецкая война.

106. **Робеспьер, М.** — вождь якобинцев эпохи великой французской революции (1789—1796 гг.). Один из главных организаторов защиты завоеваний революции. Идеолог революционной мелкой буржуазии конца XVIII века. Казнен правительством крупной буржуазии, захватившей власть в свои руки после падения Робеспьера (9 термидора).

107. **Гарибальди** (1807—1882) — один из народных героев итальянцев, вождь „краснорубашечников", боровшихся за освобождение своей родины от ига Австрии. Еще юношей Гарибальди принял участие в тайном заговоре, за что был приговорен к смертной казни, но бежал. В 1836—48 г.г. он принимал участие в войнах южно-американских республик, в 1848 году стоял во главе корпуса волонтеров, действовавших против австрийцев в Ломбардии. В 1870 г. участвовал во франко-прусской войне на стороне Франции.

108. **Желябов, А. И.** (1851—1881) — один из крупных революционеров 70-х годов прошлого столетия, организатор и вождь партии „Народной Воли". Организатор казни Александра II; 3 апреля 1881 г. казнен царскими палачами.

109. **Мильеран** — французский социалист-реформист. В 1899 году вошел в состав кабинета Вальдека-Руссо, в качестве министра торговли. Мильеран был первым министром-социалистом в Европе. Вхождение Мильерана в буржуазное правительство вызвало горячие споры в рядах международной социал-демократии (споры о министериализме). Революционные социал-демо-

краты всех стран решительно высказались против участия социалистов в буржуазном правительстве. Во Франции на этой точке зрения стоял Гэд и его сторонники. Жорес, наоборот, отстаивал позицию министериализма.

Министерский пост Мильеран занимал до 1902 года. В 1904 году исключен из партии. Во время империалистской войны занимал пост президента Французской республики. В период русской революции являлся оплотом международной реакции. В 1924 году под давлением французских радикальных кругов вынужден был покинуть президентский пост.

110. **Салаидра, А.** — итальянский государственный деятель, либерал. В 1906 году состоял министром финансов в кабинете Соннино; в 1906 г. — министром казначейства; в 1914 — 1916 г.г. — председателем совета министров. В 1922 г. после падения министерства Факта ему было предложено сформировать кабинет, но он от этого уклонился. Тогда к власти был призван Муссолини.

111. **Гучков, А. И.** — председатель III государственной думы, организатор „Союза 17 октября". Один из вдохновителей „Третьеиюльского избирательного закона", урезавшаго и без того куцые избирательные права рабочих и крестьян. Во время войны стоял во главе военно-промышленного комитета. После февральской революции вошел в состав временного правительства в качестве военного министра. Пытался „обуздать" солдатские комитеты, но, потерпев неудачу, подал в отставку. После Октябрьской революции эмигрировал за границу.

112. **„Жизнь"** — орган социалистов-революционеров.

113. **Струве, П.** — один из ранних русских социал-демократов и один из авторов и редактор манифеста Р.С.-Д.Р.П., выпущенного от имени I съезда партии в 1898 г.; участник международного социалистического конгресса в 1896 г.; представитель „легального марксизма" (Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев, Изгоев и др.) — течения, отстаившего марксизм против народников в легальных „толстых" журналах („Новое Слово", „Жизнь") и вскоре занявшегося „критической проверкой" (ревизией) Маркса. „Легальный марксизм" использовал марксистскую догму в целях буржуазного преодоления народнических утопий. Струве, как и другие его соратники, вскоре порвал с марксизмом и встал во главе „Освобождения", организации либеральных земцев в 1904 — 1905 гг., и назначен был редактором издававшегося в Штутгарте журнала „Освобождение". Союз в 1905 г. послужил ядром для образования „партии народной свободы" (конституционно-демократической), членом Ц. К. которой вошел Струве. В 1909 г. Струве — один из участников нашумевшего сборника „Вехи", провозглашавшего разрыв русской интеллигенции с революцией и поступление на службу к капитализму. Во время революции защитник интересов крупной буржуазии. В настоящее время Струве живет в Софии, где продолжает издание „Рус. Мысли" в монархическом направлении.

114. **Лассаль** (1825 — 1864) — крупный деятель немецкого социалистического движения, пламенный оратор, публицист и ученый. Основатель и первый председатель Германского рабочего союза, преобразованного затем в с.-д. партию.

115. **Булыгинская дума** — так называлась в 1905 году обещенная царским правительством законосовещательная дума. Положение о принципах созыва этой думы было поручено Булыгину. Отсюда и пошло ее название. Однако, правительству выполнить своего обещания не пришлось. Вспыхнувшая вскоре всеобщая забастовка заставила царское правительство пойти на более существенные уступки и опубликовать манифест 17 октября. Вместо законосовещательной, на этот раз была обещена законодательная дума.

116. **Бернское совещание** состоялось в марте 1915 года. В порядке дня были вопросы об отношении революционной социал-демократии к империалистской войне и к II Интернационалу. Резолюция Бернского совещания помещена в сборнике „Российская Коммунистическая Партия (большевиков) в резолюциях ее съездов и конференций (1898 — 1922 г.г.)", под редакцией и с предисловием Л. Каменева, стр. 173.

117. **Британская социалистическая партия** во время войны занимала умеренную интернационалистскую позицию, хотя отдельные ее члены выступали решительно против войны. В 1919 году британская социалистическая партия примкнула к Коминтерну. Ныне преобразована в Английскую коммунистическую партию.

118. **Рабочая партия Англии** в пролетарском движении представляет правое течение. Во время войны партия поддерживала правительство. Ныне верхи рабочей партии входят в состав английского „рабочего" правительства.

119. **Фабианцы** — сторонники и члены общества, организованного в 1883 году с целью распространения социалистических идей. Фабианцы — противники классовой борьбы. Стоя на точке зрения сотрудничества классов, они проповедуют мирное улучшение положения трудящихся путем соглашения с буржуазией.

120. **Независимая рабочая партия** в годы войны занимала пасифистскую позицию. В 1920 году перешла из 2- в $2^1/_2$ Интернационал. После слияния двух Интернационалов, левое крыло независимой рабочей партии примкнуло к Британской коммунистической партии.

121. **Правдизм** — так в годы легальной печати по цензурным условиям называли большевизм. Производное от слова „Правда" — орган большевиков, издававшийся в Ленинграде в 1912 — 1914 г.г. „Правда" объединяла тогда вокруг своего знамени широкие массы рабочих, являясь единственным в России и то время ежедневным органом печати, отстаивавшим тактику и программу большевизма.

122. **Гортер** — голландский социал-демократ интернационалист. Один из ближайших сотрудников „Трибуны" — газеты, отстаивавшей в период войны позиции революционного Интернационала. Литератор, поэт. Ныне член Голландской коммунистической партии.

123. **Брантинг** — лидер Шведской социалистической партии, депутат парламента. Один из видных вождей II Интернационала. Ныне — премьер-министр шведского правительства.

124. **Хеглунд** — вождь левого крыла шведских социалистов.

125. **Тесняки** — революционное крыло Болгарской с.-д. партии. В годы войны отстаивало интернационалистскую позицию. Участвуя на Циммервальдской конференции (делегат В. Коларов), оно солидаризировалось с позицией В. И. Ленина. В 1919 г. примкнуло к III Интернационалу, образовав Болгарскую коммунистическую партию.

126. **Грейлих** — один из крупных деятелей швейцарского социалистического движения, участник Луганского совещания швейцарских и итальянских социалистов, состоявшегося 27 ноября 1914 г. Совещание приняло решение о борьбе с „военными настроениями" в рядах социалистов.

127. **Роберт Гримм** — швейцарский социалист-интернационалист. Член Циммервальдской и Кинтальской конференций. В 1921 году примкнул к $2^1/_2$ Интернационалу.

128. **Муранов, М. К.** — старый большевик, член IV государственной думы от рабочей курии Харьковской губернии. В 1914 году вместе с большевистской думской фракцией осужден на поселение в Сибирь за „пораженичество".

129. **Гендерсон** — лидер британской рабочей партии, видный деятель II Интернационала, член английского парламента. Во время империалистической войны входил в коалиционное министерство Ллойд-Джорджа. В 1917 г. после русской революции, высказался за созыв в Стокгольме социалистической конференции, с целью подготовки мирных переговоров на почве соглашения воюющих стран. Попытка Гендерсона вызвала резкий отпор со стороны английской буржуазии, и он вынужден был выйти из состава министерства. В британской рабочей партии он примыкает к правому социал-соглашательскому крылу. Ныне — министр внутренних дел „рабочего" правительства Англии.

130. **Экономизм** — правое, оппортунистическое течение в русском социал-демократическом движении раннего периода (1894 — 1902). Наиболее яркое литературное отражение это течение нашло на страницах „Рабочей Мысли“ издававшейся экономистами. Первый номер „Рабочей Мысли“ вышел в октябре 1897 года. Газета была напечатана на мимеографе, изготовленном самими рабочими. В декабре вышел № 2 „Р. М.“, отпечатанный тем же способом. С № 3 издание „Рабочей Мысли“ было перенесено за границу. В июле 1898 год вышел № 3, отпечатанный в собственной заграничной типографии. Всего вышло 16 №№. Газета просуществовала до 1902 года. Виднейшие работники: К. Тахтаров (петербуржец), главный организатор и редактор газеты, Н. Лохов (Ольхин). Программа газеты: „Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачка, как средство этой борьбы, — вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, закаляет силы и сплачивает рабочих, в ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть средство к дальнейшим победам. Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что они борются не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей („Рабочая Мысль“ № 1). Отстаивая необходимость профессионально-экономической борьбы, „Р. М.“ призывала рабочих сосредоточить на ней все свои силы, предоставив интеллигентам-либералам вести политическую борьбу с самодержавием. Отсюда — „отрицательное отношение экономистов к центральной организации партии, необходимой для осуществления широких политических задач, и преклонение перед „стихийностью“ рабочего движения, приспособленчество к неоформленным рабочим союзам, и недоверие к интеллигентам, сознательным вождям“ Вл. Ил. Ленин по первым номерам „Рабочей Мысли“ установил тред юнионистский характер газеты и горячо выступил в „Искре“ и в брошюре „Что делать?“ против революционного кустарничества экономистов и урезывания ими задач социал-демократического движения. (См. Собр. соч. Н. Ленина (В. Ульянова), т. IV и V.)

131. **„Рабочее дело“** — соц.-дем. газета, примыкавшая к экономизму, — рабочедельцы считали, что жизненные интересы рабочего класса ведут его к политической борьбе. Потребности чисто-экономической борьбы принуждают рабочих выставлять политические требования и бороться за политическую свободу. „Политическая борьба рабочего класса есть лишь наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы“. Несмотря на признание политической борьбы рабочедельцы, однако, постоянно срывались в плоскость экономизма. В брошюре „Что делать?“ В. И. Ленин указал на отсутствие какой бы то ни было разницы в позициях „Рабоч. Дела“ и „Рабочей Мысли“.

132. **Ликвидаторство** — течение, возникшее среди меньшевиков в период 1908 — 1914 г.г. Сторонники этого течения настаивали на использовании легальных возможностей для соц.-дем. работы и на ликвидации подпольных партийных организаций. Течение это захватило, главным образом, меньшевистские верхи. Плеханов высказался против ликвидаторства и настаивал не только на сохранении, но и на расширении работы подпольных организац. партии. Ему удалось объединить вокруг себя группу меньшевиков-партийцев, работавших одно время в контакте с большевиками, решительными противниками ликвидаторства. В. И. Ленин в целом ряде статей, составивших в большинстве своем I и II части XI тома Собрания сочинений, вскрыл мелкобуржуазный, чисто-интеллигентский характер ликвидаторства.

133. **Статья „Интернационализм в социализм в Италии“** напечатана была впервые в № 1 — 2 „Коммуниста“ за 1915 г., перепечатана в сборнике „Против течения“ и затем в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 190.

134. **Артур Лабриола** — итальянский социалист, занимавший во время войны шовинистскую позицию.

135. **Статья „Первый шаг“** напечатана в № 45 — 46 „Социал-Демократа“, от 11 октября 1915 года. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 198.

136. **Циммервальдская международная социалистическая конференция** состоялась 9 — 12 сентября 1915 года. Инициатива созыва конференции принадлежала Итальянской социалистической партии; на конференции участвовали представители партий, отдельных групп и течений, оставшихся верными интернационалистской точки зрения: социал-демократы и социалисты-интернационалисты Германии, Франции, России, Италии, Польши, Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии и балканской социалистической федерации. Английские социалисты (независимая рабочая партия) не получили паспартов от своего правительства и поэтому не могли принять участия в конференции. В состав русской делегации входили: В. Ленин и Г. Зиновьев (от Ц. К. большевиков), Л. Мартов, П. Аксельрод, и А. Мартынов (от О. К. меньшевиков), В. Чернов, М. Натансон (от Ц. К. П. С. Р.), Я. Берзин (от С.-Д. Латышского края), Ленгник (от Бунда), С. Лапинский (от С.-Д. Польши и Литвы), Варский-Варшавский (от левицы П. П. С), Генкевич (от правого крыла П. П. С.). Центральным предметом, подлежавших обсуждению конференции, был вопрос об отношении социалистов к войне. Левая часть конференции, во главе с В. И. Лениным, заняла в этом вопросе резкую позицию, не допускавшую никаких компромисов. „Циммервальдская левая" стояла на позиции социальной революции, предлагая призвать массы к борьбе за превращение империалистической войны в гражданскую. Большинство конференции заняло, однако, более умеренную позицию и в результате работ приняло текст манифеста к рабочим Европы с призывом к борьбе за прекращение войны и за мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения наций. Конференция избрала в качестве временного центра комиссию, в состав которой вошли: Моргарий (Италия), Ш. Нен и Г. Гримм (Швейцария), и А. Балабанова (в качестве секретаря).

„Циммервальдская левая" избрала свой центр и обратилась к рабочим с собственным манифестом, в котором призывала рабочих к решительной борьбе за социальную революцию и к гражданской войне внутри воюющих стран.

137. См. прим. 128.

138. **Статья „Революционные марксисты на международной соц. конференции** $^{5}/_{9}$ **— IX — 1915 гг."** — напечатана в „Соц.-Дем." № 45 — 46 от 11 октября 1915 г. Вошла в XIII том Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 203.

139. **Мергейм** — секретарь синдиката металлистов, сторонник социал-шовиниста Жуо, одно время примыкал к правому крылу циммервальдцев.

140. **Жуо** — французский анархист-синдикалист, председатель конфедерации труда. До европейской войны был крайним антимилитаристом и антипатриотом. В первые же дни войны резко изменил свою позицию и перебросился в лагерь крайних патриотов-шовинистов.

141. **„Призыв"** — газета, издававшаяся в годы войны в Париже эс-эрами (Авксентьев и др.) и меньшевиками-оборонцами (Плеханов и его сторонники).

142. **Статья „Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами"** напечатана впервые в „Социал-Демократе", № 49 от 21 декабря 1915 года. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 216.

143. **„Рабочее Утро"** — является попыткой издания легальной социал-демократической, меньшевистской газеты в годы войны (1915 г.) в Ленинграде. Вышло всего несколько номеров

144. **Гвоздев** — рабочий, известный социал-демократ меньшевик. В годы войны входил в военно-промышленный комитет, как председатель рабочей группы. После революции товарищ министра труда.

145. **Мартынов, А.** — революционный и партийный псевдоним А. С. Пикера. В начале 90-х г. Мартынов примкнул к русскому социал-демократическому движению и занял видное положение, как литератор и практик. Вначале он принадлежал к рабочедельцам, а затем после II съезда партии (1903 г.) примкнул к меньшевикам. Ныне член Р. К. П.

146. **Идет речь** о высшей фазе развития великой французской революции (1789—1796 г.г.), когда власть была в руках революционной мелкобуржуазной демократии.

147. **Гамбетта** (1838—1882) — крупный политический деятель Франции второй половины XIX века. Особой известностью пользовался он в период укрепления буржуазной республики, провозглашенной после поражения Парижской Коммуны. Стоял во главе республиканской партии, боровшейся с монархистами при Тьере и Мак-Магоне. В 1879 г. — президент палаты депутатов; в 1881—1882 г.г. глава французского кабинета министров.

148. **Клемансо** — политический деятель Франции периода 3-й республики, радикал, депутат, премьер-министр.

149. **Статья „Есть ли своя линия у О. К. и фракции Чхеидзе"** напечатана была впервые в „Социал-Демократе", № 50 от 19 февраля 1916 г. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 224.

150. **Чхеидзе** — см. прим. 87.

151. **Чхенкели** — кавказский с.-д. меньшевик. Член государственной думы.

152. **„Современный Мир"** — толстый марксистский журнал, выходивший в Ленинграде под редакцией Н. Иорданского. В годы войны журнал поддерживал оборончество позицию Г. В. Плеханова.

153. **Статья „О мире без аннексий и о независимости Польши, как лозунгах дня в России"** напечатана была в „Социал-Демократе", № 51 от 29 февраля 1916 года. Помещена в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 22.

154. **Челноков** — кадет, в годы войны московский городской голова и председатель союза городов.

155. **Милюков, П.** — лидер к.-д. партии, вождь русского либерализма, бывш. профессор московского университета. В эпоху I думы кадетами намечался премьером ответственного министерства. Во время войны — идеолог русских империалистов, сторонник аннексии Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и Армении. Лидер прогрессивного блока в IV думе, ярый враг международного социализма. Фактический редактор газеты „Речь". В разгар революции 28 февраля 1917 года на митинге в Таврическом дворце отстаивал романовскую монархию, во главе с Михаилом, но, встреченный негодованием рабочей и солдатской массы, вскоре принужден был перекраситься в защитный республиканский цвет. Его выступления на казачьем съезде в первый период революции, речи против Циммервальда и Кинталя полны желчи и ненависти к революционному Интернационалу. Во временном правительстве первого состава Милюков занял пост министра иностранных дел. Его нота 18 апреля 1917 г. о верности временного правительства договорам Николая II с союзниками вызвала дружный протест рабочих, и Милюков вынужден был подать в отставку. Впоследствии глава крупных заговоров против революции, „корниловец". После Октябрьской революции — вдохновитель контр-революционных выступлений против Советской России. Сторонник свержения Советской власти при помощи иноземных штыков. В дни Скоропадского резко изменил антантовскую ориентацию на германскую и искал помощи у кайзера, но германская революция расстроила его планы.

После победы советских войск на контр-революционных фронтах Милюков поселился в Париже. Редактирует лево-кадетскую газету „Последние Новости". Стал во главе „демократической группы" кадетской партии.

156. **Статья „Вильгельм Кольб и Георгий Плеханов"** напечатана впервые в „Социал-Демократе", № 51 от 29 февраля 1916 г. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 232. Вильгельм Кольб — германский социал-демократ, принадлежащий к правому крылу с.-д. партии.

157. **Рудольф Гильфердинг** — член германской с.-д. партии, крупный теоретик марксизма, автор книги „Финансовый капитал". В годы войны — каутскианец. После ноябрьской революции 1918 г. министр германской республики.

158. **Статья „О программе мира"** написана Вл. Ил. Лениным в марте 1916 г., напечатана в „Социал-Демократе", № 52. Вошла в XIII том Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 223.

159. **Лонге** — французский социалист, марксист, депутат. В годы войны занимал колеблющуюся позицию. Внук Карла Маркса.

160. **Прессман** — французский синдикалист. В годы войны занимал полупасифистскую, полуоборонческую позицию.

161. **Тревес** — видный итальянский социалист, реформист. Депутат палаты. До 1912 г. редактор „Avanti", центрального органа партии. Во время войны — пасифист.

162. **Статья „О сепаратном мире"** напечатана была в „Социал-Демократе", № 56 от 6 ноября 1916 г. Вошла в XIII том Собраний сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 388.

163. **Статья „Целый десяток „социалистических министров"** впервые появилась в „Социал-Демократе", № 56 от 6 ноября 1916 г. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 393.

164. **Статья „Поворот в мировой политике"** напечатана была в „Социал-Демократе", № 58 от 31 января 1917 г., перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 483.

165. **Вильсон** — бывший президент Сев.-Американск. Соединенных Штатов. Автор „14 пунктов", на основе которых он предлагал установить мир в Европе. Инициатор „Лиги Наций".

166. **Турати** — итальянский социалист-реформист, сторонник соглашения с буржуазией. Во время войны голосовал против военных кредитов. Сторонник вильсоновского проекта мира.

167. **„Avanti"** („Вперед") — центральный орган итальянской социалистической партии, отстаивавший во время войны интернационалистскую позицию.

168. **Альберт Тома** — французский социалист, оборонец. В годы войны приезжал в Россию уговаривать русских рабочих вести войну во имя империалистских интересов.

169. **Статья „Итоги дискуссии о самоопределении"** напечатана в „Сборнике Социал-Демократа" № 1 (октябрь 1916 г.). Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 396—434.

170. **Юний** — псевдоним Розы Люксембург. Брошюра, о которой идет речь, написана ею в тюрьме. Посвящена критике социал-шовинизма и выяснению перспектив возрождения революционного Интернационала.

171. **Статья О лозунге „разоружения"** напечатана была в „Социал-Демократе", № 2, в декабре 1916 г. Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 449.

172. **Роланд-Гольст** — известная писательница, голландская социалистка, примыкавшая во время войны к левому крылу Голландской социалистической партии. Вела антимилитаристскую пропаганду. Одна из руководительниц женского движения. Делегатка III конгресса Коминтерна. Ныне коммунистка.

173. **Письмо от 30 марта 1917 г.** было написано В. И. Лениным в Швейцарии 17 марта 1917 года по старому стилю. Адресовано оно было в Стокгольм, кому — не установлено.

174. **Натансон** — один из старых народовольцев, видный член партии соц.-революционеров. Интернационалист. После Октябрьской революции вышел из эс-эровской партии и солидаризировался с левым народническим течением, образовавшим партию революционных коммунистов, вливавшуюся затем в Р.К.П.

175. **„Письма издалека"** напечатаны: № 1 в I части тома Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 5, № 2, 3 и 4 в „Ленинском Сборнике" № 2, изд. Институтом имени Ленина.

176. **Куба** — партийное имя Ганецкого-Фюрстенберга, проживавшего тогда в Стокгольме.

177. **М. Черномазов** — провокатор, втерся в Елисаветградскую с.-д. организацию. Из Елисаветграда перебрался в Ленинград. До осени 1912 г. работал в партии большевиков и был близок к редакции „Правды". Вскоре был заподозрен, как провокатор, и отстранен от работы.

178. **Прощальное письмо к швейцарским товарищам** было написано в момент возвращения В. И. Ленина в Россию. Впервые оно появилось в швейцарской социалистической печати. В сентябре 1917 г. было перепечатано в России газетой „Единство" (орган плехановцев), как „доказательство опасности больше-

виков, помышляющих о мировой революции". Письмо это помещено во II части XIV тома Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр 403—409.

179. **„Спартаковцы"** — союз, объединявший левых соц.-дем. германской партии. Спартаковцы занимали левую циммервальдскую позицию и боролись с социал-шовинизмом внутри страны. К группе „Спартака" принадлежали К. Либкнехт, Роза Люксембург, К. Цеткин, Ф. Меринг, и др. В 1919 г. образовали германскую коммунистическую партию.

180. **Статья „Интернационализм и раскол социализма"** напечатана была в № 2 „Сборника Социал-Демократа" (декабрь 1916 г.). Перепечатана в XIII томе Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова), стр. 468.

181. **„Коммунист"** — большевистский журнал, издававшийся за границей во время войны при участии В. И. Ленина, Н. И. Бухарина и др. Вышел всего один номер.

182. **Зорге** — видный германский социалист второй половины XIX столетия, друг Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

183. **Скобелев** — социал-демократ, меньшевик, член IV государственной думы. После февральской революции министр труда в коалиционном министерстве.

184. **Ренодель** — французский социал-патриот.

К. Новицкий.

Указатель имен.

А.

Адлер. Стр. 16, 259.
Аксельрод. Стр. 18, 19, 20, 21, 22, 27, 30, 31, 35, 47, 48, 49, 58, 59, 64, 84, 117, 118, 124, 139, 140, 141, 142, 151, 154, 174, 238, 247.
Алексинский. Стр. 30, 50, 51.
А. М. Стр. 137.
Астров. Стр. 137.
Аустерлиц. Стр. 154.

Б.

Барбони. Стр. 111, 115, 116, 117, 118, 119.
Баррес. Стр. 45
Бауэр, Отто. Стр. 23, 177.
Бельгер. Стр. 88.
Бернштейн. Стр. 49, 50, 103, 212.
Бисмарк. Стр. 68.
Биссолати. Стр. 6, 90, 115.
Бобров. Стр. 24, 26.
Борхардт. Стр. 200.
Брантинг. Стр. 90.
Брандт. Стр. 259.
Беш. Стр. 259.
Брэйлсфорд. Стр. 65.
Буквоед. Стр. 41, 42, 44, 45.
Булкин. Стр. 161, 255.
Бурбоны. Стр. 218.
Бюлов. Стр. 156.

В.

Вальтерсгаузен. Стр. 88.
Вальян. Стр. 6, 24, 25, 83, 84, 85.
Вандервельде. Стр. 14, 20, 24, 25, 28, 31, 58, 91, 92, 100, 121, 162, 164, 229.
Вейнкоп. Стр. 224.
Вивиани. Стр. 26.
Вильгельм II. Стр. 168, 169, 198, 236, 240.
Вильсон. Стр. 166.

Г.

Гаазе. Стр. 49, 91, 92.
Гайндман. Стр 6, 7, 28, 56, 57, 58, 64, 83, 84, 85, 121, 122, 229, 256.
Гамбетта. Стр. 139.
Гарденин. Стр. 24, 68.
Гарибальди. Стр. 68, 111.
Гвоздев. Стр. 134, 154, 161, 255, 257.
Гегель. Стр. 65, 66.
Гейне. Стр. 85.
Гельферих. Стр. 167.
Гендерсон. Стр. 100, 229, 256.
Георг. Стр. 198.
Гизо. Стр. 33.
Гильфердинг. Стр. 148, 247, 249, 250, 256.
Гинденбург. Стр. 49, 154, 182.
Гирс. Стр. 156.
Гобсон. Стр. 247, 249.
Голэй. Стр. 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111.
Гортер. Стр. 155, 200.
Грейлих. Стр. 90.
Гримм. Стр. 128, 224, 238.
Грюнберг. Стр. 194.
Гучков. Стр. 68, 160, 161, 166, 168, 236, 237, 239.
Гэд. Стр. 6, 21, 28, 29, 39, 56, 57, 83, 84, 85, 94, 116, 121, 122, 127, 222, 236, 243.

Гэниш. Стр. 31, 85.
Гюисманс. Стр. 151, 164, 165.

Д.

Давид. Стр. 44, 57, 85, 97, 145, 164, 174, 211, 212, 222, 243, 244, 250.
Джолитти. Стр. 114.
Джиффеи. Стр. 65.
Дункер. Стр. 210.
Дэлэзи. Стр. 59.
Дюма, Шарль. Стр. 57.

Ж.

Желябов. Стр. 68.
Жоффр. Стр. 49.
Жуо. Стр. 127.

З.

Засулич. Стр. 240.
Зиновьев. Стр. 3, 235.
Зорге. Стр. 251.
Зюдекум. Стр. 18, 21, 24, 91, 92, 100, 145, 150, 151, 153, 154, 164.

И.

Ионов. Стр. 47.

К.

Капо. Стр. 65.
Каменев. Стр. 4, 237.
Каутский. Стр. 7, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 20, 27, 28, 29, 31, 34, 39, 41, 43, 46, 49, 50, 56, 57, 58, 60, 62, 63, 64, 66, 67, 68, 70, 71, 72, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 91, 92, 93, 94, 95, 98, 99, 100, 101, 102, 108, 109, 112, 115, 116, 119, 121, 122, 125, 128, 139, 141, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154, 155, 158, 162, 166, 167, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 202, 204, 209, 211, 212, 218, 222, 225, 229, 231, 236, 238, 243, 246, 247, 252, 253.
Кейр-Гарди. Стр. 6, 24, 26, 259.
Керенский. Стр. 137, 168, 234, 235.
Клаузевитц. Стр. 65.
Клемансо Стр. 139.
Клюк. Стр. 14.
Коба. Стр. 237.
Кольб. Стр. 148, 149.
Константин. Стр. 108.
Коррадини. Стр. 113.
Коссовский. Стр. 27, 47, 55, 100, 117, 137.
К. Р. Стр. 205.
Кропоткин. Стр. 117.
Кулишер. Стр. 205.
Кунов. Стр. 59, 60, 62, 63, 102, 119, 186, 187, 191.

Л.

Лабриола. Стр. 112, 113, 114.
Лавров. Стр. 259.
Лассаль. Стр. 77, 219.
Левицкий. Стр. 131.
Легин. Стр. 92, 95, 96, 98, 99, 100, 145, 166, 169, 180, 211, 212, 217, 222, 229, 243, 250, 256.
Ледер. Стр. 7.
Ленин, В. И. Стр. 3, 235.
Ленч. Стр. 31, 63, 85, 177, 187, 188, 191, 209, 217, 252.
Либкнехт. Стр. 6, 17, 97, 116, 143, 149, 173, 223, 243.
Либман. Стр. 209.
Ллойд-Джордж. Стр. 65, 73, 256.
Лонгэ. Стр. 151, 229, 238.
Львов. Стр. 236, 239, 240.
Люкас. Стр. 88.
Люксембург, Р. Стр. 58, 78, 83, 143, 174, 201, 209, 210.

М.

Майерас. Стр. 229.
Макдональд Рамзей. Стр. 6, 25, 229, 238.
Макензи. Стр. 168.
Максимович. Стр. 26, 27.
Маньков. Стр. 137.
Марков. Стр. 133.
Маркс К. Стр. 17, 18, 19, 58, 66, 67, 68, 69, 78, 81, 82, 127, 128, 129, 153, 192, 193, 194, 218, 219, 220, 246, 250, 251, 252, 257.
Мартов. Стр. 7, 8, 13, 16, 18, 24, 47, 48, 84, 86, 137, 138, 139, 140, 142, 151, 154, 155, 170, 174, 175, 183, 200, 209, 210, 220, 223, 233, 238, 246, 249, 250.
Мартынов Стр. 137.
Маслов. Стр. 6, 7, 24, 32, 35, 131, 170.

Машинадзе. Стр. 47.
Меркгейм. Стр. 127, 143.
Мерінг. Стр. 6, 12, 58, 78, 83, 210.
Мильеран. Стр. 68.
Милюков. Стр. 146, 157, 160, 161, 168, 234, 236, 237, 240.
Михельс. Стр. 111, 112, 114.
Муранов. Стр. 100, 234, 237
Мэн. Стр. 251.

Н.

Наполеон I. Стр. 214, 239.
Наполеон III. Стр. 68, 128, 151, 152
Натансон. Стр. 233.
Николай II. Стр. 67, 146, 147, 159, 198, 239.

О.

Оранский. Стр. 135.

П.

Паннекук. Стр. 6, 15, 60, 90.
Парвус. Стр. 187.
Плеханов. Стр. 6, 7, 16, 17, 18, 28, 29, 30, 31, 32, 47, 48, 50, 51, 56, 57, 58, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 83, 84, 85, 90, 91, 92, 94, 102, 103, 108, 109, 112, 113, 115, 116, 118, 121, 122, 126, 128, 129, 130, 131, 139, 141, 148, 149, 151, 153, 154, 157, 160, 161, 162, 164, 166, 169, 170, 174, 210, 220, 222, 229, 240, 244, 250, 256, 259.
Потресов. Стр. 18, 22, 35, 36, 66, 100 115, 131, 154, 157, 161, 162, 170, 209 210, 223, 240, 250, 255, 257.
Пресман. Стр. 151, 229, 238.
Пуанкаре. Стр. 198.
Пуришкевич. Стр. 114, 157.

Р

Радек. Стр. 60, 182, 200.
Реннер Стр. 171.
Ренодель. Стр. 243, 256, 257.
Робеспьер. Стр. 68.
Роланд-Гольст. Стр. 224.
Романов. Стр. 132.
Ропшин. Стр. 24, 68.
Рубанович. Стр. 24, 25, 26.
Рудорфер. Стр. 88.
Рюлэ. Стр. 212.

С.

Саландра. Стр. 68.
Самба. Стр. 14, 24, 39, 91, 92, 100, 222, 229, 236, 243.
Сарториус. Стр. 88.
Семковский. Стр. 41, 42, 45, 47, 48, 146. 155, 209.
Скобелев. Стр. 223, 234, 238, 240, 255.
Смирнов. Стр. 6.
Сноуден. Стр. 238.
Спектатор. Стр. 218.
Стаунинг. Стр. 166.
Стеклов Стр. 237, 240.
Струве. Стр. 69, 147, 186, 191.
Сундбо. Стр. 165.
Суханов. Стр. 237.

Т.

Талгеймер. Стр. 210.
Тома. Стр. 166, 169, 229.
Тревес. Стр. 151, 229, 238.
Трир. Стр. 165, 166.
Троцкий. Стр. 41, 42, 44, 50, 132, 141, 145, 155, 200, 209, 210, 249.
Трульстра. Стр. 37, 39, 90.
Турати. Стр. 166, 167, 168, 169, 172 173, 238.
Тургенев. Стр. 33.
Тьер. Стр. 42.

У.

Уэбб. Стр. 253.

Ф.

Фейербах. Стр. 77.

Х.

Хармс. Стр. 73.
Хвостов. Стр. 133, 146.
Хеглунд. Стр. 90.
Хейльз. Стр. 251.
Хельман. Стр. 164.

Ц.

Цеткин, К. Стр. 210.

Ч.

Челноков. Стр. 146.
Череванин. Стр. 18, 22, 35, 131.
Чернов. Стр. 24, 26, 233.
Черномазов. Стр. 237.
Чиркин. Стр. 161.
Чхеидзе. Стр. 42, 49, 50, 117, 131, 139, 140, 141, 142, 144, 145, 151, 158, 161, 174, 175, 220, 223, 234, 235, 236, 237, 238, 240, 255, 257.
Чхенкели. Стр. 141, 157, 161, 220, 250.

Ш.

Шейдеман. Стр. 85, 92, 100, 166, 169, 170, 171, 223, 243, 256, 257.
Шмид. Стр. 106.
Шмидт. Стр. 238.
Шнейдер. Стр. 238.
Штребель. Стр. 92, 210, 212.
Штюрмер. Стр. 156.
Шульце. Стр. 75.

Э

Энгельс. Стр. 11, 13, 17, 18, 66, 67, 125, 176, 177, 192, 194, 202, 219, 250, 251, 252, 253, 254, 257.
Эрвэ. Стр. 6.

Ю.

Юниус. Стр. 184, 209, 210, 211, 212, 213, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 224.
Юркевич. Стр. 209.